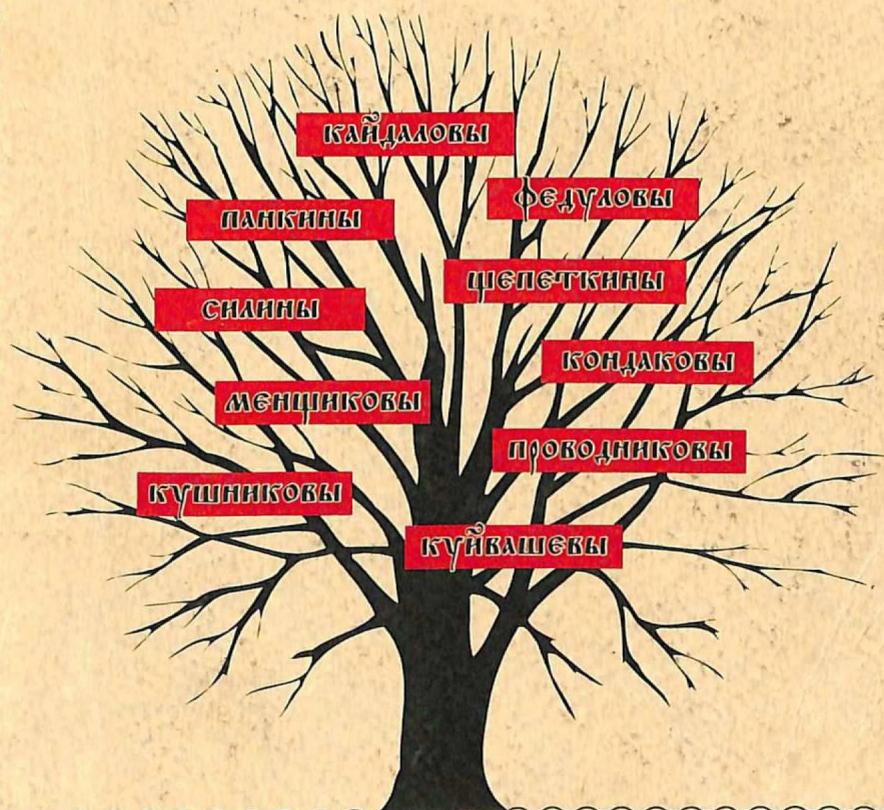

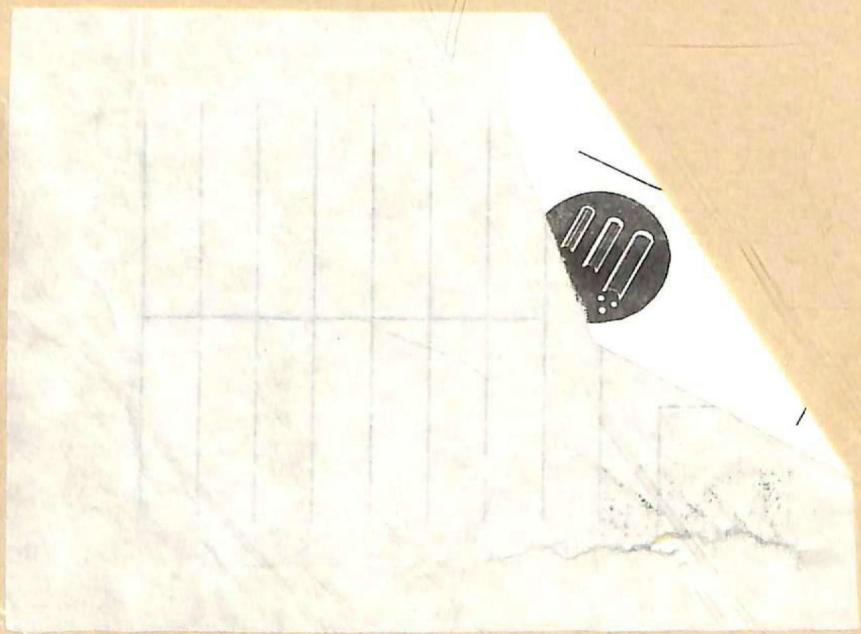
Б63.5(2-26(рн))

Б13

Анжелика Давыдова

КОРЕННЫЕ СУРГУТЯНЕ

КГЗ. З (22 Сургут)
17 3
Анжелика Давыдова

коренные сургутяне

БН

БГА - 1995

СУРГУТ

ЛС

ГУП ХМАО
«Сургутская типография»

9000116784

Сургут
2004

Давыдова А.О.

Коренные сургутяне. — Сургут: ГУП ХМАО «Сургутская типография», 2004. — 180 с, илл.

ISBN 5-93537-023-9

Сегодня в представлении большей части сургутян история города связана лишь с нахождением и использованием нефтегазовых месторождений. Однако Сургут обладает древней историей, связанной, прежде всего, с судьбами конкретных родов и личностей, послуживших становлению и развитию северного города. За многовековой период сложился особый самобытный уклад «старого» Сургута, сохраняемый в семьях потомков первопоселенцев, пришедших сюда четыреста лет назад ставить город Сургут. Это Силины, Панкины, Кушниковых, Проводниковых, Кайдаловых, Кондаковых, Домашовых, Беспёрстовых, Федуловых, Щепёtkинов, Менщиковых... Их по праву считают коренными жителями Сургута.

В книге на основе воспоминаний описаны семейные предания, исторические события и жизненные истории. Так же дан краткий анализ источников, из которых можно почерпнуть сведения о формировании и изучении сургутских традиций. Подобная работа осуществлена впервые и издатели надеются, что она послужит началом глубокого и всестороннего изучения родословий сургутских фамилий.

Книга посвящена 410-летию города.

Предназначена широкому кругу читателей.

Автор признательна и благодарна всем, кто помог в издании книги.

*Особая благодарность семьям коренных сургутян,
любезно предоставивших материалы из своих семейных архивов.*

Книга издана по заказу администрации г. Сургута

Фотографии:

Редактор Ана Сирбикова (коренные сургутяне),
издатель ГУП «Сургутский полиграфический комбинат»,
Наталья Бычкова.

Дизайн, датечная подготовка — В. Зимин

Корректор — А. А. Четверзина

Полиграфия

ГУП «Сургутский полиграфический комбинат»
Сургут, улица Труда, 12/14, тел. (8152) 54-42-00

Дизайн обложки — А. О. Давыдова, 2004.
Издательство — ГУП «Сургутский полиграфический комбинат»
Сургут, улица Труда, 12/14, тел. (8152) 54-42-00

© А.О. Давыдова, 2004.

© Оформление, В.В. Зимин, 2004.

ISBN 5-93537-023-9

Часть первая

От корней идущие...

Каждый город имеет свою историю, отражённую в судьбах людей, его населяющих. Есть люди разного поколения, которые помнят то или иное событие из своей жизни так свежо, как будто оно случилось вчера. Эти свидетельства дают представление последующим поколениям о том, как жили люди раньше, о чём думали, чем занимались. Благодаря этому события прошлых дней становятся ближе и понятнее современникам. Такие свидетельства именуют «устной» историей, и они порой очень помогают исследователям восстановить цепь исторических событий.

Бурное течение современной жизни иногда подминает под себя сокровенное прошлое. Так, в некотором роде, случилось и в Сургуте.

Перед интенсивным освоением нефтяных и газовых недр, начавшимся в середине двадцатого века в этом крае, исторически сложившиеся традиции жителей древнего города не устояли. Они оказались хрупкими перед натиском нового времени, которое диктовало и новый ритм жизни. Однако традиционный уклад сохранился в семьях носителей потомственных фами-

лий, берущих своё начало от основания города, которых принято называть коренными сургутянами...

Никто не знал, что здесь будет стоять град. Однако где-то в глубине веков чей-то взор определил это место для своего проживания. Поставил человек первое жилище и стал жить. Трудно теперь узнать, кто это был, известно только, что, когда пришли сюда казаки с дальней стороны, здесь хозяйствовал хантыйский князь Бардак. Имел крепкое жилище и не бедствовал. Многим нравилось место это. Вот и пришлые люди решили здесь же город ставить, на то и указ царский имелся. Пришлось Бардаку потесниться, и то после того, как «...поставленная рассейская пушка упрямства его не сократила»¹. Так стал расти и развиваться город наш. Сургут.

О названии его споров много имеется. Откуда произошло да что значит. Однако, сколько голову одни люди не ломают про это, другие в нём живут да семьи крепят четыре с лишним веков подряд. Силины да Тверентиновы, Кайдаловы да Кушниковы, Панкины да Проводниковы, Кондаковы да Щепёткины, Менщиковы да Беспрёрстовы, Федуловы да Куйвышевы, Домашовы да Вергуновы. Живут да развиваются роды, несмотря на перемены времён. Уже и новые пришлые — нефтяники да газовики в граде Сургуте прижились, а они, как и прежде, рыбачат, на охоту ходят, дикоросы собирают по своим местам. Правда, на некоторых из них новые дома большие да белые построены, да ничего, ещё и другие места в запасе есть.

Но заглянем в глубину веков. С «большой» земли пришли сюда служилые люди — казаки, да, не испугавшись дали сибирской, остались здесь на века. Поставили первые дома, стали жить. Здешние края по первости таили для них много загадочного, но всё же не дрогнули — обошли всё неизведанное. Порыбачили, поохо-

тились, с местными жителями: ханты и манси, дружбу завели. А потом, немного погодя, далее пошли города новые открывать. Много их по Сибири сургутскими казаками поставлено.

Как складывался жизненный уклад здесь, одному Богу ведомо, да только и сейчас помнят старики силу и стать своих предков, их смелость и правдолюбие, сноровку и хозяйствскую основательность. По памяти этой и свою жизнь строили, детей воспитывали. Спроси сейчас коренного сургутянина, что ценилось в его жизни больше всего, на что ровнялся. И он тебе ответит, что превыше всего ценились трудолюбие, уважительное отношение к старшим, достойное поведение в быту, т.е. без ругани и побоев, умение погулять и отдохнуть в праздник, а не в будний день, и то без особой выпивки. В общем, ценился навык к здоровой жизни...

О жизни и бытованиях сургутян в прошлом есть немало свидетельств, зафиксированных в известных статьях политических ссылочных, таких как «Очерки Сургутского края» С.П. Швецова² и «Поверья и обычаи Сургутского края» И.М. Неклепаева³. В первой из них даётся представление о традиционных занятиях сургутян: рыбалке, охоте, шишковании, огородничестве, скотоводстве. Здесь есть так же описания торговых отношений с коренными народами Севера, бережного отношения к природе. В другой работе показаны обычаи сургутян, которых они придерживались при ведении домашнего хозяйства, играя свадьбы, празднуя Масленицу, Пасху, другие православные праздники. В статье содержатся описания игр детей и сезонных увеселений молодёжи.

О промыслах, состоянии сельского хозяйства, домашних и других занятиях жителей Сургутского края даёт представление географ, исследователь А.А. Ду-

От корней идущие

нин-Горкевич в широко известном трёхтомном труде «Тобольский Север»⁴.

Более подробно об этих и других изданиях можно узнать в работе доктора исторических наук, профессора декана исторического факультета Сургутского государственного университета А.И. Прищепы «Первая попытка историографического анализа научной литературы о Сургуте»⁵.

Уникальные данные об одежде, пище и занятиях сургутян начала прошлого века содержатся в «Санитарном очерке г. Сургута Тобольской губернии» сургутского окружного врача В.Е. Клячкина. Примечательно, что автор зафиксировал характерную черту, присущую сургутянам и последующих поколений. Он пишет: «Водку (они) употребляют в весьма малом количестве и только в праздники. Пьяные попадаются крайне редко...»⁶.

Особую ценность для изучения традиций коренных сургутян представляют «Записки уездного исправника» Г.А. Пирожникова⁷. В них даны описания образа жизни, одежды, промыслов народов Севера, которые существенно повлияли на формирование занятий и ведение домашнего хозяйства пришлого в сургутский край русскоязычного населения. У югорских народов ими были заимствованы многие навыки и приспособления для ведения рыбалки, охоты и сбора лесных даров. В зимнее время использовалась и традиционная верхняя одежда ханты и манси: малица, кумыш и кисы.

Попытка отдельного описания сургутских традиций впервые была осуществлена известным сургутским краеведом, ветераном Великой Отечественной войны Флегонтом Яковлевичем Показаньевым. В его книге «Город древний, город славный», выход которой был приурочен к 400-летию Сургута, есть небольшая глава

«Сургутские традиции»⁸. В ней Флегонт Яковлевич подчёркивает, что изучением сургутских традиций никто никогда не занимался, потому что население Сургута было немногочисленным и постоянным, установившиеся порядки были незыблемыми и усваивались людьми с самого раннего детства. Он пишет: «В основе своей здешние традиции имеют обычай, давно сложившиеся в русском народе и привнесённые сюда основателями города ещё четыре века назад. Надо отметить, что род занятий, зависимость от природы, опасные промыслы, постоянное общение с коренными обитателями, тесные семейные узы местного сообщества, отсутствие санитарной службы и квалифицированной медицинской помощи накладывали отпечатки на существующие традиции или формировали новые».

Основными из них Ф.Я. Показаньев называет следующие: бережное отношение к природе, чистота дворов и общественных мест, нетерпимое отношение к воровству, взаимная помощь и взаимная выручка, трезвый образ жизни населения.

Ценным подспорьем в изучении традиционного уклада сургутян является небольшая книжка А.В. Кузнецова «Мой Сургут»⁹. Автор по воспоминаниям своего детства и юности, прошедших в Сургуте в конце 1920-х — начала 1930-х годов, даёт подробные описания о занятиях сургутян. В издании есть зарисовки приспособлений для игр, забав и развлечений сургутских детей. Даны точные описания приспособлений для рыбалки и охоты, организации санного пути и заготовки кормов для домашних животных на зиму. Вот как, например, автор рассказывает о некоторых занятиях сургутян.

Сенокос: «...Постоянных сенокосных угодий у жителей Сургута не было, каждый хозяин выезжал за Обь и подыскивал себе участок с хорошим травостоем по-

От корней идущие

ближе к реке Полуй, Гусиному истоку или Свиной курье. Облюбованный участок отмечался прокосами с трёх сторон — это означало, что он занят.

Отпраздновав Ильин день, семьи выезжали на сенокос, брали с собой продуктов на неделю. К этому времени уже поспевал картофель, овощи, увозили в четвертях молоко, в туесках из бересты — сметану, простоквашу, творог. Все скоропортящиеся продукты укрывали от солнца в земляных ямах. Брали ещё запасённую в варовую пору рыбу (щуку, окуня), ели её отварной, с картошкой. А чтобы была свежая рыба, ставили в речку одну-две сетки.

Сразу по приезду на покос ставили глухой балаган. Сначала втыкали в землю две стойки рогатины, на них клали поперечную жердь-матку и со всех сторон к ней ставили под углом жердочки и приплетали тонкими веточками тальника или черёмухи. Затем внутри балагана сооружалась из травы постель. Снаружи на стожарья со всех сторон накладывали толстым, непробиваемым дождём слоем свежескошенную траву, оставляя только небольшой лаз, который закрывался охапкой сена. В глухом балагане сон был крепкий, так как в него не попадали комары и не доносились их «пения» снаружи. В нём было хорошо укрываться и в ненастную погоду. Поэтому и часть продуктов (хлеб, сахар, соль) хранилась в углу балагана.

Косить траву выходили с рассветом, ещё до восхода солнца — по росе она скашивалась легче. Первые несколько дней косили с утра и до позднего вечера. Утрами и вечерами косили на гравах пырей, а после завтрака, когда поднималось солнце и обсыхала от росы трава, шли косить в низинах осочек с разнотравьем.

При солнечных и ветреных днях трава быстро подсыхала — тогда после завтрака брали грабли, вилы и

шли убирать кошенину. Каждый граблями скручивал траву прокоса в валок и, когда набиралась охапка, подхватывал её с одной стороны рукой, а с другой — граблями и нёс к месту, где складывалась копна. Валки укладывали крест-накрест на высоту поднятых рук, копна завершалась пластом сена, взятого на вилы. Снизу копна подбивалась черешком вил. Вилы тогда делали из берёзы двурогие, они были разных размеров — например, вилы с коротким черешком служили для того, чтобы вершить копны».

Животноводство и огородничество: «...После вскрытия реки перевозили в неводниках на пойму рогатый скот — кто в Борок за Бардаковку, кто ещё дальше, к Оби. Утрами и вечерами женщины и девчата собирались с деревянными подойниками на берегу Бардаковки, садились в лодки и ехали доить коров. В эти минуты с реки слышалось пение старинных песен. В пойме быстро поднималась трава, скот набирал силу, и с каждым днём удои росли. Когда вода убывала и протоки пересыхали, коров по вечерам пригоняли на дойку домой. После дойки их отгоняли на ночёвку в летние загороди, построенные на правом берегу речки Саймы. Утром коров снова провожали за Бардаковку, и там они опять разбредались по поймам. Овцы летом паслись в самом Сургуте, так как улицы его были сплошь покрыты мелкой травой.

Переправив скот на пойму, хозяйки брались за огородные дела — копку, посадку картофеля, посев моркови, свеклы, турнепса, репы, капусты. Делали из свежего конского навоза грядку для огурцов, которые высаживали семенами и лишь редко кто — рассадой. Так как лошади в это время были на лугах, далеко от огорода, воду для полива носили с речки вёдрами на коромысле. Ложилась эта трудоёмкая работа на плечи женщин-домохозяек и их дочерей».

От корней идущие

В заключительной главе «Земляки» авторские свидетельства о жизни коренных сургутян раскрывают характер и нравы некоторых из них. Представляет интерес и список домовладельцев г. Сургута 1927-1928 годов, приведённый в заключении книжки.

Немалый вклад в изучение жизни коренных сургутян внёс ветеран Великой Отечественной войны и педагогического труда краевед А.И. Силин. Для исследователей представляют ценность его статьи о традициях и обычаях предков. В одной из них он пишет: «О традиционности нравственного уклада сургутян рассуждать невозможно без знания истории первых поселений старожилов, их происхождения и обычаяев, без знания природных условий и изолированности от культурных центров России. Суровые природные условия, тяжелейшие виды промысла, отсутствие помощи извне требовали от старожилов Сургута сметливости, упорства в достижении цели и сильного духа. Эти условия определяли нравственный уклад, порождали традиции, отличающиеся от населения центральной полосы. Отсюда появилось определение сибирского характера, характера сургутян». Здесь уместно упомянуть слова коренной сургутянки Галины Клавдиевны Панкиной (Агаповой): «Коренные сургутяне много не говорят. Они больше делают, потому как судили здесь всегда больше по делам человека, чем по словам. Север не позволял лгать, он не терпел и не терпит предательства. Суровые природные условия помогли человеку сформировать правдивый, честный характер, поэтому жизнь здесь строилась, прежде всего, по законам природы. А ещё сургутяне очень бережно относились друг к другу».

Александр Иванович далее свидетельствует: «Издревле сохранялось уважение к старшим, особенно к старикам. Попробуй-ка не поздоровайся со старшим

при встрече! Необходимо было снять головной убор и поклониться в приветствии. При невыполнении ритуала следовало наказание от отца. Ещё более сильное наказание следовало за грубость. За воровство — не только общественное порицание, но и порка прилюдно. Как правило, при отсутствии хозяев дома, амбары, кладовые не закрывались на замки и крепкие запоры. «Сторожем» служила палочка с верёвочкой. Нецензурная брань преследовалась¹⁰.

О традиционном бытовом укладе сургутян писал известный сургутский журналист, краевед, почётный гражданин города Сургута И.П. Захаров. В его книгах «Моя земля»¹¹, «Старожилы»¹² содержатся материалы о занятиях сургутян, обустройстве сургутского дома, развлечениях, прозвищах, географических названиях и лексиконе предков. Впервые собранные Иваном Прокопьевичем биографические материалы о старожилах Сургута позволяют поближе познакомиться и с представителями фамилий коренных семей города: Кушниковыми, Домашовыми, Федуловыми, Панкиными, Кайдаловыми, Тверетиновыми, Проводниковыми, Кондаковыми.

Весомый вклад в изучение истории старожильческих сургутских родов внёс известный югорский краевед В.К. Белобородов. Его цикл очерков, опубликованный в журнале «Югра» в 2001-2002 годы, в большинстве своём написан о казачьих фамилиях, известных в Сургуте с XVII века, с использованием архивных материалов. Очерки в некотором роде дают представление о формировании культуры быта и взаимоотношений коренных сургутян¹³.

К изучению старожильческих фамилий обращаются и сургутские историки. Богатый фактографический материал о Клепиковых содержится в работе сотрудника Сургутского краеведческого музея И.Ю. Клабукова¹⁴.

От корней идущие

С 2000 года сотрудниками историко-культурного центра «Старый Сургут» ведётся работа по сбору материалов о семьях и фамилиях коренных сургутян.

На основе опубликованных источников сделан анализ документов, по которым выявлены наиболее распространённые фамилии сургутских казаков XVII века¹⁵. В результате этой работы составлен список, в котором насчитывается 79 фамилий. (*Приложение №1*).

Сегодня из этого списка в Сургуте проживает представителей 28 фамилий, что официально подтверждено Управлением записи актов гражданского состояния г. Сургута. (*Приложение №2*).

Интересно, что по тому же подтверждению, с середины XX века в Сургуте, например, Беспёрстовых родилось 23 человека, Вергуновых — 3, Кайдаловых — 180, Кондаковых — 149, Куйвышевых — 3, Кушниковых — 53, Меньшиковых — 21, Панкиных — 20, Продовниковых — 40, Силиных — 70, Федуловых — 59, Щепёткиных — 52. Исходя из этих данных наиболее распространённая фамилия коренных сургутян — Кайдаловы. А вот за период с 1948 по 2003 год более всего выходили замуж и женились Кондаковы — 124 человека (*Приложение № 3*).

По свидетельству А.И.Силина, «...самая многочисленная фамилия в Сургуте — Кайдаловы, которая в 20-30-е годы состояла из тридцати семей. Вторыми по численности были Кушниковые, затем Тверетины, Панкины. Чтобы не запутаться во множестве однофамильцев, было правило присваивать уличные фамилии, прозвища: Тухловы, Гореловы, Графирины, Сырки, Тараканы, Почтальоновы — это Кайдаловы. Тверетины — это Гнускины, Лощёновы...»¹⁶.

И.П. Захаров также указывал на то, что самая распространённая фамилия в Сургуте была Кайдаловы. Вторыми

по численности он называл Щепёткиных, затем Кондаковых, Панкиных. И добавлял прозвища: Коровья кадриль — Иван Домашов, «Акулинские» означали Кушниковых. Жили в Сургуте Гужи, Проша-клин, Тихоновские...¹⁷

На сегодняшний день известно более сорока уличных прозвищ. Наиболее полный их список имеется в городском обществе «Старожилы Сургута». Здесь же есть книга, в которой зарегистрировано 320 человек коренных сургутян старшего поколения. По весьма приблизительным подсчётом в среднем за каждым из них стоит 25 человек потомков. Таким образом, сейчас в городе насчитывается 8 тысяч человек коренных сургутян. Интересно, что 40 лет назад, в 1964 году, в Сургуте проживало 7,8 тысячи человек. Буквально на следующий год с приходом геологов, нефтяников население города увеличилось почти на 3 тысячи человек, как в прочем и в последующие годы¹⁸.

Судьбы носителей потомственных фамилий, их жизненный уклад интересовал приехавших новых жителей города. О коренных сургутянах появились очерки сургутских журналистов: Н. Ездакова «Щепёткины», А.Ф. Ярошко «Панкины», З.С. Сенькиной «Иван» (о Кайдалове).

В известных книгах «Сургут и сургутяне: Рассказ о людях и времени»²², «Их провожал и встречал Сургут: Рассказы о фронтовиках»²³, составленных краеведом, журналистом Г.В. Кондряковой, есть ряд публикаций, рассказывающих о жизни коренных сургутян.

Интересные сведения о Михаиле Щепёткине содержатся в книге «Улицы Сургута: Рассказ об именах, встречающихся на карте города» выход которой был приурочен к 410-летнему юбилею Сургута.

Предприняты попытки изучения и обобщения сведений о традициях коренных сургутян на основе ука-

От корней и души

занных источников современной сургутской молодёжью²⁵.

Отправной точкой систематического изучения и сбора материалов о жизни, быте, традициях коренных сургутян послужила реализация в 2000-2001 годы совместного проекта Сургутской городской организации журналистов и ИКЦ «Старый Сургут» «Древо града сургутского», где было отмечено, что «...город Сургут существует более четырёхсот лет, а новый, современный построен на его основе лишь сорок лет назад. Разрыв в триста лет и ускоренный рост молодого города не позволил впитать дух старых традиций, что и послужило потере исторических связей между поколениями. А между тем жизнь подсказывает, что дальнейший рост крепкого города невозможен без укрепления корней...»²⁶.

В рамках этого проекта в апреле 2001 года впервые состоялся вечер, на котором собралась большая семья коренных сургутян Силиных. Более пятидесяти человек разных поколений присутствовало на нём. На вечере звучали рассказы о семейных реликвиях, о рыбалке и охоте, конечно же, воспоминания о прошлой жизни в Сургуте...

В ходе подготовки вечера был собран богатый фотоматериал этой семьи, который стал основой для создания фамильного альбома. Впоследствии появилась целая серия альбомов под общим названием «Семейный альбом Сургута».

Спустя три года в историко-культурном центре «Старый Сургут» 15 апреля 2004 года открылась экспозиция с одноимённым названием. В экспозиции разместились более десяти фамильных альбомов, карты генеалогических древ, семейные реликвии и предметы быта. В этот же день был заложен Сквер корней и про-

ведён городской вечер коренных семей Сургута, на котором присутствовали потомки многих фамилий коренных сургутян.

Звучали приветственные слова, воспоминания... Рассказывали коренные сургутяне о своей жизни в «старом» Сургуте так, будто он есть и сейчас. И среди современных домов и строений живут те, что хранят предания прошлого для будущих поколений.

Силин Иван Петрович говорил о них так: «Коренные сургутяне были очень простые, трудолюбивые люди, гостеприимные и общительные. Они жили, как одна семья — помогали каждому, кто был в беде, кто чем мог: одеждой, продуктами, ремонтировали и строили дома вместе.

Коренные сургутяне охраняли природу. Ягоды, кедровые шишки собирали только созревшими в определённое время. Лес людьми охранялся от пожаров. Пойма Оби и рек содержались в чистоте, ведь это было нерестилище рыбное.

Сургутяне жили, любясь природой, они берегли её, как зеницу ока своего. Ведь она обеспечивала питанием. Сейчас вспоминаем сквозь слёзы прошедшие времена. Наши внуки слушают наши рассказы, и у них в голове представляется это, как легенда...».

Низкий Вам поклон, хранители «живой» истории.

От корней идущие

Братья Юрий и Анатолий Куйвашевы. 1952 год.

Дети И.И. Останиной (Менщиковой): Тамара, Володя, Николай
(слева направо). 1950-е г.г.

Соревнования детей работников милиции и
государственной безопасности. 1943 год.

На дойку за Обь. 1950-е гг.

19

Заготовка сена за Обью. 1956 г.

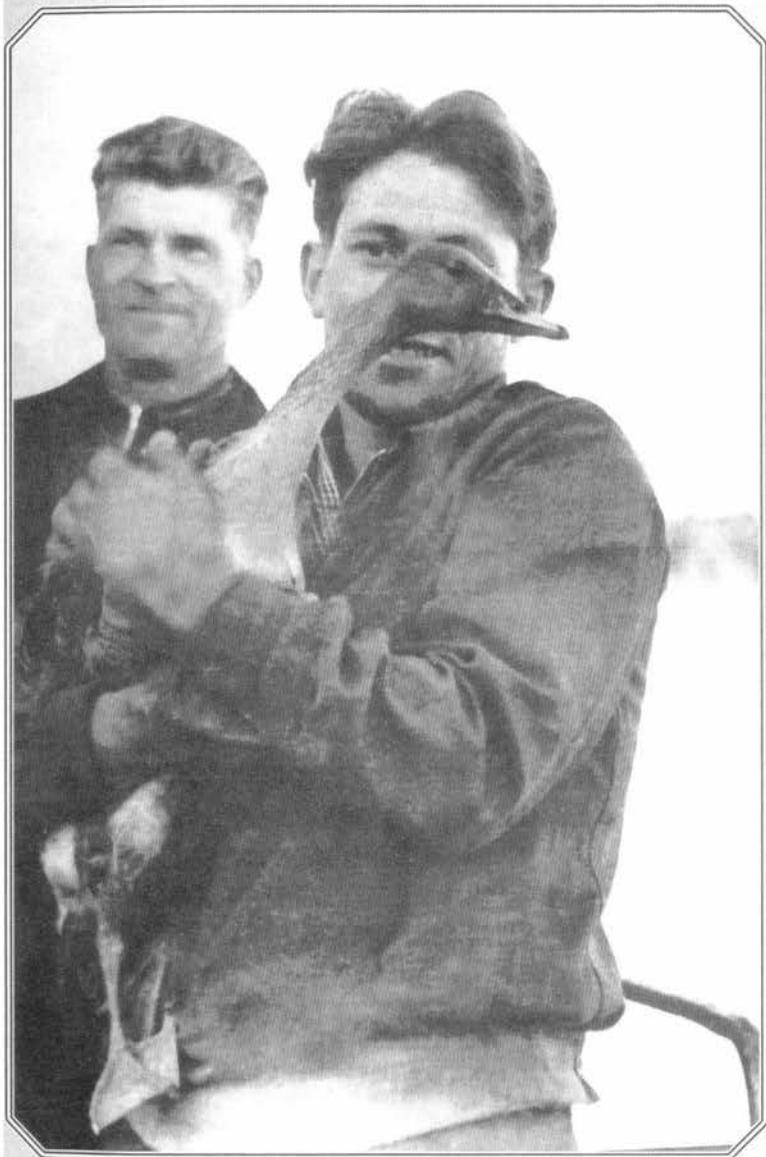
20

Масленица в Сургуте. 1952 г.

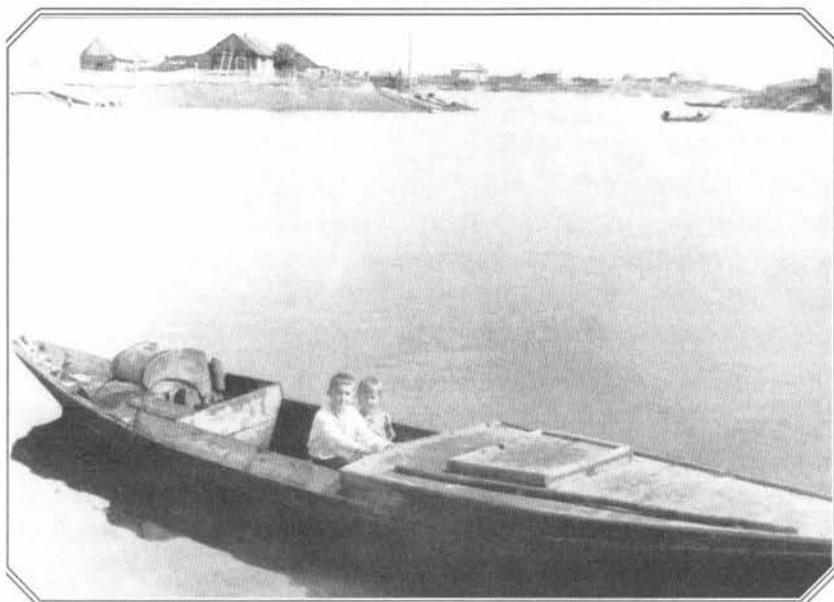

На рыбалке. 1950-е гг.

От корней и души

На охоте. 1950-е гг.

2

Дети Силиных на Сайме. 1958 год.

Виктор Кондаков (слева) и Михаил Ларломкин на площади перед Домом культуры 1 мая в Сургуте. 1956 год.

23

На горке в Сургуте. 1956 г. Л.А. и В.Е. Кондаковы.

Масленица в Сургуте. Евдокия Силина с мужем. 1952 г.

Городской вечер коренных семей Сургута.
15 апреля 2004 г. ГКДЦ «Строитель».

Городской вечер коренных семей Сургута. Панкины.
15 апреля 2004 г. ГКДЦ «Строитель».

От корней идущие

Городской вечер коренных семей Сургута.

А.А. Федулов с семейными «древами».

15 апреля 2004 г. ГКДЦ «Строитель».

Городской вечер коренных семей Сургута. Менщиковых.

15 апреля 2004 г. ГКДЦ «Строитель».

— От корней идущие

Силины в ИКЦ «Старый Сургут».
22 апреля 2001 г.

Вечер семьи Силиных.
22 апреля 2001 г. ИКЦ «Старый Сургут».

Часть вторая

Судьбы...

СИЛИНСКИЕ МУЖИКИ

Нздавна земля сибирская славилась здоровыми, крепкими мужиками, что и подворье поставят, и охоту удачно спрявают, и на рыбалке без улова не останутся. Горячи, буйны головы были, на казачьей закваске рождённые. И в Сургуте были такие — с распахнутой душой да с размеренной хваткой.

Силины. Род их древний, из силы земли зародившийся. Тянется с прошлого века и на крепких корнях стоит так, что помнят почти до последнего поколения, кто есть в роду.

Силиных в Сургуте много. Одна ветвь переплетается с другой, и все уходят корнями к первым поселенцам — казакам, что прибыли наш город ставить вместе с другими служивыми людьми: Кондаковыми, Панкиными, Кушниковыми, Кайдаловыми.

Одну ветвь в шесть «колен» составил Иван Петрович Силин — коренной сургутянин, уважаемый в городе человек. Помогали ему в этой кропотливой работе дети и внуки. Ещё не приступили историки города к подробному изучению родов, семей Сургута, а в домашнем кругу, в почитании к предкам, работа эта ведётся. И это совершенно правильно, раньше было принято помнить своих предков назубок, а уж в дворянстве и вовсе в книги записывали. Знать, настало время и сейчас восстановить традицию российскую. Что ж, вместе с Иваном Петровичем отправляемся в путешествие по древнему роду, ветке одной...

СИЛИНЫ

Купец Николай Силин жил в Сургуте, хозяйство имел. Работников. Одного из сыновей Михаилом звали (дед Ивана Петровича). Среди старожилов он очень хорошо известен как дядя Миша Банный. Почему «Банный»? Есть несколько версий. Одна из них гласит, что он очень любил париться в бане, другая же — потому, что жил на острове Банном. А название острова, в свою очередь, говорят, произошло от прозвища дяди Миши — попробуй-ка разберись. Так или иначе, а Иван Петрович рассказал нам то, что говоривала ему матушка — Аграфена Ивановна. Прежде на острове, где жили Силины, был очень густой сосновый лес. Настолько густой, что крикнешь — и эха не слышно. Ну, прямо, как в бане. Вот и прозвали остров Банным, а дядя Миша, который там жил в одиночку, стало быть, Банный. Потом постепенно лес вырубался под строительство домов. Теперь и не поверишь, что мог быть там густой лес. Но предание осталось и прозвище тоже, да и остров Банный всем знаком. Но пойдём дальше...

Что ни поколение Силиных, то заметная фигура в Сургуте. Отца Ивана Петровича, вероятнее всего, старшего сына дяди Миши Банного, все знали как дядю Петю Медвежатника. Заядлый охотник. В 32 года от роду имел на своём счету 18 разных лис: и чёрных, и рыжих. А за жизнь свою медведей завалил более тридцати. Прежде всего, заниматься приходилось этим, оберегая хозяйство на острове. Бывало, что выгонял медведя из берлоги, а затем выстрелом валил, а бывало, что ловил и капканами.

Разные истории рассказывали про его охоту. И сам дядя Петя был отменный рассказчик, и слушатели всегда находились. Дом его стоял на краю острова. Санный и водный пути пролегали мимо. Люди останавливались — чай попить, согреться, лошадей покормить, обменяться

СИЛИНЫ

новостями, а то и переночевать. Захаживали и русские, и ханты — дядя Петя был известен на всю округу. Иногда он рассказывал свои истории, а иногда и некогда было. Одно из приключений с ним приводит в своей книжке «Мой Сургут» старожил города А.В. Кузнецov. Когда Александру Васильевичу было 13 лет, отец взял его в поездку в Тром-Юган. Как водится, на Банном сделали остановку. Чай пили, когда из соседнего рыбакского стана на протоке Почекуйка приехали посыльные — промысловики Куйвашевы-Нестеровы за дядей Петей. На угодье медведь объявился. Хозяин решил брать медведя, гости и друзья напросились с ним. Целой толпой явились на место. Дядя Петя попросил их держаться метрах в двадцати от берлоги и не шуметь, а сам стал кряжем шерудить медведя в берлоге. Поначалу была тишина, а затем раздался рык, и медведь потянул кряж на себя. Охотник сунул ещё кряж в берлогу, чтобы загородить выход. Медведь с рёвом принял освобождать берлогу от кряжей. Дядя Петя и один из помощников стояли в напряжении, приложив приклады ружей к плечам. Вдруг в какой-то миг с противоположной стороны берлоги из белого снега выросла целая куча. Разом прозвучали два выстрела, и зверь — наповал. Оказывается, то была медведица, очень истощённая. Расчистив от снега вход в берлогу, смельчаки полезли в неё, вытащили двух маленьких медвежат, унесли в избушку. Их затем увезли в Сургут, а с открытием навигации отправили на «большую» землю.

Иван Петрович в отца пошёл: «Если не съезжу в лес — на рыбалку, охоту — болеть буду», — говорит он. И с ним интересных случаев было немало. Поведал некоторые из них, рассказывая, наверное, не хуже отца своего.

— Много лет подряд ездили мы на охоту с Дубровиным Геннадием Дмитриевичем в вершину трёх речек

СИЛИНЫ

Лям. По осени — на месяц. Однажды подплывает к нам хант Андрей Вандымов и говорит:

— Ребята, надо мужика смелого.

— Что такое?

— Медведь повадился к жилью.

— Поехали.

Собаки у нас хорошие были, с ними не страшно — взяли с собой. Только спустились с бугра — залаяли. Мы — за ними. Дубровин вперёд выскочил. Отбежал недалеко, метров 50-100, слышим — выстрелы.

— Что?

— Убил!

А медведя-то и нет. Побежали к озеру — хант ранил медведя. Собаки выгнали подранка из болота, тут мы его и завалили. Ободрали, мясо поделили. Шкуру еле-еле дотащили на себе. Долго лежала у меня на полу дома, а потом сыну шапку сшили.

Конечно, за коротким рассказом остаются и чувства, и ощущения от встречи с медведем. Но понятно одно — смелости Силиным не занимать.

— Рыбачили по всей Оби, но в основном на Ёртиковском песке и Пеньковской протоке. Однажды поздней осенью, когда вода уже совсем студёная, подплыли мы с Геннадием Проводниковым к «Ярославцу», катеру леспромхоза, чаю попить. Погрелись — ещё плавать. Я пошёл лодку заводить, а не знал, что она на парах. Дёрнул резко за ручку, а посудина поплыла, и меня в воду сбросило. Не успел оглянуться, а она на меня ходом. Ну, думаю, — всё! И дозваться никого не могу. Повезло — заглохла лодка-то, не доплыла. Меня еле из студёной воды вытащили. Не знаю, как и выжил.

Иван Петрович может рассказывать часами, как и всякий сургутянин. И больше про рыбалку да охоту: без них ты не коренной вовсе. Их деды и прадеды на реке

и в лесу большую часть жизни проводили, и по наследству навыки передались. И традиции жизненные тоже: уж много ли ты поохотишься или порыбачишь, коли пьян? Потому и порицалось пьянство в Сургуте. И детей в строгости держали. К труду с малолетства приучали — по дому, по хозяйству управляться. В десять-тринадцать лет ружьё в руки давали — суровый край, всему сызмальства учиться нужно, чтобы выжить.

Детей своих Иван Петрович в строгости держал, не отходил от традиций, предками заложенных. Троих сыновей — Петра, Ивана и Николая — поднял на ноги, да дочь Веру. Своих сколько, а ещё четверых приёмных. И на работе молодёжи наставником был. Чтобы у него в гараже леспромхоза курили — ни-ни! Хотел ещё, чтобы не пили и не матерились на работе — не успел, на пенсию ушёл.

Слушаешь Ивана Петровича и думаешь: «Хозяйский подход во всём. Где бы ни находился, везде по высоким меркам и себя держит, и от других того же требует». В назначенный час приходил на наши встречи-беседы, хоть часы проверяй. А зайдёт, так сразу поклон «офицерский» — выправка с армии осталась, в кавалерии служил. Кивнёт так, что сразу в «мадамский» реверанс присесть хочется! Где в наше время встретишь этакую галантность?

Многое Силин и о Сургуте рассказал. Зелёный и красивый городок, чистый и опрятный. Огороды с богатым урожаем. Само собою, по-разному жили люди, но в основном неплохо, если руки работы не гнушились. Доверяли друг другу, уважали и почитали старших. Прежде чем обжиться, лошадей заводили. Ездили за водой для питья и приготовления пищи на Сайму — чистая речка была. Сейчас-то не знаем, как берега очистить да полноводность прежнюю восстановить. «Сердце болит

СИЛИНЫ

за старый Сургут, — вздыхает Иван Петрович. — В пятиэтажках тяжело жить. Как только сезон начинается, едем на дачу. С пяти-шести утра и до глубокой ночи с землёй возимся. Тянут корни-то».

Сыновья Ивана Петровича тоже крепкими да сильными стали. У каждого не по одной истории об охоте и о рыбалке найдётся. Скромны и приветливы, да со скрытым юмором. Свои дети подрастают и не по одному. Дочь Вера — мастерица пироги из белой рыбы-муксуна печь. Особый привкус у пирогов, сдобренных любовью к собственной земле, заложенной родителями. А как она говорит о своём крае, наверное, не скажет никто из сюда приехавших. В её словах — тепло и любовь, благодарность родителям и что-то ещё такое, что словами не передаётся. Сила, мудрость человека, родившегося в большой и древней семье Силиных.

Конечно, всякое бывало в семье — и плохое и хорошее. Но трудности не преодолеваются в одиночку — все вместе собираются, решают, как поступить. А уж коли радость, так и вовсе — за столом единым делятся ею.

Попытались собрать эту семью в одном из домов историко-культурного центра «Старый Сургут». Едва разместили — пришли от мала до велика. Карта-схема семьи, что составил Иван Петрович, ожила и заговорила словами людей. Звучал старосургутский говор. Воспоминания детства, охотничьи и рыбакские истории, жизненные приключения, боль и переживания — всё окуналось в «старый» Сургут. Казалось, что сам там живёшь. А Силины и сейчас живут так, как жили много лет назад их предки. Работают — врачами, педагогами, на буровой и на нефтепромысле, на стройке и на транспорте. Почти у каждого своя дача. Рыбачат и охотятся. Продолжают «растить» — за лето 2001 года прибавился род малышом и сыграли две свадьбы.

СИЛИНЫ

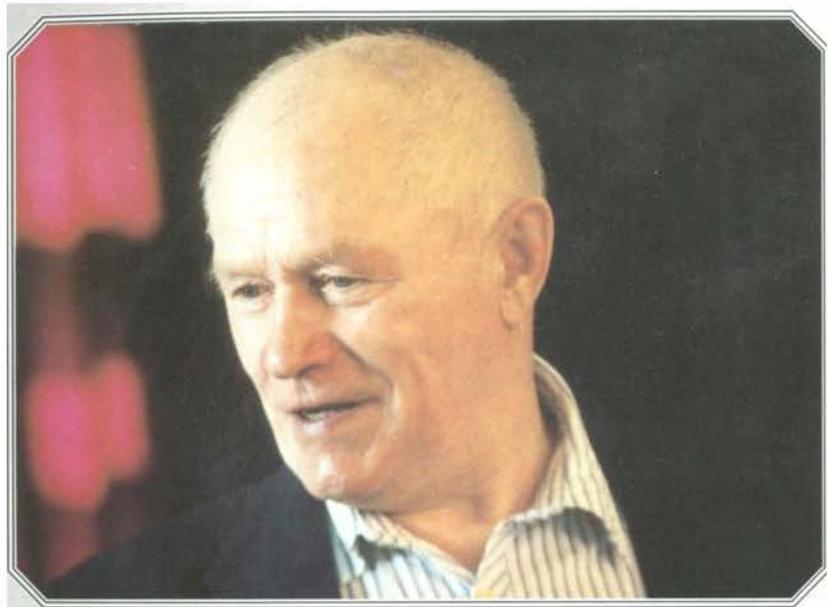

34 Иван Петрович Силин
с сестрой Ираидой и братом Алексеем. 1954 г.

На рыбалке И.П. Силин. 1950-е гг.

СИЛИНЫ

Иван Петрович Силин. 2001 г.

35

Иван Петрович Силин с детьми и родственниками.
22 апреля 2001 г. ИКЦ «Старый Сургут».

СНИМЫ

реки Федуловых

«Книги — суть реки,
наполняющие благодатью всю Вселенную».

(Ярослав Мудрый)

Затишье. Я иду улочкой «старого» Сургута. Накрапывает мелкий дождик. Листья деревьев покрываются влагой. Воздух чист и пахнет свежескошенной травой. Чувствуются деревенский покой и размеренность.

В «старом» Сургуте теперь стоят многоэтажные дома, но прежний уклад жизни, сложившийся за столетия, здесь и сегодня уловим. Он хранится в семьях многих коренных сургутян, живущих в новых домах, построенных на месте «старого» Сургута в микрорайоне энергетиков. В каждой из них найдётся что-то от старины, оставшееся от прародителей: берегут, хранят как память, передавая из поколения в поколение.

Алексей Алексеевич Федулов — коренной сургутянин, хорошо известен как обладатель уникальных коллекций медалей, значков, сувениров с тематикой о Сургуте и городах нашего края, а также большого семейного архива из 1500 различных документов, знаков, наград.

Но есть ещё одна грань, повествующая о семье многие десятки лет. Это книжное собрание, а проще — библиотека. Многие знакомые Федуловых пользуются ею, как и в прежние далёкие времена. Когда-то в Сургуте было три крупных личных библиотеки — семьи Знаменского, учителя Могилёва и Калашниковых — источник книжного богатства Федуловых.

Федуловы

...Василий Антипович Калашников, дед Алексея Алексеевича по материнской линии, с большим почтением относился к книге и чтению. Будучи молодым человеком, живя в Тобольске (20-е годы прошлого столетия), Василий Антипович стал собирать книжки для чтения и работы — был специалистом по сельскому хозяйству. Это время можно считать началом формирования семейной библиотеки. Переехав в Сургут в 1930 году уже с женой Марией Фёдоровной и тремя детьми, активно приобретает книги. В 1938 году, узнав из письма друзей, что в Тобольске пожилой человек распродает библиотеку, тут же собрался, поехал туда, прихватив с собой дочь Серафиму (маму Алексея Алексеевича). Достаточно большая книжная коллекция пополнилась полным собранием сочинений А. Писемского (приложение к журналу «Нива» 1911 года). Вероятнее всего, что тогда же были приобретены поэтические тома Шиллера и Н.А. Некрасова, пьес Бомарше и Ж.-Б. Мольера, произведений М. Салтыкова-Щедрина, А. Герцена, Г. Успенского, Т. Шевченко, выпущенных в 1934-1938 годах. Интересно, что Василием Антиповичем приобретались книги не только лучших классиков отечественной и зарубежной литературы, но и познавательные. Например, «Физика на каждом шагу» Я.И. Перельмана (1936 г.).

37

Бережно формировалась библиотека, была главной ценностью в доме. Был даже составлен каталог книг, но впоследствии потерялся. А надобность появилась в нём потому, что в 1937 году начальник Сургутского НКВД попросил Калашниковых сделать опись домашней библиотеки. Василий Антипович указание исполнил. Чекист пометил ряд книг и предупредил, чтобы эти издания никому не давали читать и из дома не выносили, в противном случае библиотеку конфискуют. Помним, какое было время... За книгами сургутяне всё

ФЕДУЛОВЫ

же приходили и порой не возвращали. В семье Калашниковых не бралились, по-своему относились: «на память останутся».

…Шли годы, Василий Антипович ушёл на фронт, а о библиотеке не забывал. Жене писал: «Трудно тебе управляться с детьми. Продай патроны. Патронташ, ружьё, но только не продавай книги. Они нашим детям, внукам в наследство останутся». В 1943 году скончался в госпитале от ранений. Книги потихоньку расходились по друзьям и знакомым. В 1970-х годах Мария Фёдоровна раздала их родственникам. Теперь у многих из рода Калашниковых-Федуловых хранятся эти книги. Большая часть находится у родственников в Екатеринбурге.

Когда я шла к Федуловым, у меня возникало ощущение иного времени. Словно иду по улочке старинного города на встречу с русским дворянином. Дверь откроет мне швейцар, а хозяин поведёт меня в библиотеку, и первое, что покажет, будут фамильные гербы. Так и произошло, но только, конечно, дверь открыл мне не швейцар, а хозяин. Он повёл меня в комнату, где находилась библиотека, и первое, что увидела — гербы… Сургута. Размещённые на стене, они впечатляли многообразием видов (старинные и новые) и исполнения. А совпадение представления вызвало во мне некоторое замешательство. Алексей Алексеевич отвлёк меня от мыслей своим рассказом о том, откуда что досталось. И говорил он об этом именно, как о своих фамильных гербах: с уважением и достоинством. Поразило чуткое отношение к городу, к месту, в котором живёт. Подумалось: так относиться может только тот, кто имеет глубокие корни в Сургуте. Родовые.

Род Федуловых тянется из служивых казаков ещё XVII-XVIII веков (были даже и атаманы), впоследствии ставших крепкими середняками, вобравшими в себя

ФЕДУЛОВЫ

созвездие фамилий. Алексей Алексеевич рассказывает: «Был род Калашниковых, живших под Тобольском со времён освоения русскими этого края. Был род Федуловых, появившихся в Сургуте в те же времена. Был род Сизовых, приехавших в начале XX века из-под Курска под Тобольск «за лучшей долей». Был род Балиных — архангельских поморов, которые волею судьбы оказались в Сургуте в середине XIX века. Был род Балуевых, живших под Тобольском тоже со времён освоения края и тоже в середине века приехавших под Сургут, в село Пилюгино. И, наконец, Кононовы — жили в Перми, а в начале XX века оказались в Остяко-Вогульске (Ханты-Мансийске). Так и сложилась наша семья». В придачу уже почти по всем родам генеалогические древа составил Алексей Алексеевич.

Все ли мы знаем свои колена?

На вопрос, когда и почему «заболел» книгами, сколько лет собирает их, Алексей Алексеевич отвечает: «Да всю жизнь! Я на этом рос. Дед начал — мы продолжили. Никогда не относился к тому, что у нас собрано дома, как к какой-то богатой коллекции. Просто мы собирали то, что необходимо для работы, учёбы. Для жизни, наконец».

Поначалу, будучи студентом в Екатеринбурге, всё, что покупал, отдавал в дом к матери, Серафиме Васильевне. Уж очень она любила серию «Жизнь замечательных людей». Первая книга этой библиотечки датирована 1953 годом, книга о композиторе Александре Бородине. Сейчас же книг этой серии порядка трёхсот. Ещё у неё была страсть — книги о декабристах. Их и высматривал Алексей в магазинах Екатеринбурга и обязательно привозил что-нибудь, приезжая в Сургут на каникулы. Кстати, в доме Федуловых сохранились и книги, по которым училась Серафима Васильевна в То-

Федуловы

больском пединституте по наказу отца, Василия Антиповича, впоследствии всю жизнь проработав в школах Сургутского района. Учебники по русской и зарубежной литературе, изданные в сороковые-пятидесятые годы прошлого века. Ими пользуются сегодня не только студенты, но и знакомые Федуловым преподаватели.

Когда Алексей Алексеевич обзавёлся семьёй, родившись с Балуевыми, книги обрели пристанище в его доме. Пошли дети, по их интересам и увлечениям стали покупать книги. «Если подойдут ко мне или к жене с каким-либо вопросом, мы им говорим: «Сначала посмотри, поройся в энциклопедиях, справочниках. Не найдёшь ответ — тогда приходи», — говорит хозяин. Так они привили детям любовь к книге. Вася, Лена и Алёша уже приобретают то, что им теперь необходимо для работы, дальнейшей учёбы. И их друзья-студенты — постоянные читатели.

Стоит сказать отдельно о справочниках. Чего здесь только нет! Почти вся серия «Энциклопедия юного...» (математика, физика, химика и т.п.), большие энциклопедические словари по темам, узкоспециальные словари. От разнообразия и многотомия глаза разбегаются. Хочется листать, читать и получать ответы. Например, кто такие сургутяне? Пожалуйста, информацию об этом вы найдёте в «Словаре названий жителей СССР», где написано, что сургутяне — это жители Сургута. Приезжие, залётные гости нас могут называть «сургутчане». Но мы же москвичей не называем «москвичами»!

Есть толковый словарь «Битвы мировой истории», «Словарь фразеологизмов и иных устойчивых словосочетаний русских говоров Сибири», «Краткий словарь литературоведческих терминов», справочное издание «Скрывшие своё имя: из истории анонимов и псевдонимов», «Справочник журналиста», «Лермонтовская эн-

ФЕДУЛОВЫ

циклопедия», «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Ушакова 1935 года издания. Кажется, на все вопросы можно в библиотеке Федуловых найти ответ.

Вообще, в этом доме не оставят без ответа любой вопрос. Покажут документ, подтверждающий то или иное событие в жизни семейства. Ездил Василий Антипович с дочерью в Тобольск в 1938 году за книгами — вот справка, подтверждающая поездку. Отправлялся в командировку в Абалакский монастырь — тоже подтверждение имеется, и не один документ. Кроме документов, в семейном архиве хранятся фотографии, начиная с 1898 года. Фотографии, относящиеся только к семье, фотографии с членами семьи, сделанные во время разных мероприятий, проходивших в Сургуте и районе.

Всё-всё аккуратненько в семейном архиве, в котором, как я уже сказала прежде, находится 1500 документов. На каждого члена семьи заведён конверт, где собраны документы, ведётся книга записей, оформлены планшеты. Письма, справки, боевые награды. В книге значится более пятидесяти человек из породнившихся семей Калашниковых, Федуловых, Балуевых. Пока я рассматривала это семейное богатство, Алексей Алексеевич рассказывал: «Все семейные документы были отданы мне на хранение в 1984 году. Одновременно с этим мне объяснили, что я являюсь очередным их хранителем. В мои обязанности входит: сорбирать документы, причём не только старые, но и современные, которые в настоящее время уже кажутся ненужными; проводить работу с родственниками по поводу сохранения каждой отдельно взятой справочки или какой-либо другой бумажечки. А когда, при достижении определённого возраста, мне эта работа станет трудной, я должен

Федуловы

буду передать архив следующему. Не обязательно, что это будет кто-то из моих детей, очередным хранителем может стать любой из родственников, наиболее расположенный к этому. Есть только одно условие: архив должен оставаться в Сургуте, в главном «гнезде» нашей семьи».

Архив неразрывно связан со всем тем, что находится в доме, и со всеми, кто есть в доме. Нашлось место и самой маленькой, внучке Алексея Алексеевича: Настеньке на ту пору 1 год и 8 месяцев. Взглянув на неё, я подумала: Вот и наследница!. Алексей Алексеевич говорит о ней с теплотой: «Утром несут её умывать под мышкой, а она всё — почитай да почитай». Настенька, круглицая, как и все Федуловы, крутилась среди книжек, как в мире игрушек. На обложке книги о районе увидела родственницу (свою сестру) и радостно пытаясь нам показать несколько раз и что-то рассказать на собственном возрасту языке.

Некоторые книги по истории нашего города, предприятий я видела впервые. Не все из них и в городских библиотеках найдёшь — Алексею Алексеевичу их дарят друзья, знакомые, сами руководители предприятий, зная о его пристрастии к истории края. Сколько книг, буклетов, проспектов, календарей — Алексей Алексеевич затрудняется сказать: «Никогда не считал, может быть, больше тысячи...».

Основные темы, по которым сложилась библиотека — это русская культура и фольклор, история края, русская и зарубежная классическая литература. По фольклору и этнографии, например, прибавились книги в связи с учёбой старшего сына Василия в Московском государственном университете культуры. Алексей Алексеевич наладил тесную связь с тюменским издателем Ю.Л. Мандрикой, постоянно выписывает у

Федуловы

нега литературу о Севере. В коллекции есть даже книги с пометкой «сигнальный экземпляр». «Сейчас списался с одним московским издательством, которое выпускает книги по истории белой армии. Посмотрим, что получится», — говорит Федулов.

Поинтересовалась, хватает ли денег на покупку книг? Он ответил так: «Были в отпуске в Екатеринбурге. Увидели новинку — «Свод русского фольклора. Былины». Большие фундаментальные книжки. Их будет 25 томов. И решили: а ну его, этот семейный бюджет! И купили два тома». Ещё случай: «Однажды, ещё были молодыми, жили в Тюмени, один знакомый приобрёл старый дом и обнаружил в амбаре книгу. Он не стал её трогать, приехал к нам и спрашивает: «Нужна вам большая книга?» — Даже не знал, что это за книга. Собрались и поехали. Книга была на месте — ждала. Оказалось, что это Псалтырь времён правления Алексея Михайловича, одна из первых печатных книг на Руси. Положена у нас на видном месте возле иконок. Друзья ругаются — должна в укромном месте лежать. Не пылиться. А я думаю — пусть служит. На страницах от свечей капли есть, пусть и сейчас читают, кто хочет, мудрость божественную постигают».

Нашлось в этой библиотеке кое-что и для меня. Было бы странным, если бы этого не случилось. И я думаю, что каждый, кто войдёт в этот дом, найдёт необходимую для себя книгу. А читателей столько уже, что пора формуляры заводить и картотеку составлять. Это ближайшие планы Алексея Алексеевича. И помочь ему в этом благородном деле необходима, потому что библиотека Федуловых, как прежде Калашниковых, нужна сургутянам.

Федуловы

Казак Кайдалов

«Казак — это состояние духа, которое превыше всего эгоистического...»

Казаки — особая народность, особый этнос, который стал основой для формирования так называемого «сургутского этноса». Представителей его сегодня единицы. Их знают как коренных сургутян.

«Как ни крути, со всех сторон казак», — такая строчка есть в автобиографии Валерия Николаевича Кайдалова, представителя потомственной фамилии, некогда самой распространённой в Сургуте. В прошлом веке, по словам старожилов, «...в старом Сургуте Кайдаловых да близких и дальних родственников их было чуть ли не полсела. Из далёкого прошлого дошли до наших дней уличные прозвища, по которым люди различали семьи. Зуй, Сырок, Тарака, Иркалка — всё это Кайдаловы.»

Наш герой из семьи Кайдаловых по прозвищу Тухловские. Не будем пересказывать, откуда пошёл род да дано прозвище. Просто прочтём записки самого Валерия Николаевича, который живал некогда в «старом» Сургуте в доме № 34 на улице своего однофамильца Ивана Кайдалова.

«Восстановить родословную древнейшего казачьего рода Кайдаловых довольно сложно. За 410 лет этот род разросся и исчисляется десятками семей, живущими не только в городе, но и районе, округе, области. Но, как говорится, начнём от печки. Дом, в котором мне посчастливилось родиться, по улице Ре-

Кайдаловы

воляционной № 1, был построен моим прпрадедом Кайдаловым Андреем Яковлевичем в 1845 году, о чём гласила отметка на стропилине крыши «А.К. 1845». Кайдалова Андрея Яковлевича можно считать родоначальником потомственных казаков Сургута Кайдаловых-Тухловских. В то время это был известный в Сургуте человек. Он окончил Тобольскую духовную семинарию, служил в Троицкой церкви, преподавал в церковно-приходской казачьей школе. У Андрея Яковлевича было два сына. Первый — Иван Андреевич, пошёл по стопам отца — окончил Тобольскую семинарию и впоследствии также служил в Троицкой церкви. Второй — Яков Андреевич, посвятил себя военному делу. О его службе мало что известно. По словам бабушки, он приходил на побывку после японской компании, а затем ушёл на германский фронт. Больше вестей о нём не было.

45

А у Ивана Андреевича в 1882 году родился сын Андрей Иванович Кайдалов, который впоследствии женился на Силиной Александре. Эта семья активно занималась рыболовством на закреплённом угодье. Кайдаловы имели своё подворье, держали лошадей, коров. Пристрастие Александры Силиной к рыбе с душком закрепило за семьёй прозвище Тухловские. Так гласит семейное предание. У этой супружеской пары было окромя четырёх дочерей — два сына. Старший Иван Иванович и погодок Андрей Иванович. Два дома, в которых жили их семьи, стояли рядом по улице Революционной.

Я имел счастье жить с дедушкой Андреем Ивановичем в одном доме до его трагической кончины. Это была довольно большая семья. Братья всё время были заняты традиционной работой. В любое время года мало находились дома. Ранней весной завозились на

Кайдаловы

весновку. И как только сходил лёд с реки, появлялись на лодках, груженные утками и гусями. По приходу домой семьи собирались вместе. Сидели за столом, вели беседы. Мы — дети, наше место на печке. С интересом наблюдали за весёлыми бородачами. Запомнилось немногое, маленькие совсем были. Но больше всего помнится время поздней осени, когда деды начинали загонять в загоны коней. По традиции лошади с ранней весны выпускались на волю и гуляли свободно до поздней осени. Для нас это было захватывающее зрелище. Можно себе представить храпящих, встающих на дыбы жеребцов, не желающих подчиняться командам! А рядом с ними жеребят-стригунков! Мы смотрели во все глаза на них!

Затем на этих лошадях в первую очередь вывозили заготовленные орехи, грибы, ягоды, боровую дичь с угодий, где промышляли Кайдаловы. Пока не стала река, из лесу вывозились дрова, заготовленные весной. А по самому первому снегу сургутяне торопились вывезти сено.

Зимой оба деда работали на лошадях. Их было по пять на каждого брата. Они занимались перевозкой заготовок сургутян до Тобольска. Обратно везли необходимые товары. В 1938 году обоих братьев не стало. Они похоронены в Ханты-Мансийске. Трудно было выжить в пору репрессий потомкам сургутских служителей церкви. Как и многие сургутяне, Кайдаловы-Тухловские, потомственные казаки, были отнесены в разряд лишенцев.

Дом же по улице Революционной (Мещанской) № 1 простоял до 70-х годов XX в. В нём родилось и выросло несколько поколений потомственных казаков рода Кайдаловых-Тухловских. В этом доме в 1935 году родился и я, Кайдалов Валерий Николаевич. Отец — Кайда-

Кайдаловы

Судьбы

лов Николай Андреевич — потомственный казак. Мать — Котовщикова Галина Афиногентовна -потомственная казачка из Берёзова. Получается, как ни крути, с обеих сторон казак. В то же время я отношусь к династии священников, так как являюсь правнуком священника. В 1935 году бабушка Саша меня тайно окрестила в Тобольске.

Дед мой, Андрей Иванович, утверждал, ссылаясь на казачьи летописи, что корни нашего казачьего рода уходят к дружине Ермака. Что один из далёких предков принимал участие в строительстве обского городка в 1585 году, первого казачьего форпоста на Оби, откуда казаки Кайдаловы пришли в Сургут в 1594 году.

При отсутствии доказательств (казачьи летописи утрачены), будем считать эти слова семейным преданием.

По моей памяти, от працадеда род Кайдаловых-Тухловских по мужской линии выглядит так:

Кайдалов	
Андрей Яковлевич	
(1810-1905)	
Иван Андреевич	
(1852-1919)	
Андрей Иванович	
(1874-1938)	
Николай Андреевич	
(1909-1987)	
Валерий	Андрей
Николаевич	Николаевич
(род. в 1935 г.)	?

Валерий Николаевич вот уже на протяжении нескольких лет собирает историю своей фамилии, рода,

Кайдаловы

сургутского и российского казачества. Кропотливо просматривает он книги, журналы, газеты. Делает копии, вырезки, подыскивает фотографии, рисунки, которые ярко иллюстрируют тексты. Получается своеобразная энциклопедия жизни. Из собранного материала делает подшивки, отдаёт их в переплёт. И вот, пожалуйста тебе — готов справочник, по которому можно любому даже мало-мальски заинтересовавшемуся человеку, ясно и просто рассказать об истории одной из российских народностей, причём на примере конкретного рода — Кайдаловых, проживающего в конкретном городе — Сургуте. Во всяком случае любопытному есть от чего оттолкнуться в своих поисках, если он интересуется этими вопросами. Да опять же и детям память останется. «Валерий Николаевич, что подтолкнуло Вас заняться сбором материалов?»

48

— спрашиваю. — «А как же, отвечает, — Я здесь живу, всё про своих должен знать. И про историю поселения, где они веками жили, тоже. Чего ж не поинтересоваться, да и другим не рассказать!»

Занявшись историей своего фамильного рода, Кайдалов решил позаботиться и о других сургутянах. У него возникла идея восстановить пофамильно список семей потомственных сургутских казаков. Да так, чтобы все члены семьи казака были указаны там. Чтобы будущим поколениям не хлопотаться, не бегать и не говорить: «Я потомственный сургутский казак!» Как, собственно, приходится делать сейчас Валерию Николаевичу. А пришлые ему говорят: «Да какой ты потомственный казак? В Сургуте всех казаков уже давным-давно в мещан разжаловали!» Вот тебе и пожалуйста. Как сословие разжаловали, да дух, что внутри, казачий, кто разжаловать может! И движет он Кайдаловым, и заставляет не останавливаться на полпути, как бы ни казалась его

Кайдаловы

идея абсурдной. И про угодья и про работу для казаков думает Валерий Николаевич, да только не получается всё пока. Всё больше на его затею, как на шутку, смотрят даже свои же, сургутские. Но вот есть человек — живой, бравый, крепкий, думающий о других. Ну разве не благороден? Совет старейшин из коренных сургутских пытается вести за собой. Всё, как у казаков положено. Время не терпит.

Увлёкшись историей, складыванием её по своим полочкам, Кайдалов решил и про свою жизнь написать. А писать есть о чём. Сургутский казак везде с честью и достоинством нёс своё фамильное имя.

Служить пришлось на флоте, в бухте Провидения. Сургутскому пареньку, привыкшему по глухим лесам хаживать, было в диковинку оказаться на пустынном месте. Кругом куда глазом ни кинь — вода. И насмотрелся же на птичьи базары, белых медведей, моржей, тюленей и на всякую другую морскую живность. На всю жизнь запомнилось!

В 1957 году после четырёх лет службы для Кайдалова закончилась. Путь домой был долгий, через всю страну. Но, оказавшись в родных пенатах, недельки две позанимался хозяйством и на работу в леспромхоз на катер «Декабрист» помощником капитана пошёл работать. Катера тогда ходили на газу. В бункере горела мелкая берёзовая чурка, а через фильтр дым поступал в двигатель катера. Поджигали, разумеется, керосином. Летом работали на сплаве древесины, перевозили грузы, а зимой на «прорыве» — лес рубили, разбирали, вывозили на тракторах. Вот где насмотрелся на труд женский. Да, именно женский! С войны-то много мужиков не пришло. А женщинам как семьи кормить? Вот и шли в леспромхоз на самые тяжёлые работы, где копейка была. С ног валились,

КАЙДАЛОВЫ

одежда просыхать не успевала. Тяжко, в общем, им приходилось.

Кайдалов, работая, постепенно повышал квалификацию — хотелось на машинах нового типа пробовать свои силы. Так и оказался Валерий Николаевич рулевым первого толкача РТ, который сам доставил в Сургут из Обской губы в 1964 году. В Сургуте набрал команду и работал на нём долгие годы. И началась у коренного сургутянина «передовая» на реке. Ходили в Томск, Нарым, Салехард, Надым, Омск, по мелким речушкам здесь, где глубина позволяла. По Салыму, Ваху, Агану, Тром-Агану ходили. Сложность заключалась в том, что на этих реках не было обстановки, считай, на ощупь ходили. А немного погодя нефть и газ открыли. И началось: «План! План! План!» — звучало для всех. Вахта частенько длилась по двенадцать часов в сутки. Вот досталось-то реке-матушке. Единственный путь передвижения как-никак был на первых порах. Кайдалов и его команда доставляли трубы, домики на буровую в любое время суток, практически не отдыхали. Словно в молотилке побывали. Много геройских, можно сказать, моментов было тогда. Валерий Николаевич считает годы работы на речном толкаче одним из лучших периодов в своей жизни. Обо всём не расскажешь, да и зачем — пережито уже. «Отдельный рассказ», — говорит Кайдалов.

Напряжение сказалось на позвоночнике, и пришлось Валерию Николаевичу сойти на берег. Да уже и времени не было для того, чтобы осваивать новую технику, всё прибывающую на реку.

На берегу Кайдалова утвердили на должность председателя ОСВОДа Сургута и Сургутского района. Непочатый край работы пришёлся по характеру коренному сургутянину. Нужно было порядки наводить.

Кайдаловы

Судьбы

Тысячи маломерных судов уже ходили по реке, а сотни судоводителей не имели элементарных знаний о поведении на реке. Бывало и хулиганство — угоняли суда. За всем этим необходимо было кому-то следить. Областная школа ОСВОДа помогла наглядными пособиями, плакатами, литературой. И за первые два года под руководством Кайдалова в Сургуте было подготовлено более двадцати групп судоводителей-любителей, дружинников, спасателей, аквалангистов. Пять лет было отдано этой работе.

Валерий Николаевич сорок лет своей жизни отдал речному флоту. В 1989 году он ушёл на пенсию. И как пишет он сам — навёрстывает упущенное. Если позволяют погода и здоровье, работает на дачном участке, выполняя одну из высоких традиций коренных сургутян — обязательную работу с землёй. «Нынче вот огурчиков засолил немало», — говорит он.

Своё семейное положение Кайдалов считает удачно сложившимся. С супругой Лидией Ивановной через пять лет мечтает спровести золотую свадьбу. Помогают сыну Сергею растить внучку Леночку.

И есть ещё одна мечта у Валерия Николаевича, которая не даёт ему спокойно сидеть дома. Он так и пишет: «Моя заветная мечта — помочь коренным сургутянам самоопределиться, ответить на вековой вопрос: кто мы? Откуда пришли сюда наши предки? Объединиться, чтобы занять достойное место на земле своих дедов. Это сложная задача и при моих скромных возможностях она только мечта. Но и мечта что-то значит. А основа для объединения коренных жителей Сургута — потомственных казаков создана. Это немаловажно. Есть Совет старейшин. Разработаны бумаги, по которым можно оформить всё как следует.

Кайдаловы

Пройдёт время бурных дискуссий, споров, и всё встанет на свои места. Пойдёт процесс возрождения истинной жизни в одном ритме с природой. Если мы, коренные, объединимся — воплотим в жизнь жизненные устои, по которым жили наши деды. Сможем молодым растолковать, как надо уважать старших, как уважительно относиться к природе. Сможем воспитать в них чувство хозяина на своей земле и защитника её. А земля у каждого семейства была. Многие и сейчас по своим местам охотятся да рыбачат. У старожилов всё в памяти сохранено».

Чем не дело для настоящего казака?

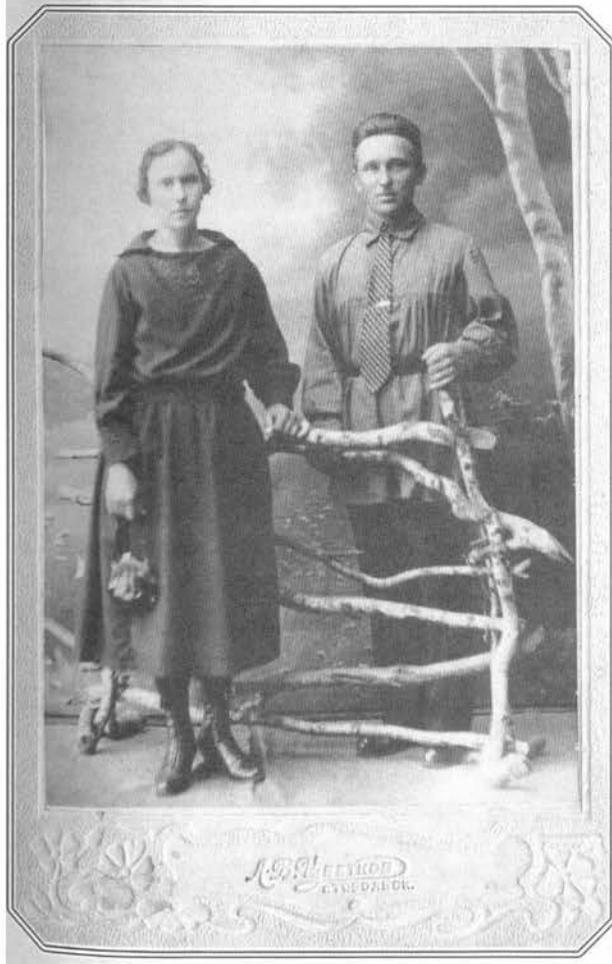
КЛІДЛОВИ

Серафима Васильевна
Федулова. 1945 г.

53

Василий
Антонович
Калашников
с женой
Марией
Федоровной.
1926 г.

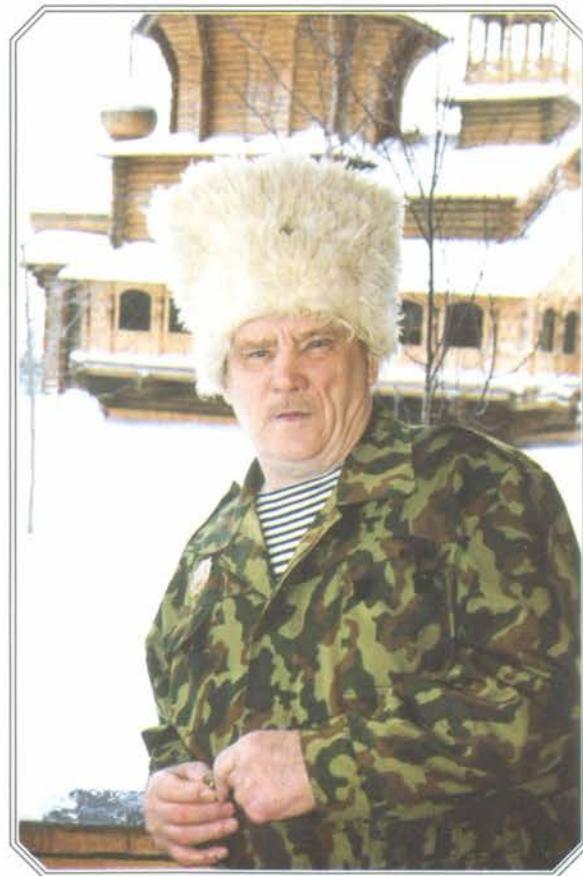
Федуловы

54

А.А. Федулов с семьей. 1996 г.

Валерий
Николаевич
Кайдалов.
2004 г.

Федуловы
Кайдаловы

Жил-был казак на Дону...

Жил-был казак на Дону, Фёдором его звали. Круто-го нрава, задиристого да своенравного. Но правды ради надо сказать, что никогда не стоял в стороне от общих дел станицы, помогал состаничникам. И семейные дела вёл складно, по-хозяйски. Помогал отцу да матери, сёстрам и родственникам дальним, да близким. В общем, был трудолюбив и щедр душою. На месте без дела не сидел и другим не давал. Дела спорились в его руках так, что просились люди к нему в помощники. А он не жалел: «Подходи, на всех хватит, — говоривал, — и тебе прок будет. Коли мне поможешь, поделюсь по-братьски». Хотелось ему, чтоб все жили складно да в достатке.

Как-то раз просlyшал, что де царь-батюшка притесняет народ бедняцкий. Возмутило дело такое до глубины души хозяина крепкого, и айда он с другими казаками в дружину против царя. Так в «волнения» и попал. Побунтовал маленько да на виселице оказался. Жалко буйну головушку, да что поделаешь...

Жена-горемычница в дальний путь-дорогу стала собираться — определили семью бедового казака на вечное поселение в Сибирь. Собрала пожитки и села с другими, такими же, как она, на подводу. Долг ли был путь, короток ли, того не знаем. Знаем только, что прибыла с тремя сыновьями в Сургут. Иван, Василий да Фёдор при ней были. Край незнакомый встретил их «чужековато». Огляделись — вокруг маленького город-

ка стеной сосны стоят да кедры вековые. Это тебе не просторы Донские солнечные. Урман, одно слово.

Так и стали тут жить, не свои вроде, но и не чужие — припомнили старики сургутские, что де когда-то «живали казаки тут менщиковские, город ишо ставили». Семья стала обживаться потихоньку. Благо сыновья были приучены к хозяйственному делу и топор умели держать в руках. Поставили два дома, — один на углу, другой — рядышком. В одном доме Фёдор, в другом — Иван да Василий. И наладилась потихоньку жизнь горемычной семьи в сибирском городке, в коем ещё во семнадцатом веке казаки по фамилии Меньщиковы по своей воле прибывали на службу во Сургут.

По сей день помнят старожилы те дома, что стояли у всех на виду. Станешь говорить что-либо про «старый» Сургут и для пущей ясности скажешь: «Да близ менщиковых домов дело было, — и раздаётся в ответ: «Так бы сразу и говорили!» В середине 1980-х годов довелось побывать в одном из них, который рядом с угловым стоял. На ту пору 110 годков дому было, а как крепок! Братья ставили жилище на века. Огромные брёвна крепко-накрепко друг к другу уложенные. Плахи на полу и потолке, одна к одной подогнанные. Печи ладные. Подпол широк и глубок, что в лютые морозы домашней птице, что держали, там привольно было. Крылечко высокое под навесом, ставенки резные. А комнаты светлые какие! На одну только «уличную» сторону восемь окон глядело. Коли перенестись в то время как поставлен был, так одно загляденье, а не дом! Золотистый и огромный, как корабль.

Время прошло, обзавелись братья семьями. Дети народились. У Ивана шестеро: Вера, Алексей, Василий, Иван, Галина и Ираида, у Фёдора трое: Фёдор, Семён и Пантелеймон, а у Василия целых восемь — трое пар-

МЕНЩИКОВЫ

Судьбы —

ней и пятеро девчат. Так и росли в Сургуте Менщиковых: Иванычи, Васильчи и Фёдорычи. Фёдорычи по сей день мальцов Фёдорами называют в память прадеда дальнего. Иванычи норова крепкого, хозяйственного народились. Ираида Ивановна, например, ежели бы в сказке оказалась, то слив бы ей не получить. Настолько прибрано в доме было, что и пылинки не сыскалось в обмен на фрукт. А об Василичах рассказ поболе — много их.

Сам Василий характера был прямолинейного. Правду-матку говорил в глаза и правоту свою отстаивал до последнего. Хорошо пел и играл на гармошке. В жёны взял уроженку Локосово Пелагею Александровну. В 1900 году родился у них первенец Александр, через два года Анисья, через пяток — Анна, а далее через каждые два года появлялись на свет дети: Анна, Павел, Константин, Павла и Дарья и Мария. Воспитывал Василий, как повелось в Сургуте, детей в строгости. Чтобы прокормить семью немалую, трудился с утра до ночи на совесть. И домашних к тому словом веским приучал. Занимался Василий извозом. В хозяйстве держал около двух десятков лошадей. Доставлял рыбу сургутскую в Томск и Тобольск. Всё бы ничего, да однажды беда приключилась. Возвращался весной с пути санного домой Василий, а лёд уже тонок был. И в одном местечке разом провалился весь обоз под воду. Сам едва выбрался, а лошади погибли. Остался ни с чем хозяин да ещё и крепко приболел, не смогли выходить его. Осталась семья без кормильца. Старший сын Александр на ту пору уж погиб на гражданской войне при штурме Перикопа, а следующему сыну Павлу было всего лишь 15 лет. Ведение хозяйства легло на его плечи. Матушка, Пелагея Александровна, тоже в стороне не осталась. Умеючи хорошо печь пироги, по-

ЛЕННИКОВЫ

шла по людям — кому на свадьбах, а кому на поминках готовила угощенье.

Павел. Был сноровистый, весь в деда. Бывало, мать крикнет ему: «Пашка, дрова кончились, вези!». А он снарядит лошадь да сена заготовленного привезёт. Попросит привезти сена на прокорм корове, он дров притащит. Такой вот был молодой «хозяин», показывал, что, мол, где и сам знаю, чего в хозяйстве недостаёт. А хозяйство, надо сказать он научился вести основательно — с малолетства у отца под рукой крутился, много чего перенял у него. И голосом в отца пошёл, пел — заслушаешься.

25 сентября 1931 года призвали Павла в армию в 56-й артиллерийский полк, где служил исправно вплоть до 1933 года. Вернувшись домой, опять хозяйствничал, а 3 июля 1941 года, как и многие сургутяне, был мобилизован на фронт. Путь боевой начал в составе 372-го танкового полка, был командиром орудия. Нипочём были сургутскому солдату пыльные дороги войны. Прошагал он ими через города Украины, затем Польшу, дошёл и до Берлина. Находясь у самого рейхстага, развернул на него своё орудие и пальнул что было силы. С первого раза пробило снарядом, пущенным Павлом, стену вражеских пенатов. Самого ранило слегка в ногу, но в госпиталь сургутянин казачьих кровей ехать отказался. Повоевал ещё с разрозненными гитлеровскими группировками в районе реки Эльбы, послужил немного в войсках, стоявших в Германии, и подался домой. А там уж заждались его. Порадовал он домашних своимозвращением да привезёнными трофеями: фотоаппаратом, швейной машинкой «Зингер», чайным сервисом, что глаз не отвести, и красочными платками. И опять стал хозяйствничать. Первым делом подправил дом, забор, амбар, другие постройки. Где дощечку прибил, где

МЕНЦИКОВЫ

подкрасил, а где и вовсе перестроил. Спокойно трудился долгие годы Павел Васильевич рыбаком, шкипером. Любимые занятия были рыбалка да охота, что кормили уже и появившуюся собственную семью. В жёны яркий и статный брюнет взял Фёклу Яковлевну Недозрелову. Народилось четверо детей.

Став постарше, Павел немного остыл, стал остепенился. Без слова лишнего вёл хозяйство, частенько засиживался с детьми над их уроками, учил уму-разуму житейскому. А так молчал больше или пел. За ним подпевали и домашние. Кто криком брал ноты, то получал от него: «Не ори, песню надо петь с чувством!» — и выравнивал домашний хор.

Много читал, в основном газеты, журнал «Знаниесила», другие технические журналы. К нему тянулись не только свои дети, но и дети братьев и сестёр. Мария, что воспитывала одна двух дочерей, иногда даже просила: «Павел! Приди, скажи слово моим, они тебя послушают». С добром по сей день вспоминают о нём родственники.

На 9 мая ходил на городские торжества в честь Дня Победы, а десятого поминал друзей своих фронтовых молча чаркою. Не любил рассказывать о войне. Зачем мол-де бередить душу, тут кто остался, чего он поймёт в рассказах этих... Потому, может, и отношение к наградам, что за доблесть свою военную получил, было спокойное. А имел Павел Васильевич медаль «За отвагу», ордена Славы второй и третьей степени, медали «За освобождение Варшавы» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне». Орденские книжки сейчас в Сургутском краеведческом музее хранятся. Там же есть и его пожелание молодым людям: «Никогда не забывайте своих отцов. В бой мы шли не ради славы и наград, а чтобы на земле утвердились счастье, мир.

МЕНИНКОВЫ

Собираясь в дальний путь, юноша с погонами, не забудь взять с собой положенные тебе по штату запас мужества, благородства и верности долгу».

Прожил Павел Васильевич Менщиков 70 лет и семь дней. В мир иной ушёл тихо дома.

О судьбе других Васильичей известно следующее.

Анисья удачно вышла за красного комиссара Королёва Василия Ивановича и занималась домашним хозяйством.

Анна всю жизнь проработала поваром в сургутской столовой.

Дарья с 16 лет и до самого ухода на пенсию проработала на рыбозаводе в Ханты-Мансийске. Является почётным жителем города.

Павла, Константин и Мария выучились на педагогов в Тобольском педагогическом техникуме. Павла по приезду в Сургут вскоре вышла замуж за Самарина Романа Ильича. Работала учителем начальных классов в школе на Чёрном Мысу, а в 1951 году вслед за мужем уехала в Берёзово, где заведовала интернатом для детей ханты и манси. Константин после техникума сразу уехал преподавать в Новосибирск, а затем в Усть-Каменогорск. Жил там до последнего своего дня. Был очень мягкий, добрый и приветливый человек. В общем, норовом пошёл в мать. Мария тоже по окончании техникума уехала в Новосибирск, затем в Исетск. А в 1945 году, когда пришло известие, что муж Давыдов Павел Сергеевич пропал без вести, вернулась в Сургут. Работала в детских садах города.

Всякое за столетия пережил дом-красавец. В годы Великой Отечественной войны он пребывал без хозяев. Павел был на фронте, Мария — в Новосибирске, а матушка уехала к сыну Константину в Усть-Каменогорск. Другие Менщиковы тоже были при своих делах. А дом-

МЕНЩИКОВЫ

то большой, приветливый, вот и открыли на время отсутствия хозяев в нём детский сад. Затем крепкий дом снова зажил «семейной» жизнью. С течением времени разделили его на три части для трёх семей Менщиковых: Ираиды, Павла и Марии. Дом, надо сказать, крепко врос в землю корнями, стоял до последнего в «старом» Сургуте. Снесли, когда уж многоэтажки вплотную подобрались к ограде.

Над его крышей покачивались ветви черёмух, рябини берёзок. Крепкоे крылечко всегда дочиста было вымыто. Створки окон, что выходили на улицу, на лето открывались. Занавешивали их, конечно, от комаров и мошек марлей, но сквозь них доносилось жужжанье моторных лодок с близкого берега Бардаковки. С неё же и таскали воду на полив да уборку. Вёдер по двадцать за один раз. Зимой берёзовыми поленьями топили печь, на которой частенько и готовили еду. Надёжный был дом, но тихий в последние годы перед сносом. Оживал только летом, когда переехавшие в новые жилища хозяева приходили с огородом возиться.

Энергичный, подвижный и буйный нрав прадедов через века проявляется в последующих поколениях Менщиковых. Все говорливы да подвижны, без дела не сидят и другим не дают. Гостеприимны и щедры душой. Каждый, даже самый малый в семье, знает легенду про деда Фёдора чуть ли не на зубок. Передаётся она из уст в уста в точности, без искажений. Спроси любого из них: «А давно ли вы живёте в Сургуте?». И тебе с готовностью ответят: «Дело было так. Жил-был казак на Дону, Фёдором его звали...»

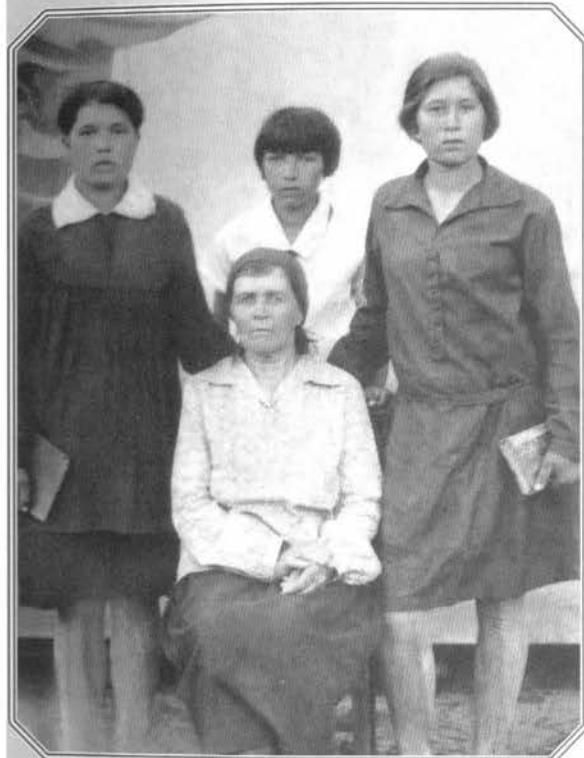
МЕНЩИКОВЫ

62

Иван Менщиков с женой Марфой и дочерью Верой.
Начало XX в.

Пелагея
Александровна
с дочерьми:
Дарьей, Марией
и Павлой
(слева направо).
1932 г.

63

Семья Менщиковых у своего дома.
Начало 1950-х гг.

менщиковы

Павел Менщиков.
Май 1945 г.
Берлин.

Павел Васильевич
Менщиков.
1976 г. г.
Сургут.

Красные яблоки на струганном столе

Много интересных фотографий в семейном альбоме Панкиных. Вот, например, эта: двое мужчин в чёрных костюмах, белых рубашках с бабочками и в чёрных начищенных кожаных остроносых ботинках. Чем не щёголи? Подумаешь разве, что эта фотография сделана в Сургуте, а изображены на ней два представителя семьи Панкиных: Василий Тихонович Панкин со своим родным братом. Фамилия их для Сургута древняя, связана корнями с основателями нашего города. О сыне Василия Тихоновича наш рассказ.

На картинах художника осенний лес, солнечный летний день. Россыпью яблоки на столе. А за окном зима. Вот послышался хруст снега под ногами случайного ночного прохожего, залаяла где-то собака, со ставней свалился ком снега. На кухоньке горит свет. Здесь по ночам Клавдий Васильевич Панкин пишет свои картины. Другого времени для этого занятия у него нет. Днём надо работать, заниматься детьми, хозяйством. В доме стоит тишина, лишь слышен шорох кисти по холсту да тиканье маленьких «ходиков». Домашние мирно посапывают в соседней комнате. Рядом с художником стоит чемоданчик. В нём кистей штук пятнадцать разного размера. Все собраны, вымыты, всегда готовые к работе. Коробочек восемь, не меньше, с масляными красками, пакетики с «бронзой» и «серебром» в порошке да несколько наборов открыток с работами известных русских живописцев: «Русская живопись 1860-х годов», «Государственная Третьяковская галерея», «Русская

живопись второй трети XIX в.» и другие. С них учился мастерству Клавдий Васильевич, а бывало, и снимал копии — на продажу. Чемоданчик же в таком виде сохранён до сих пор. Хоть сейчас бери иди на природу делать эскизы.

Годами накапливались навыки в живописи, а всё началось сызмальства, когда очень хотелось увиденные красоты природы перенести на бумагу, а затем и на холст. Поначалу не знал, как это делать, шел по наитию, а затем как-то заезжий художник показал несколько приёмов построения рисунка. Клавдий их «схватил» сразу, и первые картины, написанные после этого, по воспоминаниям родственников, были самыми лучшими. Были, потому что не сохранились. Но мастерство крепчало, всё чаще брал в руки коренной сургутянин карандаш, кисти.

Настало время определяться с профессией. Следуя увлечению, выбрал машиностроительный техникум, что в Томске. Решил учиться на инженера, благо, линии чертить умел. И подался Клавдий из Сургута в далёкий Томск. Учёба пошла неплохо, да пришлось вскоре возвращаться домой, можно сказать, не по своей воле. Наступили времена разбирательств с детьми «врагов народа», а Клавдий Васильевич был как раз из таких. После того как не вернулись в общежитие двое из его знакомых пареньков, Клавдий понял, что творится нешуточное дело и засобирался домой. Правда, прежде чем в родные края податься, нарисовал на всех преподавателей карикатуры. А путь предстоял далёкий и нелёгкий — задумал Клавдий на лыжах домой пойти. Всё рассчитал, потихоньку собрал пожитки, кое-какой провиант и двинулся в путь. Бывалый охотник, несмотря на молодость, знал, что не пропадёт в пути. Объ-матушка доведёт прямо до дома, а в деревнях, что стоят вдоль

ПАНИКИНЫ

ней, прокорм сыщется. Шёл легко, спокойно, кого в лесу бояться? Зверья уж и так всякого повидал, повадки узнал все. А до деревни дошёл, в первую избу попросился, тебя и пустили на ночлег. Народ-то гостеприимство своё и в трудные времена не растерял. Да ещё и мороз-то какой, аж деревья потрескивают! Деревеньки в километров сорока друг от друга стояли. Так и шёл: днём в пути в аккурат до поселения, а ночью — отдых. Когда появился на пороге дома, матушка, Анна Ивановна, немало удивилась появлению сына, да, узнав причину, по которой Клавдий оказался дома, успокоилась. Жизнь сына дороже любой учёбы.

Стал учительствовать в школе, преподавал, конечно же, рисование и русский язык. Неподалёку это было от Сургута в деревне Пилюгино. Помимо деревенских, там училось много детей ханты и манси. Среди них был ставший впоследствии известным художником Геннадий Райшев. Работа была в удовольствие. Охотой занимался мало, всё больше рисовал. Встретил и будущую жену — Кушникову Галину Андреевну. Жизнь набирала свои обороты. Но вот грянула Великая Отечественная война, которая полностью изменила ритм жизни всей страны. В 1942 году Клавдий Васильевич отправился на фронт вместе со своими братьями: Геннадием и Петром. Умения вести расчёт, метко стрелять и «ходко» бегать на лыжах пригодились и здесь. Клавдий попал в 42-ю стрелковую бригаду, которая держала оборону по Ленинградом. «Война — это не свадьба», — поговаривал впоследствии Клавдий Васильевич. Смелые разведчики в белых маскхалатах наводили ужас на врага, когда неожиданно в их тылу раздавались автоматные и пулемётные очереди. Вылазки на лыжах были частыми, и в одной из них Клавдия сильно ранило. После госпиталя было возвращение домой. Потихоньку освоился и

ПАНКИНЫ

снова стал работать, теперь уже на стройке. Но и там вскорости стал работать художником — тяга к творчеству брала верх.

Постепенно обживались с женой. Её отец помог поставить небольшой дом. Как и все сургутяне, завели хозяйство. Стал наведываться в лес, на рыбалку. В тяжёлые военные годы рыба выручала многих. Ещё не успеет Клавдий спозаранку, часов в пять, причалить к берегу, как к нему уже бегут хозяйки с тазиками, ведёрками. Благо, рыбы в реке было много, и лодка всегда почти заполнялась до краёв. Хватало всем. И рисование не оставлял Клавдий. Иногда уходил просто в лес, на «свои» места за Обь, где охотился и рыбачил. И делал наброски, эскизы. Запечатлев «золотое» и «серебряное» озёра, так называемые по цвету водившегося там карася. И дружеские шаржи, портреты делал всегда. Дома, в Сургуте, за пределами его. Многие картины его покупались, что и было подспорьем в хозяйстве, которое велось уже в новом большом доме. Помогали в этом и дети: Игорь, Пётр, Виктор, Галина и Татьяна. И общие усилия делали дом Панкиных гостеприимным. В большой комнате можно было мастерить, строгать, готовиться к праздникам, играть. Условие было одно — убрать за собой всё дочиста, потому как чистота и порядок высоко ценились у коренных сургутян. По субботам это превращалось в целый ритуал. Всё делали вместе — каждому была отведена своя работа по дому. Спозаранку дети выносили на улицу перины, подушки, одеяла и другие вещи для просушки. Матушка заводила тесто на пироги, а как же все сургутяне любят почёвничать в выходной день! Отец с ледника доставал рыбу для пирога, а заодно и проверял его. Без этого сооружения не обходился ни один двор в Сургуте. (Ледник — это своеобразный холодильник. Где-нибудь

ПАНКИНЫ

в сарайчике выкапывалась яма примерно два на два метра и в глубину столько же. Затем в большой мороз её постепенно заливали водой, а потом на лето это был естественный холодильник. Потихоньку лёд ставил и оседал, но продукты, рыба сохранялись в нём хорошо). И вот наступал момент чаепития. В семье Панкиных заведено было не только по субботам хозяйничать всем вместе. Клавдий Васильевич очень хорошо знал здешние места, а потому водил в лес по ягоды целыми стайками и своих, и соседских ребятишек. И, как водится, без семи-восьми вёдер ягод никто не возвращался. Хорошая добротная основа сформировалась в семье Клавдия. Эта основательность и тяга к мудрому ведению хозяйства и сейчас передаются из поколения в поколение. Теперь внуки и правнуки, которых уже больше десятка, не перестают крутиться возле дедушки Клавдия и слушать его рассказы о войне, о жизни. Возле него действительно приятно находиться — спокойно. Хорошую жизнь прожил человек. Как говорит его дочь Галина: правильную. И я соглашусь с ней, потому что незримо присутствуют в этом доме порядок и чистота прежде всего человеческих взаимоотношений, тяга к интересной, непустой жизни. Думается, что это заложил именно Клавдий Васильевич. Когда смотришь фотографии из семейного альбома Панкиных, видишь одухотворённые лица, свежесть и остроту взгляда, проникновенность его. Этому научил отец своих детей. Да иначе и не могло быть. Север выковывает особенный характер у людей, живущих здесь. Он не терпит предательства, обмана. А ну, как скажешь неправду, а человек пропадёт в лесу или на рыбалке в беде окажется? Как будешь потом в глаза родственникам смотреть? Нельзя! И говорить плохо о людях не принято было. Лучше помоги, если можешь, или не говори совсем. И

ПАНКИНЫ

на самом деле признавали здесь больше дела, чем разномастные слова. Если делать, то хорошо, а если не получается, то лучше не делать совсем. Чего позориться? Подучись сначала, а потом уж затевай. И складывался характер северянина: с открытой душой и сердцем, чистотой помыслов и прямотой, бесхитростностью и любовью к труду. До сорока лет Клавдий Васильевич не знал вкуса спиртного и за всю жизнь не выкурил ни одной сигареты. Всегда говорил: «Курить я не буду. Я же знаю, какой это большой вред здоровью — на лыжах не смогу быстро ходить. А в лесу мешкать нельзя». И передавал табак другому.

Задатки Клавдия отмечал Аркадий Степанович Знаменский — известный сургутский учитель. Клавдий Васильевич, помимо способностей к живописи, ещё имеет абсолютный слух, хорошо играет на гитаре, мандолине и гармошке. Не зная при этом ни одной ноты. И жена его очень хорошо играет на мандолине, имеет неплохой голос. А подпевали отцу с матерью все дети без исключения. Надо думать, как было весело в такой семье в праздничные дни и дружно в будни. Так хорошо здесь и сейчас.

— Дедушка, как вы поживаете?

— Да глажу вот. Надо ведь занятие рукам иметь, а то скучно. Они у меня сейчас от кистей, красок отдыхают. Тоже нужное дело.

И он ставит плоскость утюга на очередную рубашку. И приговаривает, поглядывая на меня с хитрецой: «Я лунный человек. Луна в полную силу, и я в полную силу. Луна новая — и я заново родился. Вишь, вон на картине она вовсю светит на крышу дома. А в доме свет горит, а в нём чай пьют, разговаривают».

И он достаёт, расставляет свои картины, что стоят подле него. Взгляд его при этом преображается, и

ПАНКИНЫ

сам он оживляется ещё больше. И мы с ним снова говорим о грунтовке, красках, кистях, живописных местах природы, которая не терпит суэты, а принимает любовь. Вдруг уже видишь уток, заводь, урманный лес, о котором говорит Клавдий Васильевич. И стенки крупнопанельного дома, где мы находимся, отодвигаются куда-то далеко. Вокруг чувствуется только лишь добрый мир художника. Из него не хочется выходить, но Галина Клавдиевна приглашает нас к столу испить чаю, и мы потихоньку передвигаемся туда. Разговариваем ещё, теперь уже о рыбалке. Клавдий Васильевич рассказывает о подлёдном лове и ловле рыбы сетями. О том, что рыбаку без избушки за рекой нельзя — там печка. И о том, что у каждой сургутской семьи свои рыбные места, в которые чужой человек не заходил. Подливается ещё и ещё чаёк в чашечку, а он всё говорит и говорит о своей жизни, которая, словно магнитом, тянет к себе.

Наступил вечер, заиграли красками в вечернем свете картины и яблоки, что россыпью на столе были, как будто только что сорваны с дерева.

«Сургутская лада»

В этом доме всегда тихо и уютно. Будто находишься в ином времени. Не слышно шороха машин, хлопанья подъездной двери, стука за стеной. Словно нет рядом ничего, что напоминало бы о сегодняшнем дне. Здесь какой-то свой особый уклад, заложенный годами,

ПАНКИНЫ

поколениями. Размеренный и основательный. Вести хозяйство с умом и без суеты не всякий сможет. А здесь это просто принято, как когда-то в любой семье коренных сургутян.

Галина Клавдиевна Панкина, в чём доме я нахожусь, вернее, квартире крупнопанельного дома, хлопочет у плиты. Представительница более молодого поколения крепкого рода, она делает всё основательно, без суеты, я бы сказала — ладно. «А как же? — говорит она. — Характер северянина, и вообще сибирского человека, какой? Они много не говорят, больше делают. От этого и создаётся размеренность жизни. И я не верю словам, а больше действиям, поступкам человека. Это старосургутское — судить по делам», — говорит она. Действительно, поспешишь — людей насмешишь, гласит известная русская пословица. А Галина Клавдиевна продолжает: «Север не позволяет лгать, он не терпит предательства. Суровые природные условия помогали человеку сформировать правдивый, честный характер. Жизнь ведь здесь строилась, прежде всего, на законах природы: леса и реки. А ну, согнёшь, утонет человек или в лесу пропадёт. Как тебе потом с этим жить? Поэтому сургутяне относились бережно друг к другу. Практически не было претензий между ними. Замечали, конечно, всё, но старались шутливо говорить об этом».

Я стараюсь верить изо всех сил тому, что говорит Галина Клавдиевна. Но, право, в наше суетливое время трудно в это поверить. А она, продолжая хлопотать, говорит как бы оправдываясь: «Я не могу просто без дела сидеть. Старосургутская закваска что-нибудь делать, шевелиться не даёт покоя. Я выросла в большой крепкой семье. Деревянный дом, где мы жили, стоял по улице Просвещения, 43. Напротив нас жили

ПАНКИНЫ

Судьбы

Пугно. В доме было четыре комнаты, кухня, столовая и спальня. Белилось в нём два раза в год: на Пасху и ноябрьские праздники. Папа Клавдий Васильевич Панкин поставил этот дом своими руками. Мама, Галина Андреевна Кушникова, вела вместе с детьми в нём хозяйство. А нас-то было пятеро: Игорь, Пётр, Виктор, Татьяна и я. В доме ничего не было шикарного. Тканые половички, шифоньер и кровати. Но зато было очень просторно. Сургутяне строили немаленькие дома. У нас зал, например, 25 кв.м, в пять окон был. Посередине стоял большой круглый стол. За ним часто собирались всей семьёй, а по воскресеньям с родственниками или гостями устраивали чаепития. В нём же и мастерили что-нибудь.

Нам всё позволялось, родители не тряслись над имуществом. Главным своим делом они считали поднять на ноги детей: хорошо накормить, одеть и дать образование. Жили мы очень спокойно, уважительно, без ругани. Семья у нас была творческая, и мы очень часто пели вместе. Мама с папой больше воспитывали нас примером, а потому каждый из нас знал в доме свои обязанности. Игорь, например, должен был следить за тем, чтобы всегда была вода в бочках. Летом в огороде, зимой в бане. А за мной было закреплено мытьё полов. Встану рано, часов в пять-шесть, помою полы, наношу питьевой воды и убегу в школу. Для меня это никогда не было проблемой. Я и сейчас поднимаюсь в это же время. Пока все спят, приготовлю для семьи еду, приберу в доме. Люблю эти утренние часы», — говорит с улыбкой Галина Клавдиевна и подаёт мне кусочек пирога с муксуном. Хрустящая корочка, знакомый привкус. Эх, сургутские пироги!!! «Я свой первый пирог испекла лет в двадцать, — замечает хозяйка. А вообще у нас в доме пирог с хорошей рыбой — муксу-

ПАНКИНЫ

ном, готовился к Новому году и ко дню рождения. Рыбу в нашей семье любили все. На зиму заготавливали её очень много. В основном вялили. Пласт рыбы разрезали на кусочки и клади на крышу под солнце. На ночь забирали, а на день выкладывали вновь. От солнца и соли уничтожался описторхоз, если таковой был. Рыба высыхала и дольше хранилась. Зимой её отваривали и готовили разные блюда. Могу поделиться рецептом «подовушки». Так называют нанизанную на пруток и поджаренную на костре рыбку, в основном щуку. Но это название перекочевало в дом к хозяйствам на блюдо, приготовленное из молодой щуки. «Итак, с щуки снимается шкура, тушка режется на кусочки, обваливается в муке и обжаривается до золотистой корочки в сливочном масле. Готовые кусочки выкладываются в глубокую сковороду или ёмкость, заливаются водой так, чтобы скрыло. Сверху укладывают нарезанный пластинами картофель и добавляют специи: мелко порезанный лук, соль, перец, лавровый лист. Всё это закрывается крышкой и готовится на медленном огне. Минут через тридцать готово. Правда, очень просто? — спрашивает Галина Клавдиевна и добавляет: А ещё как вкусно! Наверное, у каждой сургутянки имеется свой рецепт приготовления этого блюда, без которого не обходились в любое время года».

Ну, уж коли зашёл разговор о еде и мы сидим на кухне, то прошу хозяйку поделиться ещё каким-нибудь рецептом. И она рассказала, как в их семье заготавливали морошку на зиму. «Ягоду очищали от чашелистиков, промывали и помещали в предварительно ошпаренную 10-ти литровую бутыль. Затем заливали водяным, очень сладким сахарным сиропом (по вкусу) и ставили в погреб. Аромат ягоды, таким образом, сохранялся всю зиму». А в погребе, конечно, ещё были бочонки с

ПАНКИНЫ

мочёной брусникой, замороженной клюквой и всякой прочей снедью, выращенной на огороде и собранной в лесу.

По рассказам Галины Клавдиевны, сургутяне бережно относились к своему хозяйству и старались вести его чистоплотно. Летом мели двор каждый день. Мусор не выносили на улицу, а закапывали в специальную ямку во дворе или за двором. Когда копали огорода, всегда переговаривались друг с другом, старались поддерживать хорошие отношения, чтобы всё хорошо росло. Даже заборы вокруг огорода выкладывали бережно, чтобы не нарушать взаимосвязи с внешним миром. А делался он так. В двух столбах — пряслах, выбрались пазы, и вкладывались в них брёвнышки из тонкой сосны. Кто выкладывал их плотно, кто пореже. Это было дело хозяина и его возможностей. Такой забор был очень удобен в пользовании. Если надо ввезти дрова, сено, убирались сосенки из пряслей и вход свободен.

«Что только не росло в нашем огороде, — продолжает коренная сургутянка, — картофель, морковь, редис, лук, огурцы, петрушка, репка, горох, бобы. Помидоры мы высаживали в открытый грунт на солнышко за ветреной стороной, когда на них уже были маленькие плоды. За лето они вызревали хорошо». На мой вопрос, где доставали семена, Галина Клавдиевна отвечает: «Какие покупали в магазине, а какие передавали друг другу — делились. Помню, как-то раз шла по улице, воду несла, выходит бабушка Васенёва и говорит: «Вот, мама просила, возьми, я ей даю семена помидор». В общем, не жадничали, а помогали друг другу. Во дворе росли клубника и малина. Я даже на даче сейчас сажу то же самое, — улыбается Галина Клавдиевна. В палисаднике у нас росли рябина и черёмуха. Много также высажи-

75

ПАНКИНЫ

вали цветов. Это была забота девочек и мамы. Вообще у нас в семье был девиз: «Девочки — украшение нашего дома!» Поэтому мы вместе с мамой занимались посадкой цветов и овощей, их прополкой. А мальчики с папой копали огород и поливали его. И ещё было распределение — по заготовке веников для бани. Мальчики с отцом вели заготовки в лесу, а девочки с матерью — вязали веники».

Вообще в семье Панкиных было заведено внимательное отношение родителей к детям. Клавдий Васильевич передавал свои навыки мальчикам, Галина Андреевна девочкам. Она учila их шить, вышивать гладью и крестиком, делать варенье и ставить тесто на пироги. Сургутские женщины очень любили рукодельничать. Если, например, у одной появилась новая связаная скатерть, то и другой нужно сделать себе такую же «обнову». Делились секретами рукоделия на посиделках. Галина Клавдиевна рассказывает, что и они, будучи девчонками, просто так с пустыми руками в гости не ходили. Обязательно брали с собой рукоделие. Одна из них читала книжку, а другие при этом работали. Время сургутянки попусту не тратили. «Я люблю своё прошлое, оно было доброе и счастливое», — добавляет Галина Клавдиевна.

Конечно, зашёл разговор и о жилье. «Очень жаль, — говорит Галина Клавдиевна, — что нас сорвали с земли. Хочу свой дом на земле! Почему я, коренная сургутянка, должна жить на третьем этаже? Я съязмальства привыкла жить по меркам деревенского уклада. Я хочу вести свой дом, хозяйство, садить огород. Конечно, дача у нас сейчас есть, но ведь до неё ещё добраться надо. А с огородом нельзя в разрыве жить, с ним всегда нужно находиться рядом. Тут прополол, тут полил, а тут грядку подправил. На глазах-то оно-то лучше. А много

ПАНКИНЫ

ли присмотришь, когда занят другим делом далеко от своей земли? Можно всё-таки было оставить старый город, — говорит Галина Клавдиевна. — Нашествие техники, появление множества посторонних людей в начале шестидесятых надо было пережить! — говорит она. Вы только представьте себе. Маленький посёлок жил тихой, размеренной жизнью. Все знали друг друга, в общем, жили, как одна семья. А тут шум, гам, выпивка не по праздникам. Люди-то приехали «земли осваивать», нефть добывать. Давай, скорей, когда тут размышлять да с местными обычаями церемониться? Не скажу, что сплошь все так себя вели, но нам очень трудно было перестроиться на новый уклад жизни».

Тем не менее это произошло. В 1974 году Галина Клавдиевна познакомилась с 23-летним Виктором Агаповым, который приехал в Сургут с Винницкой области по комсомольской путёвке для работы на ГРЭС-1. К тому времени Галина уже закончила среднюю школу и Тобольский рыбопромышленный техникум. В магазинчике промтоваров случайно завязался между ними разговор. Шутка за шуткой — и состоялось знакомство, вылившееся впоследствии в свадьбу. «Он и сейчас без шуток не обходится, — говорит сургутская Лада, — этим и купил по-молодости. Но Виктор оказался ещё и рачительным хозяином, крепкой опорой коренной сургутянке. Тридцать лет совместной жизни пролетели, как три дня. Познакомились случайно, а прожили всю жизнь. Так в судьбах людей сплелись прошлое и настоящее Сургута».

Шли годы, росли дети: дочь Ольга и сын Дмитрий. Через время появилась внучка Лена, а в октябре 2002 года и внук Антон. Детям Агаповы, как и положено, дали образование: Ольга работает в СПОПАТе бухгалтером, а Дмитрий живёт в Санкт-Петербурге — учит-

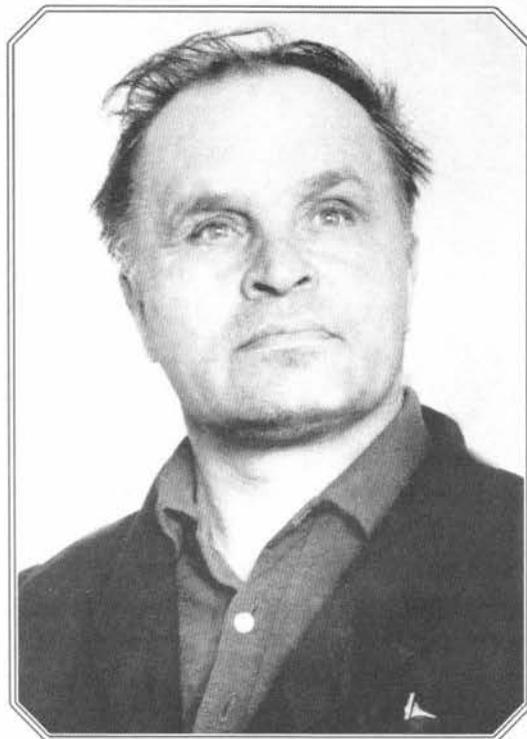
ПАНКИНЫ

ся в интернатуре. Он по профессии врач-кардиолог. В своих семьях дети стараются сохранить жизненный уклад родителей. Он устойчив и поддерживает в трудные минуты.

А Галина Клавдиевна, находясь на пенсии, без дела не сидит. Привычка что-нибудь мастерить остаётся у неё и сейчас. В доме на полу лежат половики, связанные крючком её руками. Много перешито и поправлено одежду детям, мужу, себе. Она хитра на выдумки ввязании. Поэтому каждый раз, когда приходишь в гости, любуешься новой кофточкой или костюмом. Все навыки рукоделия она сохранила, несмотря на загруженность и напряжённый жизненный ритм. Проработав начальником машинно-счётной станции на ГРЭС-1 до 1981 года, она ушла работать в трест «Сургуттрубопроводстрой» экономистом. А с 1999 по 2001 год работала в городской администрации, откуда и ушла на пенсию. Просто не вяжется образ административной леди с нашим образом сургутской Лады. Это ещё нужно суметь: не забыть истоки, корни и приладиться к новой жизни. А она сохранила одно и приобрела другое. Ей всегда хочется кому-то помочь, передать свой опыт жизни, научить тому, что постигла сама. И это тоже сургутская заливка — не держать при себе, отдавать лучшее людям. Галина Клавдиевна Панкина следует этому всю жизнь и от того она у неё ладная.

Клавдий
Васильевич
Панкин.
1970 г.

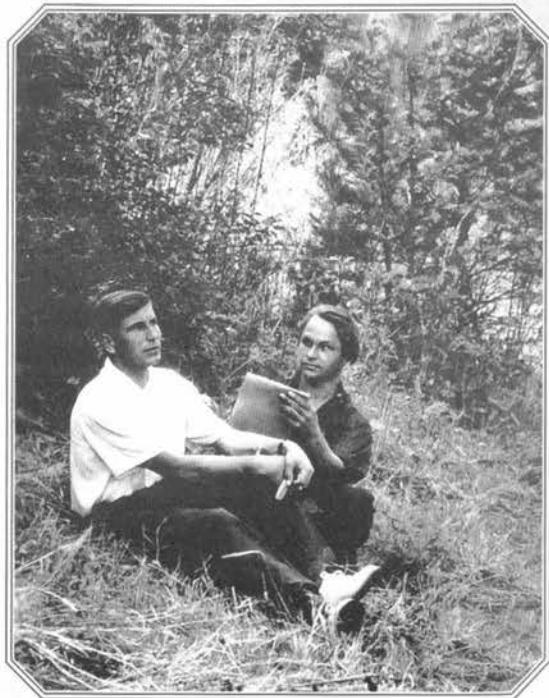
79

Галина
Андреевна
Панкина.
1970 г.

Семья Панкиных:
Клавдий
Васильевич,
Галина
Андреевна,
дочери
Галина и Татьяна
и внучка Наталья
— дочь старшего
сына Игоря.
1967 г.

80

К.В. Панкин
в Белокурихе.
1954 г.

ПАНКИНЫ

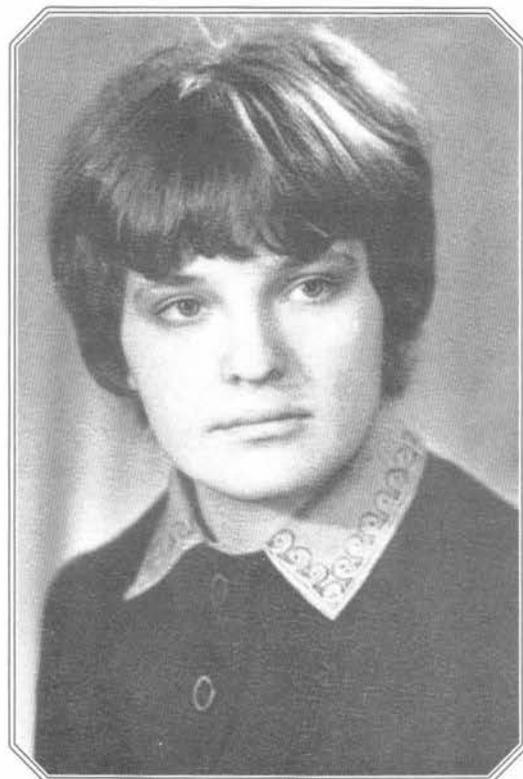
Панкины: Петр (слева) и Игорь –
сыновья Клавдия Васильевича,
строят стайку для коров.

81

Галина с одноклассниками
(вторая справа). 1965 г.

ПАНКИНЫ

Галина Панкина.
1966 г.

32

Галина Клавдиевна
Аганова (Панкина).
2002 г.

Поведали старые фото...

В каждой семье есть альбомы с фотографиями. Во многих из них бережно хранят старые чёрно-белые фото. Они — как послание предков. Со страниц старого альбома в нашу жизнь приходят воспоминания.

Маленькая девочка водит пальчиком по надписи под фотографией. «Тысяча девятьсот тринадцатый год», — читает она. На ней изображены её пропрабушка и пропрадедушка. «Смешные какие! — думает она. — Платок на голове у бабушки как-то интересно повязан, а у дедушки шляпа чудная на голове. Да и пластие, костюм необычные. И смотрят они прямо на меня». Она задерживает свой взор, пытаясь разглядеть нечто такое из жизни предков, о чём умалчивает фото. А мы с вами перелистаем альбом Кондаковых...

Евдокия Даниловна. В самом начале XX века образовалась в Сургуте семья Кондаковых: Фёдора Фёдоровича и Евдокии Даниловны. Было у них четыре сына: Илья, Галактион, Ефим, Фёдор, и две дочери: Доминика и Анна. Судьба большой семьи сложилась нелёгкая, многие её члены испытали трудность времён, в которые их часто «исключали» из жизни.

А поначалу... Жили мирно, трудились по хозяйству не покладая рук. Трудились честно и добросовестно и... попали под раскулачивание. Были высланы из Сургута в сторону Берёзово, но на полпути встретился один добрый влиятельный человек. «Да какие же вы кулаки? — возмутился он при встрече. — У вас в хозяйстве коровы да лошадь!». Вернулись Кондаковы домой. Но спокойно им

жилось недолго. В мятежном 1921 году Евдокия Даниловна увидела из окна своего дома, как мимо провели мужа и старшего сына Илью. Провели под конвоем в сторону колхозного поля. Поняв, что их ведут на расстрел, упала в обморок. Поднимала детей одна, работая в колхозе.

Доминика Фёдоровна была очень активным человеком. Ещё в школе вступила в пионерию, затем работала пионервожатой. Вступила одной из первых в комсомол. Активно участвовала в лыжных переходах из Сургута в Остяко-Вогульск (Ханты-Мансийск). Однако прошлое семьи отразилось на её жизни. Исключали из комсомола как сестру «врагов народа». А «врагами» были родные братья Ефим и Галактион. Их расстреляли «по плану», вместе с другими «приговорёнными» в 1937 году в Ханты-Мансийске. Младший Фёдор этой участи избежал потому, что жил в Тобольске. Стирается прошлое — сейчас этого памятника в Ханты-Мансийске уже нет.

Ефим Фёдорович до расстрела породнился с семьёй Кондаковых, взяв в жёны однофамилицу Евдокию Михайловну. Слились две одинаковые фамилии в большую семью. Семья красивая и дружная. Евдокии было всего лишь 28 лет, когда расстреляли 34-летнего мужа. Осталась на руках с 2-летней Риммой и 6-летним Виктором. Больше замуж не выходила, а помыкалась с детьми немало. На работу не брали, принуждали идти в колхоз, лишали продуктовых карточек. Говорили: «Если ты мать — иди в колхоз!» Собрала детей да поехала в Тром-Аган. Жила три года в здании сельсовета, мыла полы. Затем вернулась в Сургут, устроилась работать в пекарню. Тоже несладко было. Голодно, пытались насытиться хлебом, как и положено пекарям. Но их проверяли — не берут ли чего лишнего. Однажды и просидела Евдокия ночь под дулом пистолета, отвечая на вопрос: ела или не ела хлеб?

Римма Ефимовна живёт в Сургуте. Она и помогла собрать фотографии для альбома и составила древо

КОНДАКОВЫ

многочисленной семьи Кондаковых по материнской и отцовской линиям. Закончив в 1956 году Тобольский дошкольный техникум, Римма Ефимовна всю жизнь отдала ребятишкам, проработав в детских садах 39 лет. У неё двое детей: Наталья и Александр, и двое внуков.

Виктор Ефимович стоял у истоков развития лыжного спорта в Сургуте. Ещё будучи учеником школы, имел разряд, из армии вернулся кандидатом в мастера спорта. Служил сибиряк на Сахалине, где участвовал во всевозможных соревнованиях. Как говорит Виктор Ефимович: «Весь Сахалин на лыжах исходил». Навыки, приобретённые в Сургуте (зимой в лесу ходил только на лыжах), дали хорошую закалку и заряд на достижение результатов в профессиональном спорте. По его следам пошли многие сургутяне, и тоже добивались высоких результатов. Хорошо известны имена лыжников — Юрия Щепёткина, Владимира Проводникова, Анатолия Куйвышева. А чего стоили лыжные переходы до Ханты-Мансийска и обратно!

85

Виктор Ефимович заочно закончил Тюменский машиностроительный техникум. Работал прорабом, начальником стройучастка, архитектором в райисполкоме. Очень красивый, трудолюбивый и творческий человек. Умел ладить любую мебель. Ничего не стоило ему нарисовать чертёж и построить дом. Свои навыки передавал детям — Елене и Сергею, которые появились у него позже. Встретил на своём пути великолепную женщину. Познакомился с ней после армии на вечеринке. Через полгода сыграли свадьбу в родительском доме Кондаковых.

Любовь Александровна в девичестве носила фамилию Чащина. Её мама, Нина Михайловна — известный в Сургуте педагог. С 1934 года трудилась на учительском поприще. Преподавала в школах, работала заведующей районно. Старейшие педагоги помнят эту справедливую, умную женщину. У неё было восемь дочерей. Любовь

КОНДАКОВЫ

Александровна — одна из них. Пошла по материнским стопам. В 1954 году закончила Тобольский учительский институт и приехала преподавать в школах Сургута. С 1970 года — бессменный на долгие годы директор школы № 7. В этой школе учились её дети. В гости к ним и к другим ученикам школы приходила Нина Михайловна. В музее школы есть немало фотографий, на которых запечатлены эти события.

Встреча с Виктором для Любови Александровны стала судьбоносной. Родилось двое детей, которые, как и родители, вкладывают свой труд в развитие родного города.

Сергей Викторович хватку, навыки, стиль жизни перенял от отца. Как и многие местные мальчишки, всегда был с отцом в лесу, на рыбалке, при делах. Оттого хорошо знает окрестности Сургута на сто километров в любом направлении. Очень ценит свой дом, семью и родственников. Растит двоих детей и приучает жить так, как учили отец и мать.

Этот коренной сургутянин пытается наладить жизнь в городе по старым традициям. Как и отец — строитель. Принимает ответственные решения в городской и окружной Думах.

Елена Викторовна — известный врач-гематолог. Почти двадцать лет врачуяет в центральной районной клинике, заведуя гематологическим отделением. Это очень жизнерадостный и добрый человек. Хранит в памяти минуты отдыха с семьёй на реке, прогулки по вечернему Сургуту, цветущие раскидистые черемухи в палисадниках.

А всё началось в доме, который смастерил своими руками Фёдор Фёдорович Кондаков. Мимо которого впоследствии прошёл вместе с сыном на расстрел. В котором позже родилось, выросло, сыграло свадьбы не одно поколение Кондаковых.

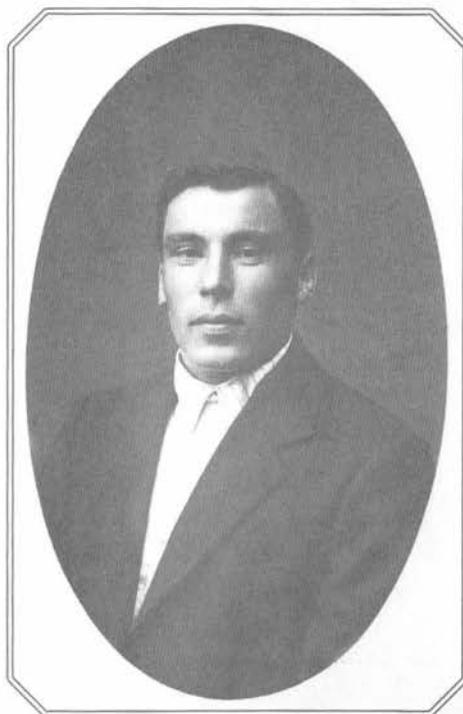
Евдокия
Даниловна
с дочерью
Доминикой.

87—

Встреча комсомольцев. 1983 г.
Доминика – вторая слева стоит.

КОНДАКОВЫ

Константин
– брат
Евдокии
Михайловны.

88

Федор
Кондаков
(в центре).

КОНДАКОВЫ

Виктор
Кондаков.

89

Ефим
Федорович
с женой
Евдокией
Михайловной.

КОНДАКОВЫ

Нина
Михайловна
Чашина.
1976 г.

90

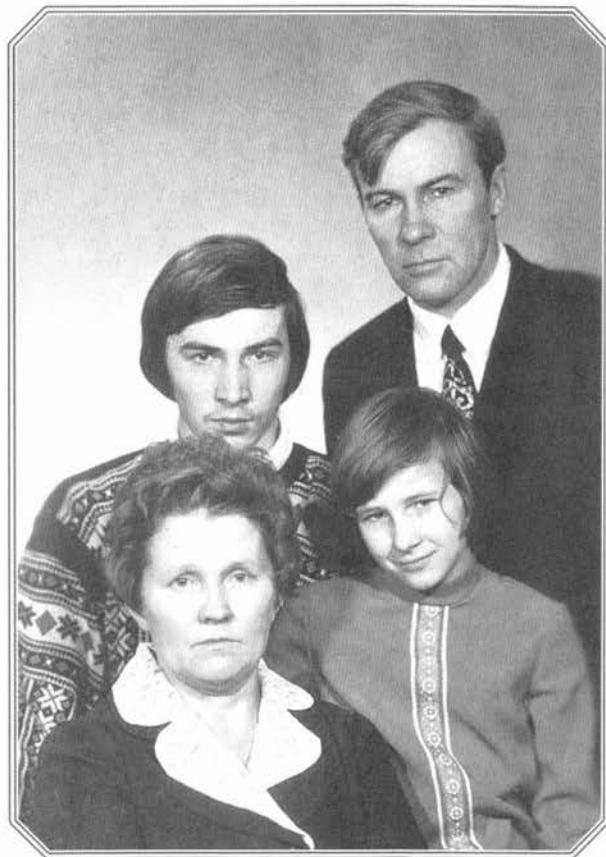
Виктор
Кондаков
после армии.
1955 г.

КОНДАКОВЫ

Любовь
Александровна
Кондакова.
1952 г.

91***

Любовь
Александровна
и Виктор
Ефимович
с детьми
Сережей
и Леной.

КОНДАКОВЫ

-92

Дети Ефима Виктор и Римма возле памятника
«Жертвам репрессии» на месте расстрела.
г. Ханты-Мансийск.

Сергей Викторович Кондаков с сыном Ильей.
Сургут. 2003 г.

КОНДАКОВЫ

Дочь Елены
Викторовны
Катя (справа)
с двоюродной
сестрой Любой.
Сургут. 2004 г.

93

Римма Ефимовна с сестрами (сидит справа).

КОНДАКОВЫ

Осенние листья

Ивану Петровичу Кондакову — коренному сургутянину, ветерану Великой Отечественной войны, исполнилось 85 лет. Большую часть из прожитых лет он посвятил выступлению на сцене.

«Осенние листья
Шумят и шумят в саду,
Знакомой тропою
Я рядом с тобой иду.
И счастлив лишь тот,
В ком сердце поет,
С кем рядом любимый идет...» — напевает тихонько Кондаков.

Песня как нельзя кстати. Мы сидим за столом у большого окна в квартире Ивана Петровича, а за окном ветер колышет ветви берез и осин, одевшихся в осенние наряды.

— Эту песню как раз сейчас и надо петь, — говорит он. — Теплая золотистая осень на дворе стоит. А еще вот можно эту спеть... — И он напел несколько куплетов из разных песен и романсов на «осеннюю» тему. На душе стало тепло, спокойно и даже безмятежно. Действительно — осень, время размышлений и размеренности.

К своим выступлениям на сцене Иван Петрович готовится тщательно. Всегда подбирает песню «по поводу». Считает, что песня должна помогать человеку: придавать уверенность, поддерживать в трудную минуту, а когда взгрустнется — быть собеседником.

— Поначалу пел песни военных лет. Учился по радио у Лещенко петь, — признается он, — а затем по нраву пришлись романсы. Уж сколько перепел их — не

КОНДАКОВЫ

упомню. — И снова запел: «Не пробуждай воспоминаний», «Я встретил вас», «Гори, гори, моя звезда». А вот песня Дон Кихота. Ее я со сцены дома культуры в 1970-е годы на 8 марта пел.

В специальной папке у коренного сургутянина хранятся вырезки со словами песен из газет, листочки отрывных календарей, а также записи на тетрадных страницах, которые очень удобно положить в карман при выступлении.

— Так увереннее себя чувствуешь на сцене, — поясняет Иван Петрович. — Сейчас уж «материя» произнеслась, девяностый год не за горами, могу и позабыть слово из песни. А так, достал себе листочек и спел, не зазорно это, — считает он.

На самом деле по шпаргалке редко поет. Несмотря на преклонный возраст, Кондаков практически всегда поет по памяти. Он участвует во многих городских мероприятиях, в фестивалях творчества ветеранов войны и труда. Шесть лет поет в ансамбле «Сургутяне», частый гость у школьников. И на каждом торжественном концерте, посвященном Дню Победы, исполняет «Землянку».

Голос пришел к Кондакову из детства. Мама Ивана Петровича пела в хоре Сургутского Троицкого собора. Чистый высокий голос выделялся среди прочих и радовал душу прихожан. И, как ручеек, он проявился в Иване Петровиче. Его мама была из Кушниковых, не одно столетие проживавших в Сургуте. По семейным преданиям — из казачьего рода. Да и замуж она вышла за такого же давнего жителя Сургута — Петра Георгиевича Кондакова. Оба — долгожители. Мария Николаевна дожила до 74 лет, а Петр Георгиевич, до 92. Об их жизни есть воспоминания в семейном альбоме Кондаковых, который собрала и оформила дочь Маргарита.

95 —

КОНДАКОВЫ

«...Дом, поставленный еще прадедушкой, располагался неподалеку от Троицкого собора, по улице, которую в народе называли Троицкой. На этой улице жили Трофимовы, Гордеевы, Жидковы, Проводниковые, Щепеткины, известный учитель Знаменский, у которого учился отец. Проходя мимо дома Знаменских, можно было часто слышать, как Аркадий Степанович играет на рояле. Бабушка, Мария Николаевна Кушникова, всю жизнь была домохозяйкой, очень любила петь. Дедушка, Петр Георгиевич, хорошо играл на гармони. Так что в доме часто бывали семейные песенные вечера. Дедушка работал в райпотребсоюзе, любил ездить на рыбалку, охоту. На «весновку» уезжал обычно недели за две-три до начала ледохода. По возвращении угощал рыбой соседей. В 1921 году во время кулацко-эсеровского мятежа его чуть не расстреляли. Во время смены власти сургутские мужики прятались в лесу. А по выходу из леса все друзья Кондакова попали под пули, а его спасла жена красного командира, прятавшаяся от белогвардейцев в подполе дома».

Прорезался голос у Ивана Петровича в армии. Когда прозвучала команда: «Запевай!», он вдруг запел во весь голос песню, которая первой пришла на ум — про винтовку: «С юга до Урала ты со мной шагала...» Так и стал запевалой. В армию его взяли с третьего курса Омского машиностроительного техникума, куда поступил после окончания семилетки в Сургуте. Было это в 1940 году. Отправили парня на Дальний Восток. Целый год учился в школе младших авиационных специалистов. Началась Великая Отечественная война, и задержался в армии Иван Кондаков на долгие пять лет, пока не закончилась война с Японией.

Служил сержантом в четвертом авиаполку морской авиации во второй минно-торпедной дивизии.

КОНДАКОВЫ

Полк состоял из трех эскадрилий, в каждой было по 12 самолетов.

— Я обслуживал самолет под номером 25, — вспоминает Иван Петрович. — Он пролетал всю Великую Отечественную войну практически без единой царапины. Уж я старался содержать механизм в порядке. Все самолеты авиа полка были задействованы и в войне с Японией. Самолеты — дальние бомбардировщики — стояли в укрытиях (капонирах). И поэтому их не было видно с воздуха. В каждом капонире стояло по одному самолету, где и запускали мотор, подвешивали под фюзеляж торпеды или бомбы. Мой самолет, двадцать пятый, в один из дней вылетел на задание. Сбросив бомбы, он возвращался домой, и тут его подбили японцы. Один снаряд попал в мотор. Спланировав, самолет посадили на море в 40 км от берега. Экипаж быстро надул резиновую шлюпку, а самолет пошел ко дну. Делать нечего — поплыли к берегу и попали в плен к японцам. Один из членов экипажа открыл огонь и был убит, троих месяц держали в плена. После окончания войны они вернулись из плена в свою часть, а командиру экипажа было присвоено звание Героя Советского Союза. После того как мой самолет вышел из строя, я обслуживал другой. Однажды, когда убирал колодки из-под колес, голову задело крутящимся винтом. Видно, родился в рубашке, потому как лопасть погнулась, а я отделался легкой царапиной — наложили швы на голову, которые через месяц зажили. Вот такая была история.

97

Вернулся Иван в Сургут в 1946 году. На груди у него красовался орден Отечественной войны второй степени и медаль «За победу над Японией». В том же году женился на Апполинарии Афанасьевне Кубасовой, которая квартировала у них дома. Работала медиком, а

КОНДАКОВЫ

была из семьи репрессированных, высланных из Юрги Тюменской области.

Работать устроился Иван поначалу в собес инспектором, затем на рыбокомбинат рабочим, а потом уехали с женой в Тюмень. Там решили строить семейную жизнь. А когда в Сургут пришли геологи, молодые решили вернуться. Было это в 1958 году. Тогда же Иван Петрович устроился в одно из подразделений «Обнегазгеологии» слесарем котельных установок. И проработал вплоть до 1987 года. На пенсию ушел в 60 лет. Общий трудовой стаж составил 40 лет.

— Давайте ухой угощу. Сам наварил. Рыба, правда, не моя, — и Иван Петрович отправился на кухню. — А сегодня уха из окуней и карася, попробуйте, — предложил он.

Хоть и не из своей, как говорится, рыбы, да все равно вкусная уха получилась у гостеприимного хозяина. В мгновение ока ушла за милую душу.

И мы продолжили разговор. Событий Кондаков из жизни знает много. Он читает местные газеты, окружную газету «Новости Югры» и газету, что выписывает ему местная первичная организация коммунистов. В партии Иван Петрович состоит пятьдесят лет и никуда из нее уходить не собирается. По сей день участвует в работе «первички», посещает собрания. Активную жизненную позицию занимает ветеран, хотя частенько говорит о том, что «материя поизносилась, надо ей на покой». Разговор наш состоялся накануне поездки на отдых за пределы Сургута.

— Иван Петрович, что нужно делать, чтобы быть здоровым? — спрашиваю.

— Я не курю, спиртного не пью. Надо следить за своим питанием, употреблять витамины. Обязательно надо ходить в лес по грибы, по ягоды. И отдых, и польза

опять же. По сезону надо одеваться, чтобы не простыть. Ко мне болезни стали «приставать» лет в восемьдесят.

Более пятидесяти лет живут вместе Иван Петрович и Апполинария Афанасьевна. Скоро коренные сургутяне будут отмечать бриллиантовую свадьбу. Две дочери, Вера и Маргарита, заботятся о своих родителях. Вера живет в Тюмени, а Маргарита — в Сургуте. Она всегда готовит Ивана Петровича к выступлению на сцене. Пока отец поет, дочь поджидает за кулисами.

— Я ей частенько говорю: «Ты, Маргарита, меньше телевизор смотри, а больше радио слушай. Там часто романсы передают». Вот, слышите, — обращается он ко мне, — про осень поют», и делает громче звук радио.

А осенние листья шумят и шумят на ветру вот уже восемьдесят пять лет в жизни ветерана Великой Отечественной войны, коренного сургутянина, великолепного исполнителя романсов Ивана Петровича Кондакова.

100

Иван Кондаков. 1941 г.

101

Иван Петрович Кондаков
у своего дома по ул. Троицкой. 1977 г.

На городском конкурсе «Семья года». 2004 г.

КОНДАКОВЫ

Нэля

«**Н**эля!» — звучит над прибрежной тайгой прекрасное имя девушки. Утих пробежавший шепоток зрителей, плеснула волна, и ... на импровизированную сцену (палубу маленького катерочка) выходит она — маленькая изящная сургутянка. Её выступления ждали, как чуда. И оно начиналось. Плавно, медленно происходили превращения гибкого стана девушки в замысловатые фигуры. Вот она, изогнувшись, сложилась почти вдвое, вот растянулась, как по ниточке, в шпагат, а далее шли такие па, что за секунду до этого невозможно было и представить, что такое может сотворить человек.

102 Напряжённую тишину нарушал только комариный звон, от укусов которых спасались тем, что жгли траву, в народе называемую «дымокур». У зрителей слезились глаза, но все терпеливо досматривали до конца «чудо». А после награждали Нэлю аплодисментами. Смельчаки тут же просили научить хоть чему-нибудь. «Пожалуйста, — говорила она, — это несложно. Надо только так, так и вот так сделать». Не утруждая себя повторами, она отходила в сторону. А озадаченные селяне старались повторить показанные ею элементы. Хохот стоял, а Нэля вместе с другими участниками кульбригады уже плыла дальше по реке Обь. Впереди ещё не одно селение, а пока местные артисты перекусывали нехитрой привычной снедью — солёным язём да варёной картошкой. Бывали, правда, и исключения. Однажды, после выступления в Пилюгино, один рыбак привёз полный облас утиных яиц. Хоть все и знали, что дичи вокруг много, но всё же смотрели на это явление, как на чудо. Опомнившись, молодёжь взяла у рыбака ведро яиц на пропитание.

КУШНИКОВЫ

После «круиза» по деревенькам возвращались в Сургут. Здесь продолжались репетиции не только акробатических номеров, но и театральных постановок под руководством Ивана Андреевича Кайдалова. Коренная сургутянка Нинель Тихоновна Кушникова, о которой идёт речь, играла практически во всех пьесах. В частности «Свадьба в малиновке», «Медведь», «Юбилей». Перед выступлением обязательно гримировались, но в образ вживаться получалось не всегда — не хватало времени. Слишком часто режиссёром затевались премьеры. Спасибо, выручал супфёр. Весело, интересно жила молодёжь в Сургуте. Может, время было такое, может, дух поселения — чистый и свежий — на разные затеи подвигал. Наверняка задору добавляли и казачьи корни.

Детство прошло в Тундрино. Любила собирать шишки, наблюдать за речкой, смотреть на церквушку. Там же, в классе третьем, начала заниматься гимнастикой. В конце 30-х — начале 40-х ХХ века были очень популярны так называемые «пирамиды» (помню, и мы их в 1970-х строили запросто — авт.). Гимнастические приёмы увлекали до такой степени, что и дома покоя никому не было от бесконечных репетиций. Инициатором была старшая сестра Нэли — Маргарита. Вскоре семья переехала в Сургут, где Нэля уже сама организовала физкультурный кружок, куда с удовольствием ходили одноклассники. Природная гибкость выручала многих. А потому изгибалась как хотели. Выступали много: в школе на вечерах, праздничных концертах, в клубе. Маленькие артисты нравились сургутянам. Нарабатывался опыт, и вскоре Нэля, повзрослев немного, стала выступать одна.

Что ещё из этого периода? Помнятся сенокосы за рекой. Тянули сено домой «бечевой» — на лодке, груженной доверху. Тяжеловато, конечно. Однажды был ветер сильный. Пошли немного, вдруг высокой волной

103

КУШНИКОВЫ

щуку забросило в лодку. Как будто река за тяжкий труд награду выдала. Одаривал и лес. В середине июля морозкой, позже брусникой и клюквой, грибами. За ними дети ходили сами по однофамильной дороге — «кушниковской». До семи — восьми вёдер набирали ягод. Мать встречала, и потом вместе обрабатывали дары леса. В основном мочили, сушили. Запасали на зиму и немалое количество капусты. Иначе не прожить.

Юность. На сцене клуба специально сделанные подвесные кольца, и на них девушка делает всевозможные трюки. Фантазии у Нэли не было предела. Привлекала желающих выступать вместе — не всё из задуманного удавалось сделать одной. Так жизнь и текла. По окончании школы, решила поступать в педучилище Ханты-Мансийска. По конкурсу не прошла — тогда

104

приоритет отдавали ханты и манси, вернулась домой. Пока она ездила, в Сургуте побывали редкие гости — артисты из Ленинграда. Наслышанные от местных жителей о редких способностях девушки, они приходили к ней домой, чтобы поработать вместе и увезти с собой в Ленинград. Обещали матери помочь с поступлением дочери в институт. Кто знает, как сложилась бы судьба Нэли, окажись она дома?

А так, вернувшись в Сургут, пошла на работу секретарём-машинисткой в горком комсомола, затем в органы внутренних дел, но заниматься гимнастикой и выступать не прекращала. В акробатике вместе выступали с Ириной Киргинцевой, с Валентиной Захаровой — в танцах, с Анатолием Соловьёвым играли в пьесах.

В одной из летних поездок в Локосово приглянулась девушка местному парню — Виктору Кондакову. Через время и поженились. На том гимнастическая карьера закончилась: кто ж такую красавицу от себя отпустит! Был год 1955.

КУШНИКОВЫ

Жизнь семейная. Поселились в доме на Чёрном мысу. По сей день он ещё стоит. Со временем появились одна за другой дочери: Ольга, Елена и Маргарита. Жизнь ладилась, в основном, по ритму жизни мужа. Однако и сама Нэля трудилась не только по дому. Трудовая деятельность, начавшись в 1952 году, не закончилась с выходом на пенсию в 1993, а продолжалась ещё в течение десяти лет. На одной страничке умещается перечисление предприятий и дат. А за ними скрыто многое, чего не перескажешь в одном разговоре. «Да и ни к чему, — считает Нинель Тихоновна. — Давайте лучше о родителях поговорим».

Отец, Тихон Иванович, из рода Кушниковых. «Знаю, что вместо меня он ждал мальчика, — говорит Нинель Тихоновна. Но очень был рад девочке. Это был активный человек. Очень любил Родину, Сургут. Сестра Рита хорошо о нём написала: «Кушников Тихон Иванович родился в 1904 году в Сургуте в семье крестьян, окончил приходскую школу. С 15 лет стал работать вместе с отцом, а затем уехал в Тазовскую местность, нанявшись как рабочий. Вернулся в Сургут через три года. В 1926-1927 годы работал в Агане переводчиком с самоедского языка. В 1927 году вступил в ряды ВКП (б). В 1928 году работал политпросветизбачом в Югане и Тундрино. В сентябре 1929 года поступил на работу в сургутское интегральное товарищество в качестве продавца, был избран в состав правления. После окончания курсов в Тобольске был избран председателем правления сургутского кооператива. Много ездил в командировку по заготовке оленей. Затем работал в колхозе бригадиром на рыбной ловле. С мая 1932 года работал в Сургутском райисполкоме, а затем учителем-переводчиком при аганском «Красном чуме» до самой своей смерти». А она была нелепая, как у многих мужиков этих мест:

105

КУШНИКОВЫ

их забирала река. Возвращаясь из очередной поездки по району, Тихон Иванович с другом попали в наледь. Простыл и после долгой болезни умер. Хоронили его всем селом. Есть фотография, где под красным знаменем сургутяне провожают комсомольского активиста. Нинель Тихоновна говорит: «Настолько был предан партии, что, умирая, пел «Интернационал». А прожил-то всего 29 лет.

Мама, Беспёрстова Евдокия Георгиевна, очень любила цветы. Жизнь у неё выдалась трудная. После гибели мужа растила двух девчонок. Занимались хозяйством все вместе. Выходила повторно замуж за Силина Ефима Николаевича. Родилось ещё двое детей — Тамара и Леонид. Чуть окрепли, да тут война. Мужа на фронт забрали, и опять одна. Прошёл всю войну, да так домой и не вернулся. Заглянул, только вещи забрал, и уехал жить в Петербург. Осталась Евдокия на всём хозяйстве, только теперь с четырьмя ребятишками. Но сила духа была крепка у женщины. Подняла, поставила на ноги всех до единого.

А цветы? В Сургуте многие хозяйки держали их по-немногу, но у Евдокии было больше всех. Так и говорили: «А это тот дом, где цветов много!» Любовь к цветам передалась дочерям. У Нинель Тихоновны в квартире целый сад: большие розы, домашние пальмы занимают весь проём эркерного окна, что даже в лютые морозы чувствуешь себя, как в саду.

Удивляешься подвижности и активности Нинель Тихоновны. В Широково содержит вместе с мужем дом и огород, конечно же, высаживает огромный цветник. Подросших внуков научила ходить в лес за ягодами. Держаться на воде они умеют опять же благодаря бабушке. Сама она до недавнего времени могла вплавь снимать сети, обходясь без лодки.

КУШНИКОВЫ

Расставаться с хозяйкой и уходить из гостеприимного дома не хотелось. Но, как водится, встретившись и познакомившись с семьёй коренных сургутян, становишься для них близким человеком. Если принимают тебя, то таким, какой ты есть, и навсегда. И мы с гериней моего рассказа перезваниваемся, встречаемся. Двери квартиры красивой девушки Нэли всегда открыты гостям, и на столе непременно ждёт угощение.

Во деревне Широково

Стоит на высоком берегу островка, по великой сибирской реке Обь, село Широково. Живёт там немногих людей, дворов тринадцать всего будет. Мужского да женского полу населения в нём одинаково — по тридцать одной душе. Основной род занятий — рыболовство — река-кормилица богата дарами рыбными. Муксун да нельма в большом количестве в ней водились. Продавали рыбу такую по пять рублей за пуд. Когда шла хорошо, а когда и до весны в ледниках по 200-400 пудов залёживалась.

Все эти события относятся к 1924 году. А когда зародилось Широково, никто не знает, но поговаривают, что ровесником Сургута является. В тридцати вёрстах от него находится. Место, облюбованное древними людьми, тянет сургутян до сих пор. Дворов сейчас там также немногого, по пальцам можно сосчитать. А рыба ни зимой, ни летом и сейчас не переводится, только, конечно, поменьше улов стал. Круглый год в Широково живёт человек семь-

КОНДАКОВЫ

восемь. Двое из них приезжают из Сургута на релейной станции работать, а остальные зимуют... без света. Стадо коров голов в тридцать-сорок по лугам пасётся. Приезжают дети, внуки широковских стариков, семьи братьев Широковых, по фамилии которых считается названным поселение. Поповы, Кайдаловы, Проводников Василий Георгиевич едут сюда огород садить да животноводство вести. Но плохо им без света-то. Как в древние времена, живут, у печки греются да на ней и пищу готовят.

В одном домике свечка горит допоздна. Она освещает лицо человека, читающего исписанную тетрадь. Это Виктор Алексеевич Кондаков, давний житель села, родом из Локосово. Читает «Пройденный жизненный путь (кратко) Кондаковой Ольги Андреевны». И разворачиваются на листочках исписанной школьной тетради исторические события, жизнью засвидетельствованные первой учительницей села Локосово, матушкой Виктора Алексеевича.

В девочках Олюшка набожной была, верила, что отец родной всем царь-батюшка. А когда выросла, волею судьбы должна была снимать со стен школьных классов, где преподавала, иконы да царские портреты. Пришла новая власть, которая оказалась по душе — свободы и равенства хотелось для всех, потому как детство беднейшее перенесла да тягостное. Стала активной коммунисткой, за что и была подвергнута гонениями во время мятежа 1921 года. «Вспыхнуло бандитское восстание, — пишет Ольга Андреевна. — Через наше Локосово сначала эвакуировались из Сургута советско-партийные работники в сторону Томска. Меня вызвал в волисполком заведующий районно товарищ Шанин, чтобы с ними эвакуироваться, что оставаться мне здесь ни в коем случае нельзя. Я в это время была с тяжёлой беременностью, и муж уверил, что спрячет меня у хантов. Он перед восстанием,

КОНДАКОВЫ

несмотря на ранение, помогал большевикам — возил секретную корреспонденцию из Сургута до Нижневартовска. Как только ночью выбыли из Локосова советско-партийные работники, так из Сургута нагрянула банда и учинила погоню. Под Нижневартовском произошёл бой. Банда отступила в Локосово. Я уехала в Нижнемысовую, тогда она была вне тракта, но вскоре донесли, что там скрывается коммунистка, и меня арестовали. На моей же лошади привезли в Бардаковы юрты, где стояли отряды бандитов. Заставили меня варить мясо в больших калташихах. Вот тут-то, из леса подсмотрев, что я нахожусь в банде, муж ужаснулся и решил: будь что будет, пойду к главному отряда Третьякову, чтоб разрешил мне ехать в Сургут, что у жены наступают преждевременные роды. Лошадь свою муж узнал, подготовил к отъезду, а Третьяков записал фамилию Кондакова: «Будешь заложником!» — и разрешил ехать в Сургут, который был за бандой. Он сказал, что жена твоя от нас никуда не уйдёт, а ему назначили время явки. Только стали на лошади спускаться на речку, как нас задержал другой начальник отряда — Сеин, и развернул лошадь обратно. Нас обоих поставили под расстрел и нам бы был конец, но вышел из избы Третьяков, приостановил действия Сеина (видимо, был главнее Сеина), мол, пущай едут в Сургут, там с ними разделаемся. И мы поехали в Сургут, обливаясь слезами, искать себе смерти или жизни.

Муж довёз меня до Широкова, где у него жила сестра. До Сургута оставалось 30 км. И он меня проводил вслед за ехавшими эвакуированными — семьями купцов из Покура и Локосова. Наказал: как в Сургут заеду, чтоб завернула к Менщиковым, его двоюродным братьям. Я так и сделала. Красные погнали банду из Локосова до Широкова, и тут произошёл бой, много убили бандитов, но были жертвы и со стороны красных. Муж, когда уви-

КОНДАКОВЫ

дел, что банда является в Широково, крадучись стал на лыжи и ночью пришёл к Менщиковым еле живой, и после этого перехода заболел малярией. Лихорадило каждый день с высокой температурой. Скрывались в подвалах у родни, у знакомых. Ждали каждый день смерти, что вот-де найдут и расстреляют. Но, видимо, банда сама стала праздновать труса. Ждали в Сургуте боя, что вот-де нагрянут красные. А они нагрянули в мае, с открытием Оби. Пришёл из Томска броневик с регулярными воинами, и банда сдалась, некоторые разбежались по лесам, некоторых выловили. Арестовано было много мужчин, началось разбирательство, а меня с мужем отпустили домой в Локосово, уехали на лодке, муж ещё долго болел.

В Локосово в братской могиле много похоронено погибших советских людей в восстание. Вся ячейка наша была уничтожена. Вот такие были тяжёлые годы моей работы учителем».

Читает Виктор Алексеевич, а сам мыслями уносится в ту пору: «Ведь недавно совсем это было и неподалёку. Вот здесь — рядом». Благо, матушка жива осталась и он на свет появился, а вперёд ещё двух сыновей родила. Взгрустнулось, пошёл покурить. За чтением не заметил, как утро наступило. Открыл дверь, а там...

ПЕРВЫЙ ЗИМНИЙ ДЕНЬ

*В ночь подул холодный ветер,
Сковал речку, лужи льдом.
Крикнул пса породы сеттер.
Закурив, покинул дом.*

*Приоткрыл лишь только двери –
Солнце в сенки ворвалось.
Рады люди, птицы, звери –
Кому видеть довелось.*

КОНДАКОВЫ

*Белый снег, как покрывалом,
Всё земное в ночь одел.
Восход солнца — цветом алым.
Блеску снега — нет предел.*

*Пёс, визжа, катаясь, лая,
Прыгал, падал на снегу.
Вихри снежные вздымая,
Оставлял он на бегу.*

*Воробыи, крутясь, вертелись
И садились на плетень.
В шубы снежные оделись
Дома, ели, даже пень.*

*Снег и солнце — в глазах слёзы,
Словно вышел после тьмы.
Здравствуй, первый день мороза!
Здравствуй, первый день зимы!*

Сточки стали складываться в рифмы у Виктора Алексеевича в довольно зрелом возрасте. Был у него период в жизни, когда, изрядно проработав на Севере, решил переехать на «большую» землю, в Ярославль. Пожил там совсем чуток, годика три, и на родную сторонку потянуло. Не мог жить без рыбалки, охоты, лесов родимых. Уехал. Один. Семья возвратилась чуть позже. А строчки поэтические... «Да, полились именно тогда» — подтверждает он. — Да всё больше о земле, о природе:

ГРОЗА В ШИРОКОВО

*Солнце скрылось в тёмной туче.
Потемнела речки гладь.
Я стою у водной кручи.
По реке промчалась рябь.*

КОНДАКОВЫ

Ярко молния сверкнула,
Запустив в тучу копьё.
С большой силой громыхнуло,
Напугав людей, зверьё.

Холодок и свежесть влаги.
Капли брызнули дождя.
Чертит молния зигзаги,
Как бы голоса прося.

Крутит ветер слева, справа.
Волны дыбом, дождь стеной.
Для детей это забава.
Кто-то ходит сам не свой.

Приумолкли в лесу птицы.
Отключили свой звонок.
На небесной колеснице
Едет сам Илья-пророк.

Всё стучало, громыхало,
Дождик лил, как из ведра.
Обмывало, оглушало
До восьми часов утра.

Пусть не профессиональные это стихи, но они всю суть любви к земле, к родным местам выражают. Любит своё Широково Виктор Алексеевич. Всего два зимних месяца живёт в Сургуте. Места себе не находит в городской квартире, ждётенька весеннего, чтобы на берег родной перебраться. А там в сундучке лежит ещё одна тетрадочка, где его батюшка, Алексей Яковлевич, собственноручно запечатлел события своей жизни определённого периода — годы службы у Колчака, а затем и в Красной Армии.

«До революции местных мужчин в царскую армию не брали, они были освобождены от этой повинности.

КОНДАКОВЫ

Ценились как рыбаки и охотники, потому и берегли. Пушнина на царские одежды да подарки гостям заморским нужна была, да и рыбка всегда кстати. Так вот, грянула гражданская война, Колчак пришёл в Сибирь, на Север. Армию пообстреливало изрядно в боях, и всех подряд стал мобилизовать Колчак к себе в отряды. Попал в этот процесс и Алексей Яковлевич. Это было в мае месяце 1919 года. Месяца не побыл он на службе у Колчака в Омске, но издевательств над теми, кто не хотел служить, насмотрелся и всею душой возненавидел таких палачей. Решил — надо бежать в Красную Армию. Да только трудно это сделать было. Но помогли случай и события, развернувшиеся вскоре в Омске. Красная Армия взяла город, и мечта Алексея Яковlevича осуществилась. В составе 241-го крестьянского полка 5-й армии уехал на запад освобождать Белоруссию от белопанов.

Наступления начались сразу же-как доехали до места. Сильны и смелы были сибиряки, гнали белопанов денно и нощно, не давая им укрепиться. Хоть и самих жуть брали, когда реку Березину форсировали, но страху на белопанов нагнали изрядного. Те говорили крестьянам, что красноармейцы дерутся как черти, ничего не боятся и пуля их не берёт. Пошли на город Борисов и оттуда вытеснили противника километров за сорок. Холодно было и голодно, боеприпасы, питание не поспевали за ходкими красноармейцами. А их гнало одно — желание побыстрей и везде установить Советскую власть. Так хотелось, чтобы всем жилось хорошо и сытно. Подход был крестьянский: чего дело надолго откладывать. Надо добиться своего да домой поскорей — хозяйство вести, а то жёнам трудно одним управляться. Да не всё сразу получалось. Много товарищей полегло. В каждом полку по 100 человек осталось, а белопаны по пять цепей выстраивались в атаку. Но сила внутренняя выво-

113

КОНДАКОВЫ

дила сибиряков и из вражеского тыла. Однажды под Барановичами вырвались из окружения только с одним криком ура!, так как боеприпасы совсем кончились. Противник и опомниться не успел, а красноармейцы пересекли линию фронта. Хотя и было-то их всего человека четыре, в том числе и Алексей Яковлевич. Чуть позже под Новоминском сам из окружения вырвался. Без единой пули вышел. Берегла судьба-то крепких сибиряков, видать, мирной жизни ещё нужны были. Вот и вернулся живым домой Алексей Яковлевич.

Много лет спустя, в 1930 году, показывали в Локосово документальный фильм о взятии красноармейцами Минска. Так себя чуть ли не увидел в рядах победителей, которых горожане забрасывали цветами. «Вот, вот мы идём! Так в точности и было!» — воскликнул он.

Дневник написал по просьбе жены, почти на закате своей жизни.

Бережно хранит Виктор Алексеевич отцовские да материнские воспоминания. А попросишь их посмотреть, он прежде их вслух почтает, на едином дыхании передавая описанные события. Слушаешь его старосургутский говорок и кажется, что всё это было вчера, а сегодня мы собрались почтить письма с фронтов гражданской.

Закончилось чтение, а внутри осталось непередаваемое чувство родства с этой землёй, которое не выразить словами. Его можно только ощутить через людей, их слова, воспоминания. И благо, что они есть, хранятся в семьях, бережно почитаются поколениями. Низкий им поклон за это.

— Приезжайте к нам на недельку в Широково. Отдохнёте, по лесу походите, грибы-ягоды пособираете, — приглашает Виктор Алексеевич, ценя и уважая старую традицию северян — гостевания. О ней и многом другом рассказывал ещё он. Но это уже другая история.

КОНДАКОВЫ

ЧЕЛОВЕК ОТ ПРИРОДЫ

На дворе тихо. Отбушевали последние метели, отзвенела капель, и наступили туманы. Они окутали окрестности, и шаги в тишине кажутся мягкими, приглушенными. Как будто всё вокруг говорит: «Тише — природа просыпается».

По склонам весеннего леса бегут ручьи. А с ними и мальчишки вырвались на свободу после долгих зимних вечеров, сдобренных крепким морозом. Они озабочены, чтоб кораблик по ручью добежал до самой Оби — матушки. Никуда не свернул, не свалился. Тут уж и за валенками некогда следить, хотя матушка строго-настрого наказала: «Не промочить!» Да куда там! Глянь — уж и мокрые. Вот трёпка-то дома будет! Но зато кораблики впереди и вот — вот на верном пути окажутся...

115

Поскорей бы совсем тепло стало, можно было бы в «родительских» сапожках бегать. И всю весну, и лето до поздней осени голова не болела б за эти валенки. Босиком ведь какая забота? Свобода одна да и только. Издавна в сургутских семьях эту обувку «родительской» кличут. В ней крепчали ножонки, силой земли напитывались. Ни каменья, ни холод ни почём. Подолгу приходилось рыбачить по колено в студёной воде, а потом (хоть бы что!) — допоздна бегать по деревенским улицам.

Из окон домов проливается яркий свет. Гостюют, наверное. Ребятишки побежали, прилепили лбы к стеклу. Точно. Гостей полон дом, пироги рыбные, шаньги с брусникой, картошкой на столе дымятся. Гости песни поют под гармонь. Весело!

— Вот бы у нас так дома было! — говорит один из наблюдавших за весельем.

КОНДАКОВЫ

Погодь, ещё и к вам соберутся. Виши, и твои родители здесь. А уж коль пришёл в компанию, будь любезен хотя бы раз в год других — то пригласи. А как же, на то оно и гостевание — подводит итог беседе мальчишка, что постарше.

Мать одного из них вынесла по пирогу, ласково приговаривая: «Шанежки вы мои картонные (картофельные, значит), ешьте, угощайтесь да в реку не лазайте — холодна ещё».

Обласканная, побежала довольная ребятня дальше по улице. В лапту ли поиграть, в городки ли — эка невидаль игру найти! Без занятия никогда не останутся: воспитанные в постоянном действии, труде, ребятишки не будут просиживать время попусту. Как и рассказчик из того времени.

Виктор Алексеевич Кондаков с 10-12 лет был принят к работе по дому, которая под силу, да к обеспечению семьи пропитанием. Детство на военные годы пришлось, вот и стали мальчики и девчонки кормильцами. Чуть свет на рыбалку, а наловят рыбы и везут на рыбозавод. За неё получали талоны на хлеб. Задумал и дики однажды домой принести маленький Витя. Да вот беда, прежде ружья в руки не давали. Решил: с отцом ходил до войны в лес, видел, как взрослые охотятся, и я смогу. Тихонько взял ружьё и подался в лес. Недолго ходил, подстрелил утку. Побежал домой матери похвалиться. Она пожурила его да уж и взяла добычу-то: суп семерым ребятишкам из чего ещё сварить? По двору вон, кроме Витюшки — Агнюшка, Тамарка, Файнка, Маргаритка, Толик, да Лилька бегают. Все мал мала и девчонки. Толику расти ещё и расти до хозяйства-то. Тяжеловато, конечно, было и прокорм добывать, и обиживать себя. Приходилось работать на заготовке дров для пароходства, школы, ну и для своей печи, конечно.

КОНДАКОВЫ

Сургут

У северян есть главная и первая заповедь: «Береги природу. Она твоё тело, твой дом, твоё продолжение в будущем». Бережное отношение к природе формируется у всякого, кто живёт по её законам, получая у неё защиту, кров и пищу.

Держала, кормила, радовала и благословляла природа. На охоту Виктор всё же приоровился ходить со взрослыми — ловить уток «наперевес». Позднее этот вид охоты порицался, считался варварским, потому что подлавливали уток натянутой сетью во время перелёта с одного водоёма на другой. Кормились дичью, но иногда баловались и медвежатиной. Кажется, лет четырнадцать было Виктору. Война ещё не закончилась. Повадился медведь драть деревенских коров. Как ни возвращается стадо, так с потерями. За пастуха была женщина — Ольга Кривоногова. Однажды прибежала с криком: «У Сивкина озера медведь!...» Пока подоспели женщины и дети, медведя и след простыл. Два дня вели поиски люди по лесу, а когда утомились, устроились на отдых, зверь и вышел на них со стороны болота. Онемели ребятишки с перепугу, а медведь привстал на задние лапы и застыл. Видимо, тоже перепугался от неожиданной встречи. Кто-то из взрослых воспользовался нерешительностью хозяина леса и выстрелом из ружья уложил его наповал.

Пролетело детство. Время пришло в армию идти. Вместе с новобранцами — Кимом Вороновым, Николаем Куйвашевым, Иваном Кайдаловым, из Сургута на пароходе уплыл Виктор. То был первый послевоенный набор. Попал в сапёрные войска, отслужил исправно все положенные по тем временам три армейских года. Вернулся в Сургут, и началась трудовая жизнь. Активно, как и прежде, она пошла. Рыбокомбинат, нефтеразведочная экспедиция, Сургутнефтегаз. Много было рабо-

КОНДАКОВЫ

ты: время разведки и освоения недр. Но душа манила в лес, на природу, как магнитом. И сколько разных приключений случилось на охоте! Опять же с медведями встречи были. Однажды в тумане не разобрал, кто перед ним. За друзей принял медведицу с медвежатами. Остановился и думает: чего они вокруг сосны ходят да ходят? Стоял-гадал, потом, глядь, да это ж медведи, и совсем рядом! Обомлел поначалу, а потом опомнился, поджёг траву и бежать. Такая вот история была...

Немного погодя купил домик в Широково Виктор Алексеевич. Каждый год ездил весновать, ни одного сезона не пропустил. Бывало, по два мешка уток приносил да осетров штук до пяти. А к пенсионному возрасту охладел к охоте. Показалось диким это занятие. Душа стала принимать землю, как человека, и выразилось это... в стихах:

118

*Наш шар — земля — живое тело:
Дыханье, пульс и ритм в ней есть.
И кровь течёт, есть атмосфера.
Ум, разум, сердце тоже есть.

Её плоть — горы, лес, вулканы,
Озёра, реки и моря,
Дожди, цвет яблонь и туманы,
И пенье птиц, и писк зверья.
Как же это уничтожать?
— подумалось бывалому охотнику.
Я словно в природу врастаяю.
Я каждому дереву брат.
Я сердцем её понимаю.
Я птичьему пению рад.*

В последнее время всё чаще стала появляться у него тревога за природу. Особенно после того, как по

КОНДАКОКИ

лесу пройдёшься по следам «освоения»: железо, карьеры. Первозданных мест совсем уж не осталось. И хочет-
ся сказать всем старожилу:

*Берегите, любите природу:
Лес, озёра, речушки, луга.
Ежедневно, в любую погоду,
В жаркий день, когда дождь и пурга.
А любовь всё с лихвой окупит.
Спелой ягодой вас угостит.
В жар под тенью кустов приголубит.
В дождь под кроной лесов приютит.*

Болит душа старожила за деревеньки родные, ме-
ста детства и юности. За Широково неспокойно. В по-
следнее время говорить стали, что вымирает деревня.
«Да как же так, — думает, — ведь мы в ней живём, хоть
и свет отключили, всё равно живём! Как же без родных
мест-то?». И читает собравшимся старикам свои вирши
— просьбу от имени живущих:

*Есть деревня такая Широково.
Что стоит на крутом берегу
В блеске красных огней на снегу.
А в деревне чуть светят коптилки.
Нету света — сплошной полумрак.
Старики чешут в гневе затылки
За представленный им бардак...
Здесь погост наших предков, родителей.
Память, кто не вернулся с войны.
От детей, старииков и всех жителей
Просим вас, чтоб светились огни.*

Летние гостевания

Поезда в Широково удалась. Несмотря на морозящий дождь, мы всё же добрались до этого старейшего поселения Сургутского района. Река бурлила внутри, качалась, но всё же позволила нам преодолеть тридцатикилометровый путь восточнее Сургута. Она готовилась к новому сезону. На дворе стоял Ильин день.

Отправились в путешествие по приглашению Виктора Алексеевича Кондакова, героя нашей предыдущей публикации. Он так душевно рассказывал о Широково, что захотелось непременно там побывать. Пробравшись сквозь дождь по реке и пристав лодочкой к берегу, поднялись по высокому склону и направились к Кондаковым. Непогода держала хозяев дома, и наше появление было для них, мягко скажем, неожиданным. В такую погоду хозяин собаку на двор не выгонит, а уж по реке добираться тем более не станет! Однако гости прибыли. И как раз вовремя! В сковороде на печи « журчали » грибы, на столе стоял фирменный « широковский » салат — зелёный лук с майонезом. После нелёгкой дороги нас не пришлось долго уговаривать, и все деликатесы просто истаяли вслед за горячей домашней картошкой. Слышался нарастающий шум дождя, в печи потрескивали поленья. Хозяева делились новостями: про огород, и грибы, про ягоды и рыбалку, про соседей и гостей острова. Несспешно шёл рассказ, и мы оттаивали всё больше и больше от... своей городской жизни.

Прошло время. Начало темнеть. Решили немного прогуляться — поздороваться с кедрами. Высокие деревья, соприкасаясь друг с другом, стояли стеной вдоль

КОНДАКОВЫ

берега. В их пушистых ветвях гулко шумел ветер, отчего создавалось ощущение покоя и тишины.

— Это сейчас тихо, а в выходные много гостей на остров приезжает покупаться, отдохнуть, — заговорил Виктор Алексеевич. — Да и хозяева других домов на-ведываются. Наши внуки, дети стараются не упустить возможность попасть сюда. В окрестностях Широкова немало красивых мест, куда приплывают отдохнуть це-лыми компаниями. Сегодня тихо.

Уже стемнело совсем, и мы пошли обратно домой. Захотелось после дождичка пройтись босиком. Благо, вся тропа заросла травой-муравой, что даже если и найдётся чудом попавшее под ноги стекло, то не поранишься, настолько густо растёт травушка. А в Широко-во стекла-то и не сыщешь. Где-нибудь видна полоса из-под колёс, и та поросла зеленью. Деревня...

Вокруг дома Кондаковых зелени, как и на всём острове, — немеряно. Тут и цветы, и ягода-малина, и черёмуха подросла, и смородина. Крупные, сочные ягоды держали под наклоном ветви. Настала пора снимать урожай, а тут дождь. Теперь погожий денёк нужен, чтобы собрать это богатство.

Перед сном напоили чаем со свежей малиной, и мы буквально свалились с ног. Тотчас же поднялся комари-ный гул, но это уже не имело никакого значения — мы провалились в сон. Наутро, как ни странно, не оказалась ни одного укуса. Знать, приняли за своих!

Следующий день одарил нас солнышком! Как раз для прогулки по всему острову. Она заняла часа пол-тора — так невелик островок. Начали путь вдоль высо-кого берега. По леву сторону — высокий кедрач, а по правую — постройки.

«Здесь живут братья Поповы. Когда-то фермер вы-корчевал лес и распахал землю. Думал картошку выра-

КОНДАКОВЫ

щивать. Что-то ничего не вышло у него с работниками. Потом и дело заглохло, когда свет отключили, — рассказывает Виктор Алексеевич. И мы видим кое-где поросшее молодыми сосенками поле. Рядом недостроенное небольшое овощехранилище. — Там вдали на пригорке кладбище, — продолжает свой рассказ житель Широкова. Как и в любой другой деревне, погост на высоком месте. «Здесь упокоился Широков Юрий», — читаем мы. И ещё рядом несколько могилок, где нашли покой широковцы разных поколений. С этого самого высокого места на острове просматриваются дальние дали, ширь матушки Оби...

Двигаемся дальше. Вот опустились чуть ниже и попали в густой кедровник. Здесь островитяне собирают шишки. Вдруг одна из них упала чуть ли не в подол, и Виктор Алексеевич сокрушался: «Не будет нынче орехов!» А нам и этот «гостинец» от белки кстати. Как же смолой шишка пахнет! Словно Новый год! Положив очередную в пакет, отправились дальше.

Перед нами поросль тальника и тополя, ветви которых качались над набегавшей слабой волной. Слышны были всплески волн, ветерок донёс вдруг голос кукушки, пробежавшая рябь всколыхнула траву под водой, и она подалась по течению шёлковым гребнем. «Сейчас волки прибегут!» — пошутил Виктор Алексеевич для того, чтобы мы «вышли» из раздумий и пошли дальше. Начиналось грибное место, оно как раз выводило на край острова с южной стороны. Ох, сколько здесь оказалось комаров! Поначалу сняли платки с головы и стали обмахиваться. Да куда там! Лучше натянуть на лицо платок да раскинуть по плечам, всё больше защита будет. Наверное, не зря женщины ханты и манси прячут своё лицо в платок! Суeta не помешала разглядеть в траве княженику — редкую ягоду с тонким ароматом.

КОНДАКОВЫ

Совсем немного её здесь, но лес одарил нас ею. Здесь же набрали «русских» грибов. Впервые услышали это название, да и не видели раньше таких грибов. Белые, крепкие да при жарке вкусные!

Стали двигаться дальше и повстречали коров, которые вальяжно по-хозяйски расхаживали по острову. Когда-то в Широкова было их целое стадо, а теперь бурёнок держат жители островка. Пропитаться им здесь есть чем.

Дошли до середины южного берега. Показалась крепкая постройка ещё одного несостоявшегося фермера. Как свет на острове отключили, так ему и пришлось всё хозяйство оставить. Сторожа только держит на дворе. Чуть поодаль показалась релейная станция, и мы направились к ней. Рядышком небольшое болотце. Заходить в него мы не стали, а Виктор Алексеевич сообщил, что в сезон они с женой ведёрка полтора морошки собрали. Не спеша прошлись по маленькому мостику через затончик и опять оказались на высоком берегу. Вот и тропа, по которой вчера поднимались, когда прибыли на остров. Сейчас тоже прошли по ней и направились вдоль единственной улицы. Дома на ней в основном заброшенные, но ничейными их назвать нельзя. Хозяева живут в городе, но в выходные дни приезжают сюда: обходить огород и порыбачить. А вот неожиданно чистый и опрятный маленький домик. Ну, прям, как сказочный теремок! Так и хочется спросить: «Кто-кто в теремочке живёт?» «Это дом внука Проводникова», — сообщил наш провожатый прежде, чем мы задали вслух этот вопрос. На оконцах белые шторочки, буйная поросль цветов в небольшом палисаднике. Залюбуешься! Но нам уже надо спешить — ждут к обеду. Отведав печных блинов и обработав грибы, отправились в гости к Проводниковым, с которыми познакомились накануне.

Вечерком у нас было время только поздороваться да познакомиться с ними. А сегодня уже шли на встречу приглашёнными. Это ещё один старожил острова. Василий Георгиевич Проводников всю жизнь проработал на реке с бакенщиками, а жена его, Елизавета Константиновна, работала в колхозной бухгалтерии. Сейчас живут здесь только в летнее время. Несмотря на преклонный возраст, Василий Георгиевич и Елизавета Константиновна садят огород, следят за двором и домом. Василий Георгиевич рыбачит. В Широковой нет электричества, но, когда зашли в дом Проводниковых, увидели, что они смотрели телевизор. Хозяин нашёл способ, как получить энергию, чтобы узнавать последние новости страны. Завидев нас, выключил голубой экран и стал интересоваться, кто такие да откуда. Нинель Тихоновна, привёдшая к ним, пояснила, что где гости приехали из Сургута посмотреть, как протекает летняя широковская жизнь. «Да чего глядеть-то? — ответствовал хозяин, — живём, как всегда. Только людей в деревне мало стало. Хорошая деревня была. Жалко деревню. Переселенцев-то здесь не было. Всего семей двадцать нас здесь жило раньше. Тихо, спокойно жили. В один год даже хлеб сеяли. Колхоз своё стадо держал — молоком баловались. А теперь-то что...»

В доме было тихо и тепло, лишь изредка любимица, дворовая собачка Тайга, шумела дверью, бегая со двора в дом и обратно. С улицы умудрялась открывать дверь лапой, а из дома выходила своеобразно — из дальнего угла дома с разбегу прыгала на дверь, та и открывалась. Хозяйничала, в общем, пока мы беседовали. Беседа шла неспешно и чуть позже продолжилась во дворе, а затем и на берегу. Дом Проводниковых стоит на самой высокой точке, а потому виден издалека. Всяк заметит его.

КОНДАКОВЫ

Мы стояли с Василием Георгиевичем на самом краешке широковской земли и размышляли о жизни. Непростой получился разговор. С одной стороны, он никак не вязался с лёгкой летней погодой, а с другой, был как раз очень кстати.

— Кто матушку Россию подымать будет, когда мы вымрем? — вопрошал 82-летний Василий Георгиевич.
— Кому она достанется? Внуков сейчас всё больше компьютеры занимают да вино. Да ещё вон кака холера привязалась к ним — наркомания. Помирать беспокойно — некому оставить землю-матушку. Путин старается маленько хоть сделать, да тяжело ему. Ишь, девка, быстро-то ничего делать нельзя, — продолжал поживший и повидавший немало Василий Георгиевич. — Посуетишься — время упустишь, а его и так не хватает. И во дворе надо кое-что подправить, и в доме, чтоб детям да внукам больше в целости да сохранности досталось. Сами-то не умеют крепко мастерить. А ты пиши, пиши, — обратился он ко мне. — Может, прочитают твою заметку молодые — то да одумаются, за землю возьмутся. Погляди вокруг, красота-то какая. И он провёл перед собой рукой.

125

Дунул ветер, который принёс запах зелени и влаги с больших заливных лугов, зашумели кудрявые берёзы. Солнечные блики перебирали волну, вдали грядой стоял густой сосновый лес. Прожужжала моторка вдалеке.

Казалось, роднее и краше места действительно нет. Хотя таких деревень по матушке России разбросано немало. Живущие в них старики берегут землю и ждут, когда люд набалуется и вернётся к ней. И она ждёт.

О многом ещё говорил Василий Георгиевич. Забота о земле без прикрас шла от слов и действий человека, знающего ей цену. Без роптанья на тяжкую судьбу,

КОНДАКОВЫ

а именно таковой она и была, коренной житель земли заботился о будущем своих детей, внуков, вообще всех людей. Удивляла простота переживаний о Земле. Мы говорили долго. Василий Георгиевич рассказывал о себе, о прежней жизни, устоях, обычаях. Много интересного поведал он. Непременно расскажем о нём в следующий раз, а пока настало время прощаться.

Расставшись уже почти по-родственному с Проводниковым, поспешили собираться в обратный путь. В душе же было созревшее желание приехать сюда ещё раз. Уже были готовы сумки с гостинцами: орехами, грибами, рыбой, ягодами. Нинель Тихоновна, хозяйка гостеприимного дома, срезала нам букет цветов. Осталось испить чаю да посидеть на дорожку. Что и сделали. На крылечке дома погрелись немного под солнышком и направились к поджидавшей лодке.

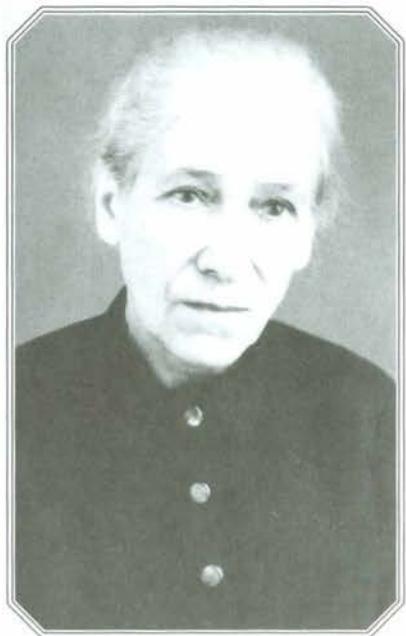
Лодчонка на сей раз бежала легко и непринуждённо. И на сердце было так же. Словно груз больших проблем слетел с плеч в Широково, а впереди ждал новый отрезок пути.

Долго ещё видна была на берегу фигура Виктора Алексеевича, который, провожая нас, всё повторял: «Приезжайте в следующий раз на недельку. Сутки, что за гостевание!»

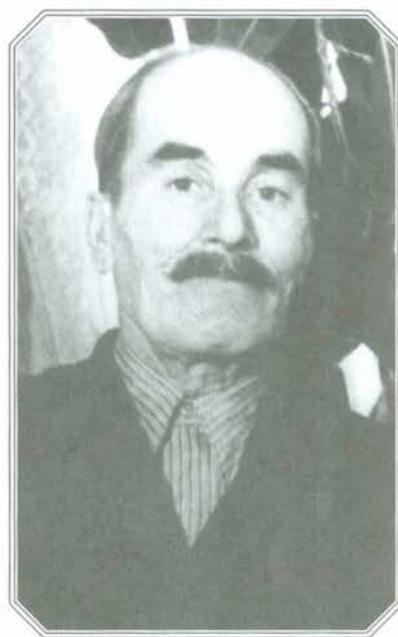
Вот так Широково дало нам радость и покой. Сегодняшний день его сильно отличается от прошлых времён. Но как тогда была жива деревенька, так и сейчас. Хоть люди в ней другие, а традиции гостеприимства не утеряны.

Прощай и до свиданья, Широково!

Судьбы

Ольга Андреевна Кондакова.
1960-е гг.

Алексей Яковлевич Кондаков.
1960-е гг.

Кондаковы у дома в Широково. 2002 г.

КОНДАКОВЫ

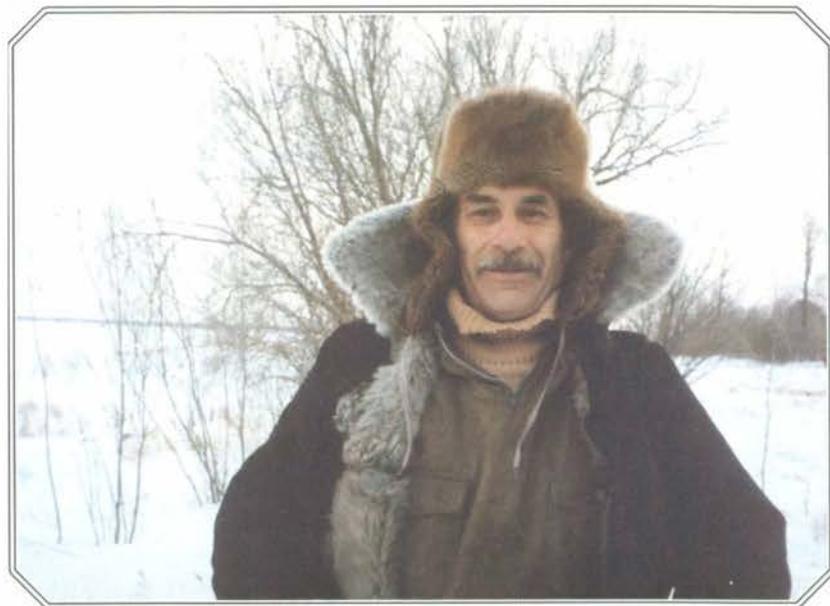
128

Виктор Кондаков с женой Нэлей. 1957 г.

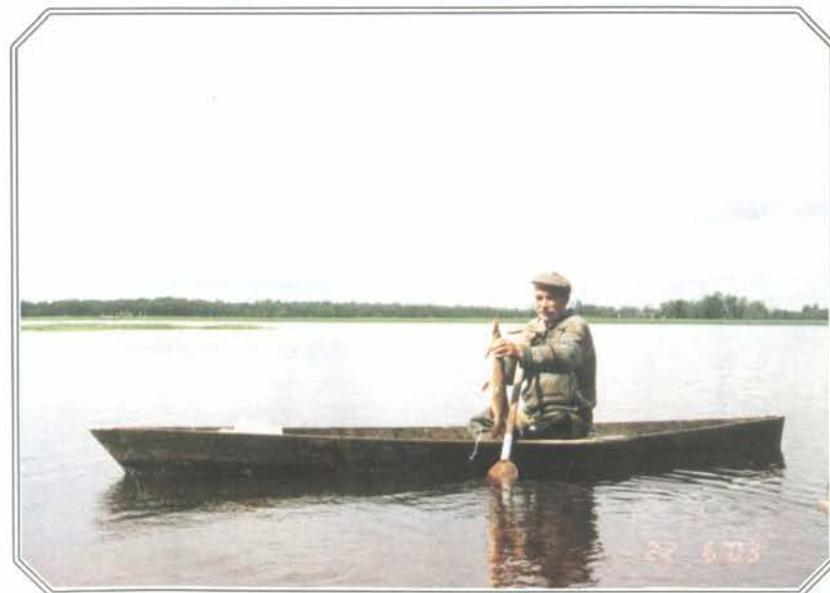
Семья Кондаковых. 1940 г. Виктор (сидит слева).

КОНДАКОВЫ

Виктор Алексеевич Кондаков. 1995 г.

129

В.А. Кондаков на рыбалке близ Широково. 2003 г.

КОНДАКОВЫ

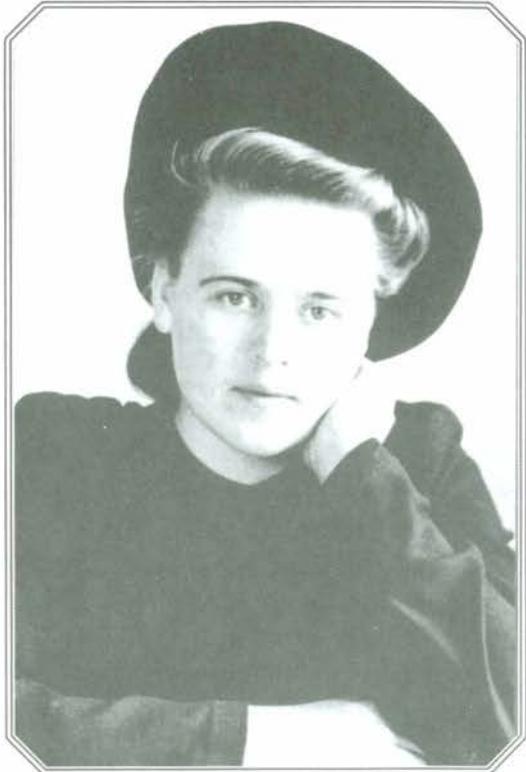
130

Широковское лесное диво.

В.А. и Н.Т. Кондаковы в Широково. 2003 г.

КОНДАКОВЫ

Нинель
Кушникова.
1952 г.

Нинель
Тихоновна
Кондакова
с дочерьми:
Леной,
Ритой,
Ольгой
(слева
направо)
1965 г.

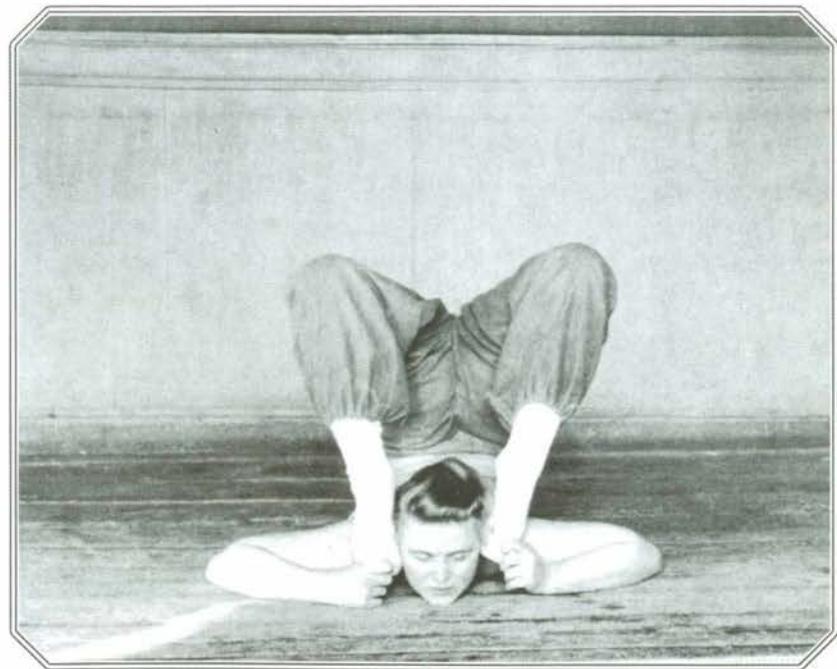

Н.Т. Кондакова с дочерьми:
Ольгой, Маргаритой, Еленой (слева направо).
2003 г.

Евдокия Георгиевна Бесперстова (крайняя слева)
во дворе у дома.

КОНДАКОВЫ

Нинель Кондакова. 1950-е г.г.

Обстановочный старшина

134

Коренной сургутянин Василий Георгиевич Проводников всю жизнь прослужил обстановочным старшиной в Тобольском техническом участке речных путей Управления Иртышского бассейна. Вначале работал по найму, а 1 октября 1941 года сделали запись в трудовой. Работа сложная и ответственная — за бакенами на реке следить. В простонародье называют людей этой профессии — бакенщики, но это не совсем отвечает действительности. Старшина организовывает работу людей на реке: гребцов и бакенщиков. Пришёл к такой профессии Проводников не сразу, но съзмальства был неразлучен с водой. Купания, рыбалка с удочкой, а затем и сетями, приучили к воде, дали понятие реки-кормилицы. Как и все здешние жители, рыбачил и летом, и зимой. А потому чувствовал реку как родную.

— Эх, река!.. едешь в лодке по ней, — делится воспоминаниями старшина, — приостановишься, вёсла подымешь — и вот она, природа, рядом. Никакого звука лишнего нет, только голос птицы, плеск воды, шорох ветвей. И как будто дышишь вместе с нею. Ещё плеск весла и тишина... Если б ранешнюю жизнь, я бы так пожил ещё.

— Да ты что, дед?! — вступает в разговор внук Гоша. — Сейчас моторы-то какие! Раз — и ты в Сургуте, два — и ты в Широковом. А на гребях ты только до Сургута почти день шёл!

Аргумент веский прозвучал, согласиться бы, да воспоминания о прошлом берут верх.

ПРОВОДНИКОВЫ

— Нет, раньше лучше было, — говорит Василий Георгиевич, — интереснее и спокойнее. Народа на реке много не было, а сейчас шумно, природы не видать. Раньше чтобы из Сургута в Широково ездили сети ставить? Да где ж это видано?! И по Сургуту можно было спокойно посреди ночи пройти — не боязно, а сейчас я один не пойду, вздыхает сургутянин. — Сейчас бы так и подался на родные просторы в Широково! Собрался, и поминай, как звали! Вот Белка даже, собака моя, тоскует по деревне, — рассказывает Василий Георгиевич. — Однажды зимой убежала с прогулки. Обыскались мы её в Сургуте. А в выходные поехали сети проверить, а она нам навстречу бежит, по-хозяйски встречает. Пробежала сама такую даль и дождалась нас. Ну, Белка! — треплет по загривку собаку Проводников. — А меня нынче держит Сургут делами жителейскими, — продолжает он, — а душа болит, что никак не выеду на реку.

Но Василий Георгиевич без дела не сидит. Большая комната крупнопанельного дома, где мы находимся, буквально перекрыта сетями. С ними работает давно, наверное, сколько себя помнит. «Садить» сети кропотливое дело, не у всякого теперь на это время найдётся. Вот и выручает сургутских рыбаков Проводников. Умение и навык отработаны до автоматизма, потому и дело быстро идёт. Хорошо, что рыбы в реке ещё немало.

Родился Василий Георгиевич в Широково как раз в горячие дни крестьянского восстания — 9 мая 1921 года. Понаслышке знает, что прятались родители по подвалам от жарких событий, и где-то в одном из них мать его и родила. Василий Георгиевич плохопомнит её, так как через четыре года матушки не стало. Отец сам растил детей, кроме Василия, было ещё две дочери и два сына. Туговато, конечно, было, приходилось хозяйствовать по дому всем на равных. Днём в школе знания получал, а

ПРОВОДНИКОВЫ

после проходил хозяйственную науку: с отцом рыбачил и на охоту ходил. Три класса в широковской школе пролетели быстро, а на четвёртый стали возить в соседнее Банное. Жил и столовался у дяди Пети Банного (Силина).

— Он у отца меня всё время выпрашивал, — говорит Проводников, — хотел к себе забрать, коли матери нет. А я дома за скотом ходил, как же меня отдать? — Так и остался Василий в своей семье. Часто оставались дети одни — отцу надо было рыбачить, а им следить за хозяйством, потому рано и повзрослели.

Шли годы, и Василий постепенно стал втягиваться во «взрослую» работу. С пятнадцать лет подрядился возить почту и пассажиров «верёвочкой» (на перекладных) от Широкова до Сургута и обратно, да иногда в соседний Галец. Уже тогда он знал, что жизнь прожить — не поле перейти, и ему могли доверить такую ответственную работу.

Зимой надо хорошо одеваться. Особенно в пути. Ведь до Сургута почти три часа на лошади ехать. Поэтому всегда наготове тёплая одежонка была: меховые сапоги «топоры», рукавицы «мохнашки», а на тело «кумыш» — просторная верхняя одежда. Впоследствии научился шить всё это Василий Георгиевич сам.

— Почту «верёвочкой» возишь, как без такой одежды-то, особенно без мохнашек? Руки озносишь. В одевании из собачьих шкур любой мороз не страшен. Пассажирам же никакой казённой одёжки не полагалось, поэтому об «экипировке» в пути они заботились сами. Цена поездки им была рупь за километр. С попутчиками, конечно, веселее было в пути, особенно если в ночь выходили. Лет десять проработал на «верёвочке». Мороз не мороз — едешь. До Сургута доберусь, чайку у тётки попью и обратно. Уж накатался я тогда на лошадях! — подытоживает он.

ПРОВОДНИКОВЫ

С течением времени для паренька и летом работа нашлась — гребцом к бакенщикам пошёл. Приловчился к ней, и года через три назначили его обстановочным старшиной. А река его звала, хоть и трудно было (а ну-ка, обойди на гребях 100 километров участка!), он тянулся к ней. Хозяйство оставалось дома, а он на воле, на просторе. Вот хозяйство его теперь! Тоже, надо сказать, хлопотное и ответственное. С вечера нужно было зажечь большие деревянные бакены, а за одно заправить керосином. С рассветом же погасить. И упаси тебя не вовремя это сделать! Если сядет пароход на мель — засадят. Поэтому в строгости держали работников на тех участке и в основном подбирали непьющих.

— А я как раз такой и был, хотя спиться можно было всегда, — говорит Проводников. Да и рос я в такой среде, что пробовать вино не хотелось. А оно разве к добру? Вон и Гошка совсем не пьёт, — и дед указывает на рядом сидящего внука. — Так что на реке не пей, иначе не доплынёшь до места. А за бакенами, конечно, нелегко ходить. Приспособления были почти кустарные. Глубину измеряли пятиметровой «намёткой» — простой деревянной палкой, на которую белой и красной краской были нанесены метки. Очень трудно было по ней точную глубину установить. Бакены, также выкрашенные в белый и красный цвет, «подлавливали» верёвкой, сделанной вручную из прутьев деревьев. Это уже после войны пошли фабричные верёвки, цепи, а до этого обходились тем, что имели, — объясняет Василий Георгиевич.

В подчинении у него человек двадцать числилось. На каждом перевале по два бакенщика и гребцы. С этой командой Проводников по осени бакены на берег снимал, подыскивав для этого подходящее сухое место. А весной ставил, как только лёд сойдёт.

Совсем повзрослев, он оставался по-прежнему жить с отцом. Хозяйка в доме нужна была, да что-то не появлялась. Но вот всё тот же дядя Петя Силин сыскал наконец ему невесту в Банном. Но случилось так, что оженился Василий на другой. Вернувшись к себе из Банного, чтобы сообщить отцу о своих планах, он застал дома молодую интересную квартирантку — Елизавету, которая приехала для работы в бухгалтерии колхоза. Не прошло и двух недель, как они стали мужем и женой. Так хозяйка сама в доме и появилась. В согласии родилось шестеро детей: Алевтина, Маргарита, Людмила, Володя, Татьяна и Валентин. Их надо было кормить, подымать на ноги. Помня своё лихое детство, Василий Георгиевич старался не обижать их. Страшал только за проделки.

138

— Всё время они со мной были, — улыбается он.
 — Куда я, туда и дети. Володька со мной по обстановке постоянно ездил. Я шил им обувку, а жена одежонку. Постарались детям и образование дать.

У приветливых Проводниковых всегда гости были. Особенно в зиму по воскресеньям. Человек по тридцать гостевало, всем место находилось. В основном разговоры вели, новостями делились. Такие встречи больше походили на посиделки.

А самому Василию Георгиевичу некогда было в гости ходить. С работы поскорее домой спешил, ведь там ребятишки ждут. Да и по хозяйству надо управляться. Скотина своя тоже была. Пару коров держал, кур немногих, шесть овечек. Но особенно любил Серку — кобылу, которую за 120 рублей купил у председателя Верхнемысовой Семёнова. До этого лошади ещё в хозяйстве у него не было. На Серке же стал сено возить и дрова. Но вскоре пришлось продать её. На техучастке лошади появились, а зимой обстановочному старшине в обязанность было ухаживать за ними. Да и налог на

ПРОВОДНИКОВЫ

содержание поднялся до 500 рублей. Трудновато стало. Ведь всё один почти делал. Для своего хозяйства тонн десять сена заготавливал да ещё на техучасток тонн семь. Так что продал свою Серку, хотя кобыла была золото, жалко было и расставаться.

В Великую Отечественную остался служить на реке обстановочным старшиной. На фронт его не взяли — бронь была. Хотя в армию призывали, даже в Омск вывозили, но потом отправили обратно домой. Тогда Василий Григорьевич впервые выехал за пределы Сургута. В суровые годы по реке ещё с гребцами ходили. А сразу после окончания войны появились моторы. Однажды в сургутский магазин завезли их только три штуки. Восьмисот рублей стоили. Василий Георгиевич поспешил сделать покупку. Смешная история с ней вышла. Вместе с Иваном Силиным приладили новенький мотор на лодку и отправились по Сайме пробовать его силу. Не успели под мостом пройти, как свалился мотор в реку. От такой неожиданности друзья растерялись, но потом спохватились, достали мотор багром. Пришлось разобрать и сушить на берегу. Такой вот состоялся первый выход с механизмом!

В 1950-х годах перебрались Проводникovy в Сургут. Поставил Василий Георгиевич дом — большой и просторный. Как и у многих сургутян, со множеством окон и резными наличниками. Огород распахал, жена палисадник засадила. Стали дальше хозяйство вести. А обстановочному старшине по профсоюзной линии выделили путёвки. В трудовой книжке более пятнадцати записей с благодарностью за ударный труд. Дважды выезжал Василий Георгиевич на курорт. Один раз во Львове побывал, другой — в Риге. По тем временам путешествия для сургутянина далёкие. А позже в Железногорске отдыхал не раз вместе с женой.

139

ПРОВОДНИКОВЫ

Дружно жили в большом доме. Появилось время и в кино ходить. Василий Георгиевич с Елизаветой Константиновной, наверное, ни одного нового кинофильма не пропустили. Любили бывать сургутяне в кинотеатре «Октябрь». Василий Георгиевич записывал даже в отдельный блокнот названия картин, да где-то затерялся он сейчас. Настолько полюбилось кино, особенно песни их них.

— Вот недавно по радио слышал песню-то, сразу и не вспомню... Вот эту: «Когда весна придет, не знаю...» — напевает он. — Из кинофильма «Весна на Заречной улице». Я потом и по обстановке с этой песней ходил. Уж больно хороша! А фильмы теперь по телевизору смотрим. Каких там?.. Мыльны оперы каки-то. Но ничего, старикам можно посмотреть. Мне за сетями чего? Крутят, я и смотрю. Уж больно новости трудно слушать. Всё война да разруха, бандиты всякие. А я считаю так: если бы работа была, дело толковое у людей в руках, им некогда и войну было бы вести. Трудолюбивый человек не будет в нужде жить и всякой ерундой заниматься, — заключает он.

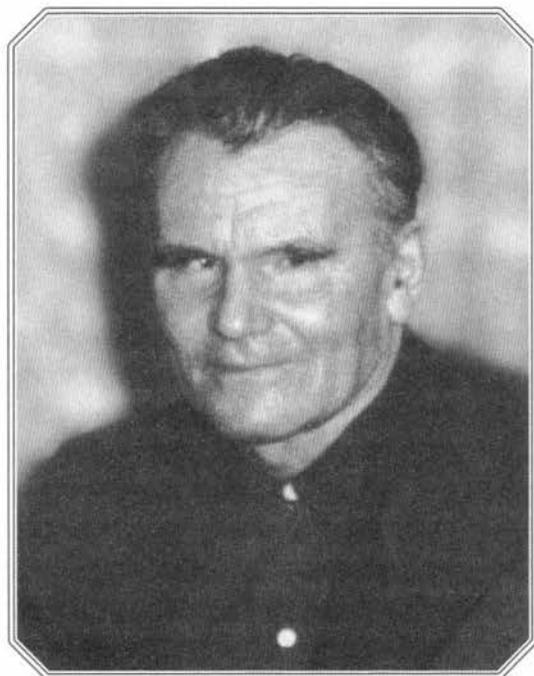
Крепкий дом Проводниковых, как и дома многих других сургутян, в конце концов снесли. Теперь на этом месте офис компании «Гелеум» стоит. Живут старики в девятиэтажке. Хорошо, этажом ниже внук живёт. Каждый вечер навещает. А в Широково и у него свой домик есть. Хоть и молод ещё внук, названный в честь прадеда Георгием, но уже сейчас говорит:

— До пенсии доживу и буду в деревне жить. Вон дядька мой, Владимир Васильевич, уже давно в Максино с семьёй живёт и ничего. Как положено живёт, огород у него, лошади. Рыбачит, на охоту ходит. И я буду так жить.

Нисколько не вызывают сомнения его слова. Так и будет, только дай срок. И род от роду неразлучны Проводникovy с рекой.

ПРОВОДНИКОВЫ

141-

Василий Георгиевич Проводников. 1970-е гг.

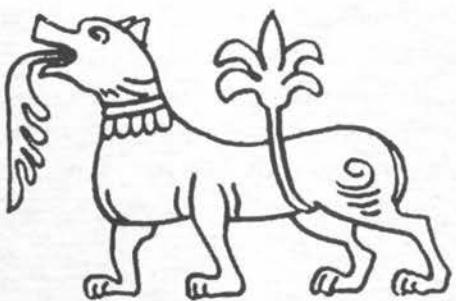
Сотрудник техучастка в «топорах» и «кумыше»
В.Г. Проводникова.

142
В.Г. Проводников (справа) на отдыхе в Железноводске.
1971 г.

Часть третья

Семейный альбом Сургута

«С

емейный альбом Сургута», как мы уже упоминали, это экспозиция, расположенная в историко-культурном центре «Старый Сургут» в Доме памяти согласия, где ведёт свою работу городское общество «Старожилы Сургута».

Здесь хранятся альбомы со старыми фотографиями, воспоминаниями коренных жителей города, фотографиями их семейных реликвий, картами генеалогических древ и другими материалами.

Первым был составлен альбом Силиных. Затем Кондаковых, Панкиных, Кушниковых... В экспозиции их может посмотреть любой, зашедший на огонёк.

Пройдёмся и мы по небольшому залу. Вот на стене большое генеалогическое древо Силиных. Здесь отражено 7 поколений. Иван Петрович Силин составил его с помощью детей и внуков. По древу видно, что с течением времени семья породнилась с Менщиковыми и Кайдаловыми. Такое часто происходило и с другими семьями коренных сургутян. По большому счёту в «старом» Сургуте почти все были родственниками. Некоторым девушкам, например, при выходе замуж не приходилось даже фамилию менять.

Рядом с деревом — фотографии. Некоторые из них принадлежат ещё одной семье — Силина Александра Ивановича. Он работал педагогом в сургутской школе. По его стопам пошла дочь. Вера Александровна Силина (Бессонова) много лет отдала педагогике, а сейчас работает в школе-музее им. А.С. Знаменского — известного сургутского педагога, у которого учился и её отец, и она сама. Вера Александровна хлопочет сейчас над созданием мемориальной комнаты А.С. Знаменского и класса, в котором уже есть старенькие парты, приборы, таблицы по физике и математике. Помогают ей в этом и другие ученики А.С. Знаменского.

В альбоме истории семьи, который составила Вера Александровна, есть такие слова академика Д.С. Лихачёва: « Если человек не любит хотя бы изредка смотреть на старые фотографии своих родителей, не ценит память о них, оставленную в саду, который они возделывали, в вещах, которые им принадлежали, — значит, он не любит их. Если человек не любит старые улицы, старые дома, пусть даже плохонькие, — значит, у него нет любви к своему городу. Если человек равнодушен к памятникам истории своей страны, он, как правило, равнодушен и к своей стране». Они очень точно отражают идею экспозиции.

Сургутяне помнят и чутят своих предков. Они передают по наследству не только предметы, ставшие семейными реликвиями, но и навыки ведения домашнего хозяйства, устоявшиеся традиции. И как заповеди звучат слова: «Бережно относись к природе. Она твоя корамилица; Трудись и не «балуйся» выпивкой; Воспитывай в строгости детей и почитай старших; Помогай ближним и выручай их в беде; Доверяй людям и не бери чужого; Не сквернословь и живи в чистоте; Будь гостеприимен и щедр душою».

Семейный альбом Сургута

А вот красивейшие румяные шанежки, жаль, что только на фотографии. Рецепт их приготовления записан со слов Евдокии Дмитриевны Костылевой (Силиной) и приведён в семейном альбоме. Читаем:

Картофельные (картонные) шанежки. Сначала готовим опару. Отвариваем две-три картофелины (желательно залить водой побольше, она нам пригодится), сливаем горячую воду. Картошку разминаем и добавляем в неё две-три ложки муки. Разводим это пюре горячим картофельным отваром до состояния жидкой сметаны, добавляем три столовых ложки сахара, перемешиваем и даём остить. Затем добавляем дрожжи (достаточно пакетика сухих дрожжей) и ждём, когда настоится и поднимется. А теперь начинаем готовить собственно тесто. Взять стакан приготовленной опары и стакан кефира (или молока), добавить муки и замешивать до мягкого состояния (почти жидкого). Накрыть и поставить подниматься. После того как первый раз поднимется, добавить две столовые ложки сахара и предварительно взбитые в пену два яйца, затем 0,5 чайной ложки соли и четыре столовые ложки растительного масла или растопленного маргарина. Добавить муки и вымешивать тесто так, чтобы к рукам не приставало. Дать подняться ещё раз, и можно выпекать ватрушки, шанежки, пироги. А оставшуюся опару можно поставить в холодное место и воспользоваться ею ещё пару раз. Приятного аппетита!

Такие шанежки приятно кушать с чаем, сидя за большим столом в крепком тёплом доме, кои могли ставить сургутские мужчины. А они здесь, как известно, были знатными хозяевами, рыбаками да охотниками. Трудно представить себе коренного сургутянина, не знающего премудрости ведения домашнего хозяйства, рыбаки да охоты. По сей день ведут они свои промыслы на,

можно сказать, теперь негласных, фамильных угодьях. Вот и подтверждение тому есть на фотографиях.

Потрудившись, сургутяне могли и отдохнуть на славу. Пригласить к себе гостей, а позже и в киноходить. Кинотеатр «Октябрь», например, долго был их любимым местом отдыха. Поход в кино — великое дело. А фильмы!... До сих пор песни из них в домашнем кругу поют. Кинотеатр располагался в районе нынешнего мемориала Славы, а вот как он выглядел в 1950-е гг., можно увидеть на копии фотографии, подаренной Виктором Ефимовичем Кондаковым.

Вообще сургутяне знают очень много песен. Они очень любят петь, особенно «Занавесочку», невесть кем привезённую в эта края. Здесь её считают своим гимном и поют всякий раз, как соберутся вместе.

На самом деле стихотворение, на которое положена музыка, называется «Затворница». Яков Полонский написал его ещё в 1846 году. Музыка неизвестного автора. Вот какие в ней слова:

«В одной знакомой улице
Я помню старый дом
С высокой, тёмной лестницей,
С завешенным окном.
Там огонёк, как звёздочка,
До полночи светил,
И ветер занавескою
Тихонько шевелил.
Никто не знал, какая там
Затворница жила,
Какая сила тайная
Меня туда влекла,
И что за чудо-девушка
В заветный час ночной

Семейный альбом Сургута

Меня встречала, бледная,
С распущенной косой.
Такие речи детские
Она твердила мне:
О жизни неизведанной,
О дальней стороне.
Как не по-детски пламенно,
Прильнув к устам моим,
Она дрожа шептала мне:
«Послушай, убежим!
Мы будем птицы вольные -
Забудем гордый свет...
Где нет людей прощающих,
Туда возврата нет...»
И тихо слёзы капали -
И поцелуй звучал -
И ветер занавескою
Тревожно колыхал.

Коренной сургутянин Василий Федулов, изучая песенную культуру Сургутского края, записал два варианта текста песни, исполняемые здесь. Наиболее любимый и распространённый вот этот:

«Я шёл знакомой улицей,
Я вспомнил старый дом
С высокой тё, эх, тёмной лестницей,
С завешенным окном.
Там огонёк, как звёздочка,
До полночи горит.
А ветер за, ах, занавесочку
Тихонько шевелит.
Никто не знал, какая там
Затворница жила.

Какая си, эх, сила тайная
Меня туда влекла.
Какие речи тайные
Она шептала мне:
О жизни неизведанной,
О дальней стороне.
Я шёл знакомой улицей,
Я вспомнил старый дом...

Грустная песня, да любимая. Протяжная, как долгие зимние вечера, но так берущая за душу...

Вообще, коренным сургутянам свойственна творческая жилка. Очень многие из них умеют делать наброски, в том числе портретные, карандашом. Вот и в экспозиции есть маленький чемоданчик, принадлежащий Клавдии Васильевичу Панкину. В нём кисти, краски, несколько комплектов с открытками репродукций картин известных русских художников. Рядом его картина «Красные яблоки». 149

Сургутянам не чуждо было и стихи сочинять. У многих они записаны в тетрадочках и ждут своего заветного часа. Они о любви к родной земле, к людям, природе... Стихи щедро наполнены воспоминаниями. Вот, например, как эти, Владислава Домашова:

РОДИНА

Я родился и вырос в Сургуте,
Где могучая Обь течёт.
В старой, низкой и дряхлой халупе,
Там, где кедр величаво растёт.

Там растут и берёза, рябина.
И акация в жёлтом цвету.
В красных гроздьях кустарник-калина.
И черёмуха, словно в снегу.

Семейный музей Сургута

Краснотал бирюзой весь покрылся.
Марьин корень, как розовый цвет.
Этот край мне во сне не приснился.
Как душа он со мною живёт.

Растёт и хорошеет Новый город.
И прежнего Сургута не узнать.
Он ладно скроен, хоть ещё и молод.
И чувствуется в нём особенная стать.

Богат Сургут, он сказочно богат.
Богат своим народом, своим делом.
А в недрах бережёт он чёрный клад,
Который для России будет светом.

Суров наш край, Сибирью он зовётся.
Морозы здесь трескучие стоят.
Но сгинет холод: лето к нам вернётся.
Природа вновь оденет свой наряд.

Широко, щедро, открыто жили здесь. В больших, просторных, крепких домах, не смотря на длительные холода, имевших большие красивые окна. В большой комнате, например, их было по пять или шесть. В центре комнаты обязательно стоял стол с белоснежной скатертью, а в углу этажерка, как и сейчас в экспозиции.

Приходите, Вас ждут!

Экспозиция
«Семейный альбом
Сургута». ИКЦ
«Старый Сургут».

151

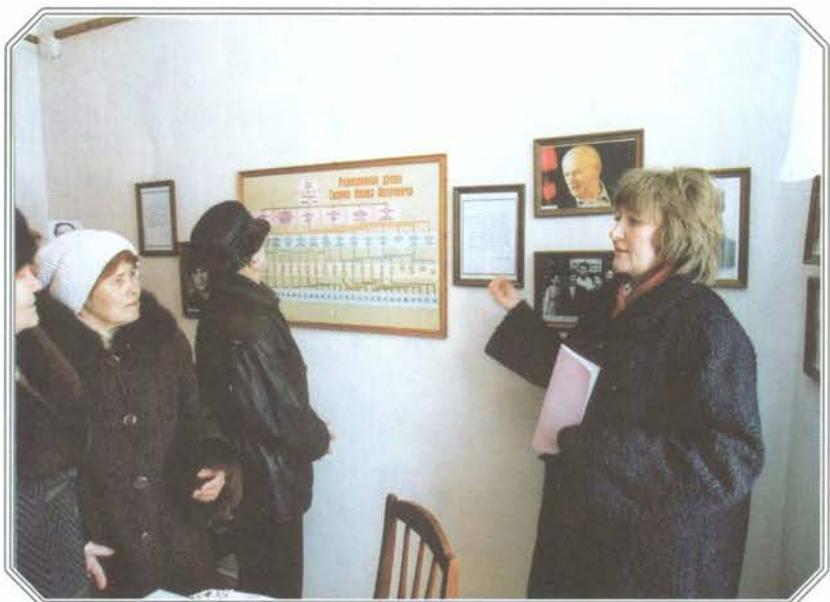
«Картофельные
(картонные)
шанежки.

Экспозиция

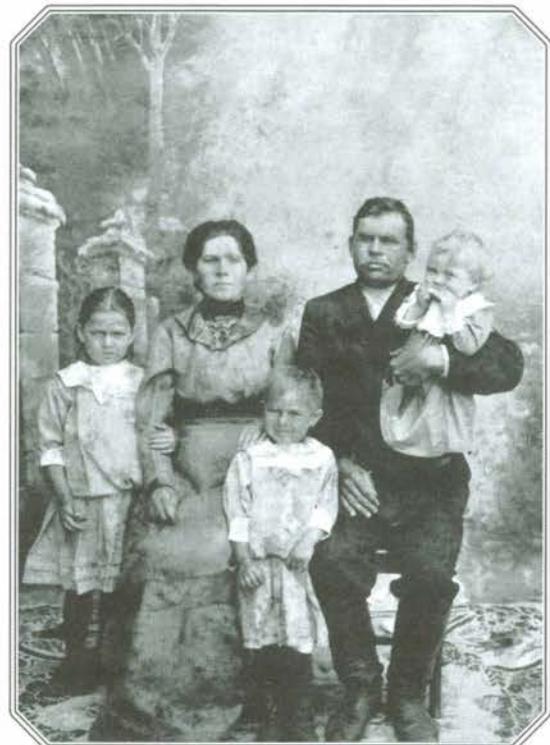

152

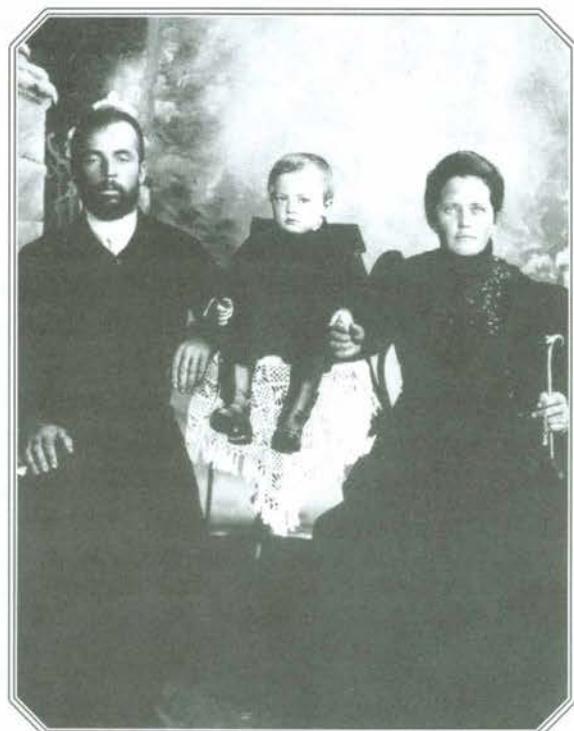
На открытии экспозиции
«Семейный альбом Сургута».
15 апреля 2004 г.

Экспозиция

Андрей
Евгеньевич и
Анна Ивановна
Проводникова
с детьми (слева
направо):
Марией,
Харитиной и
Василием. 1913 г.

153 —

Павла
Михайловна
Силина
с мужем
Прохором
Алексеевичем
Кунцевым.
Начало
XX века.

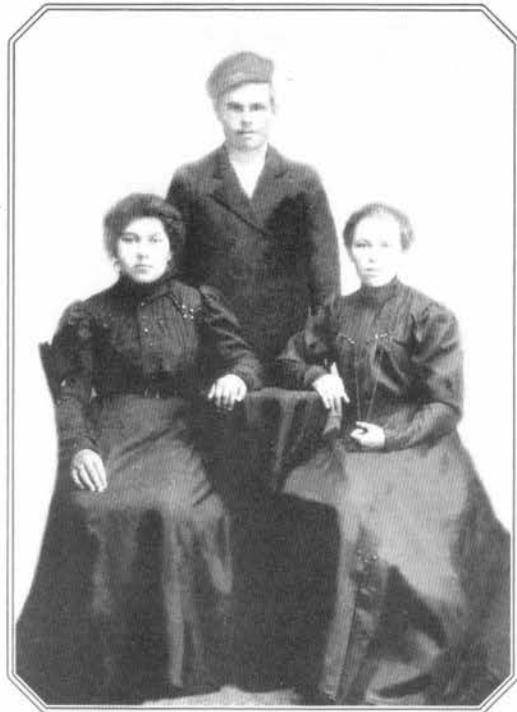
Дмитрий
и Василий
Панкины.
1920-е гг.

154

Дмитрий Панкин
с женой Сарой и с
детьми Сашей и
Анатолием.
1928-1930 гг.

Семейный альбом Сургута

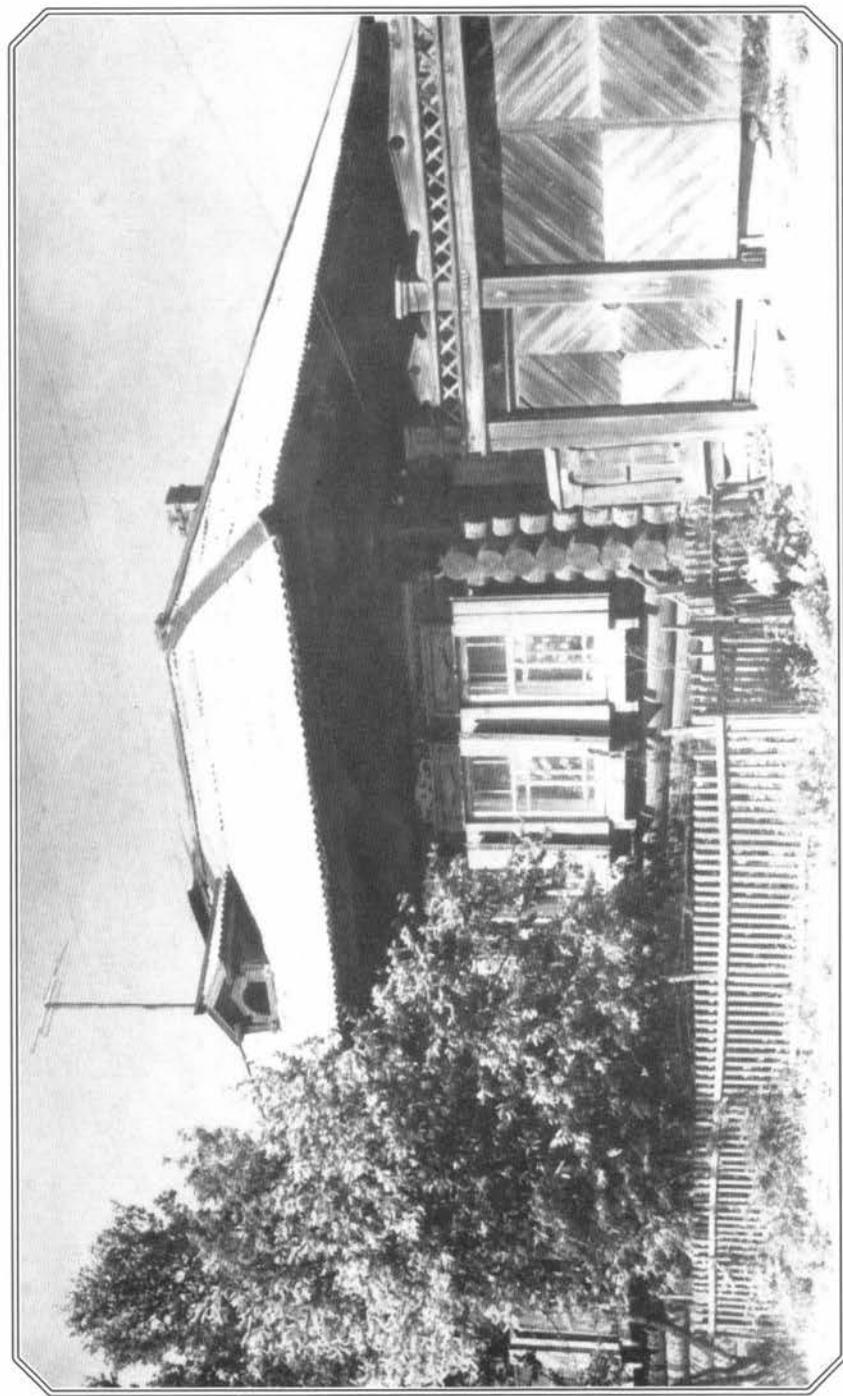

Андрей
Евгеньевич
Проводников с
женой Анной
Ивановной
(слева) и сестрой
Александвой
Евгеньевной.
1904 г.

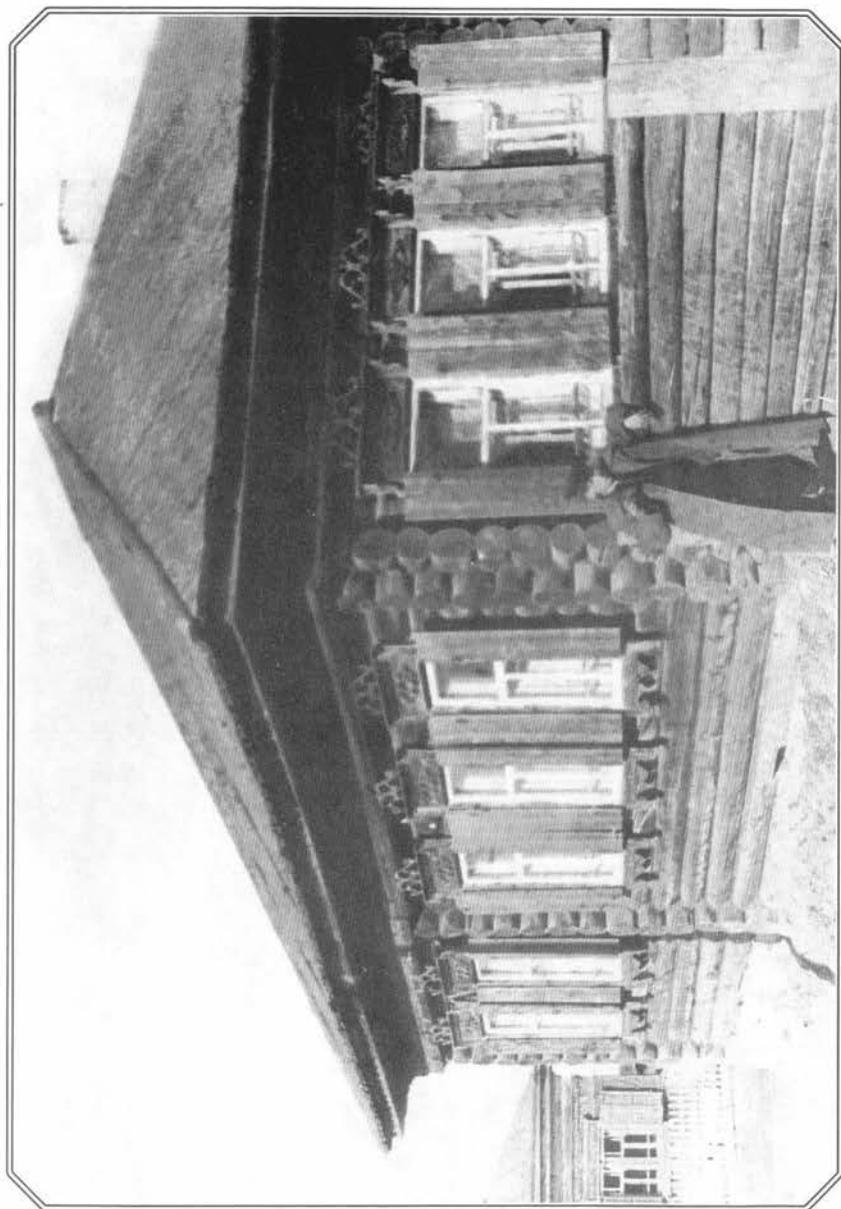
15!

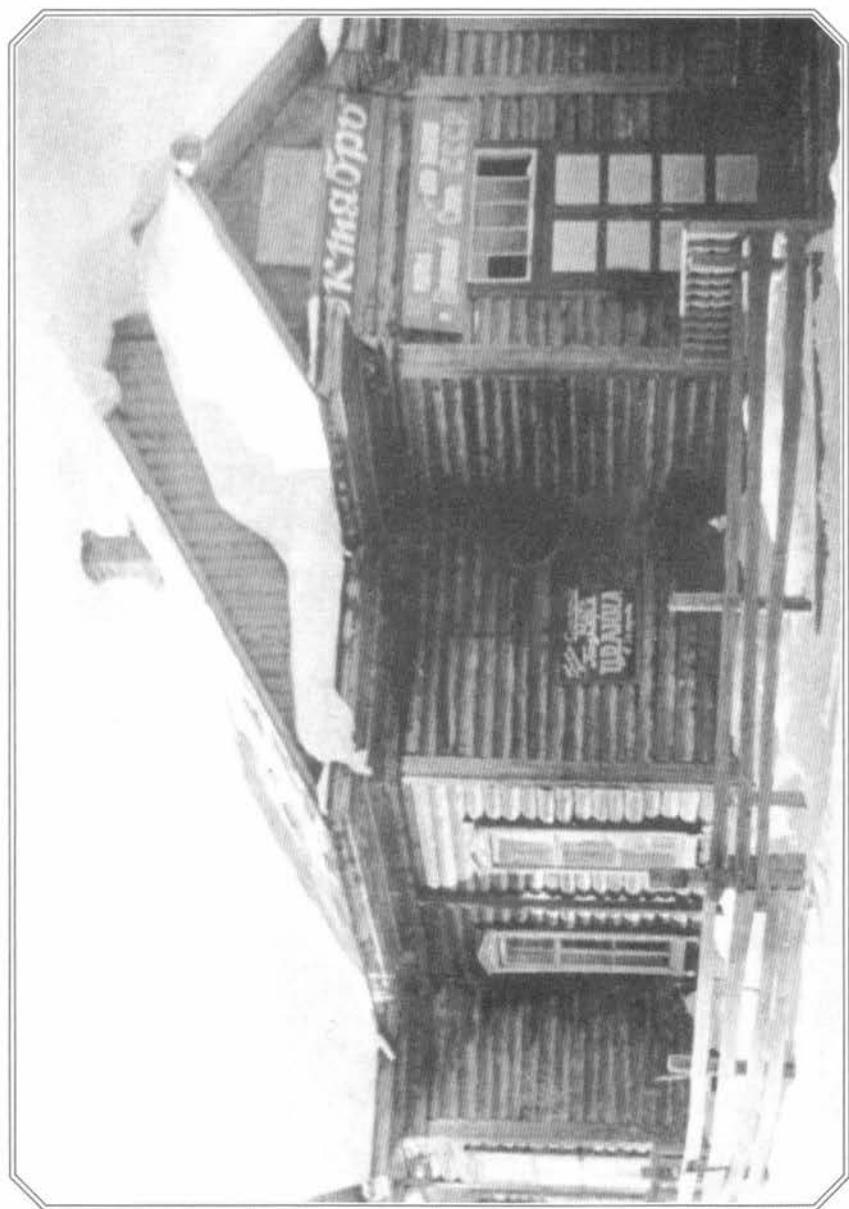
Сестры
Менщиковых
(слева направо):
Дарья, Павла,
Ираида, Анна и
Анисья.
1937 г.

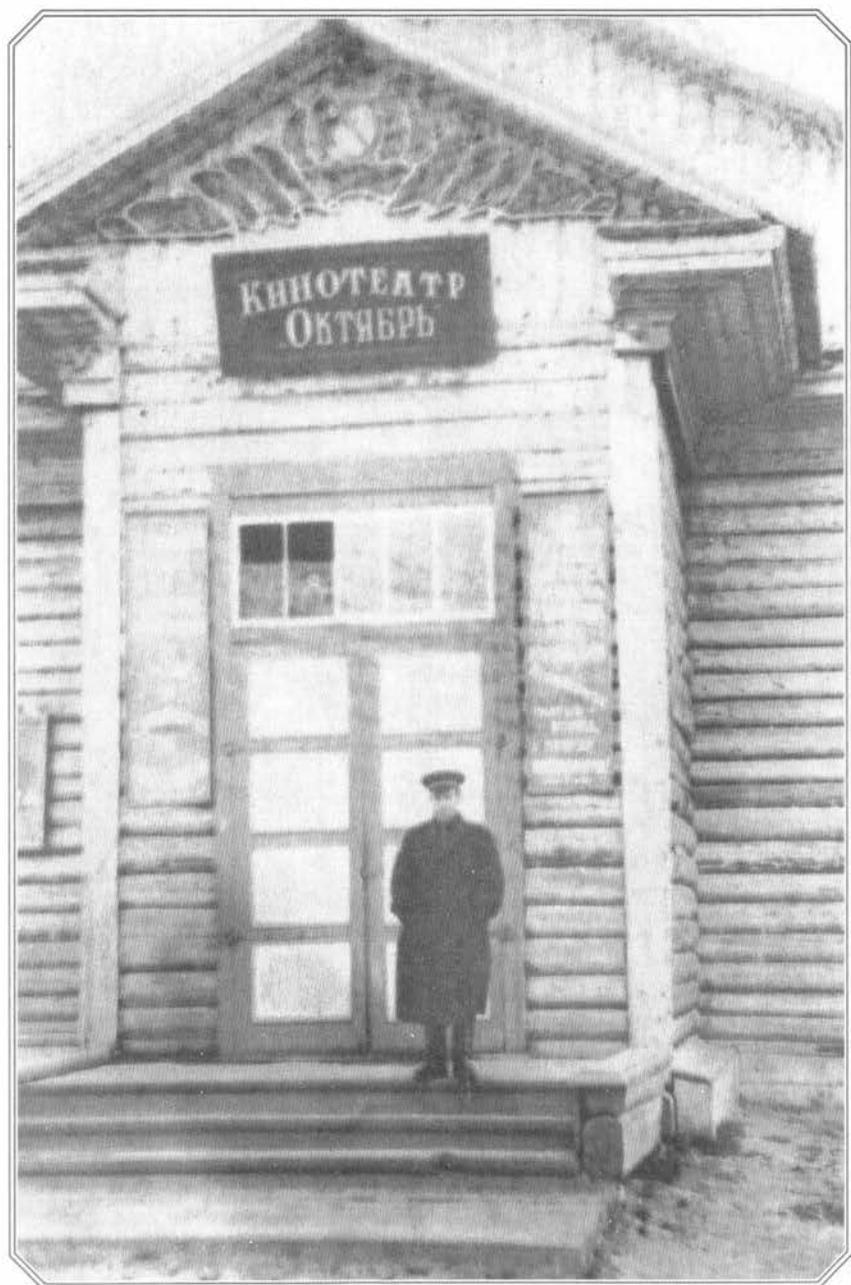
Дом Бориса
Андреевича
Проебодникова
по улице
Зырянова, 7.

Дом Кондаковых
по улице
Просвещения, 38.
1957 г.

Кинотеатр
«Октябрь».
1960-е гг.

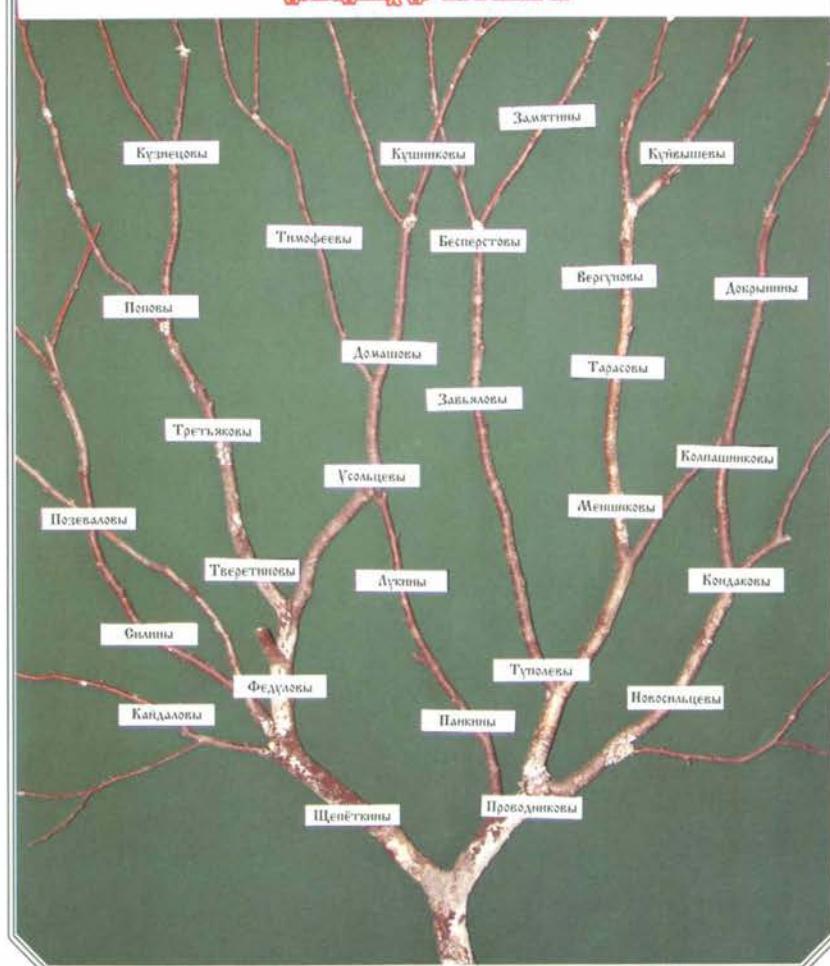
Кинотеатр «Октябрь». 1954 г.

Дом Василия Георгиевича Проводникова
по улице Ленина.

ДРЕВО СТАРИНЫХ СУРГУТСКИХ КАЗАЧЬИХ РОДОВ

дошедших до нач. XXI в.

Хранится в экспозиции «История сургутского казачества».
ИКЦ «Старый Сургут». 2004 г.

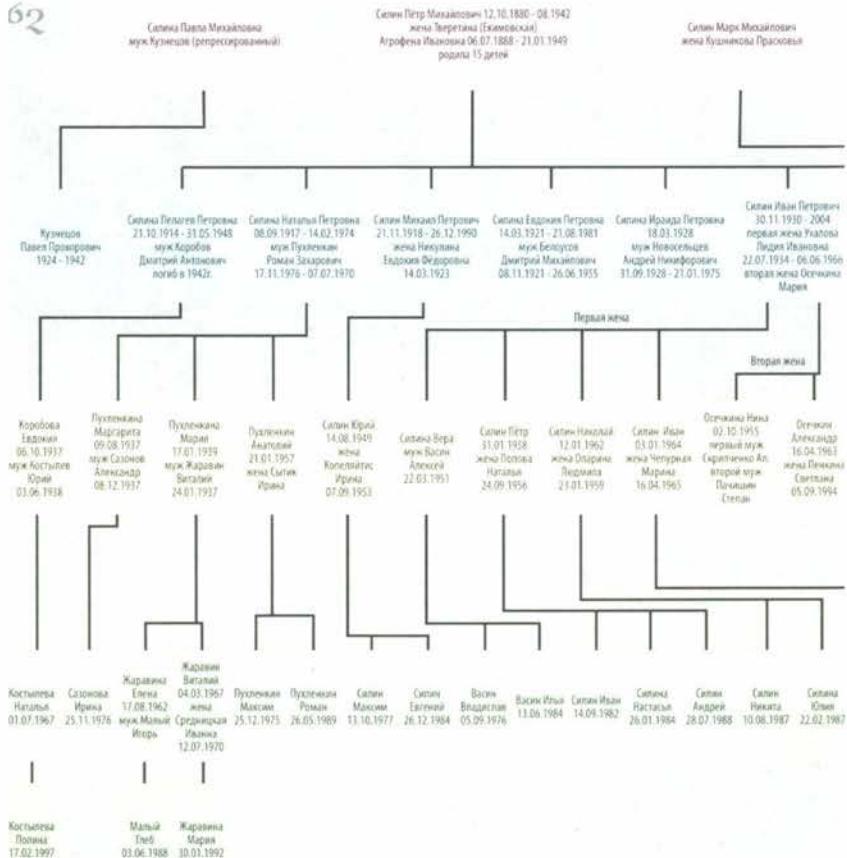
Семейный альбом Сургута

Родословное древо Силиных.
Хранится в экспозиции «Семейный альбом Сургута».
ИКЦ «Старый Сургут».
2004 г.

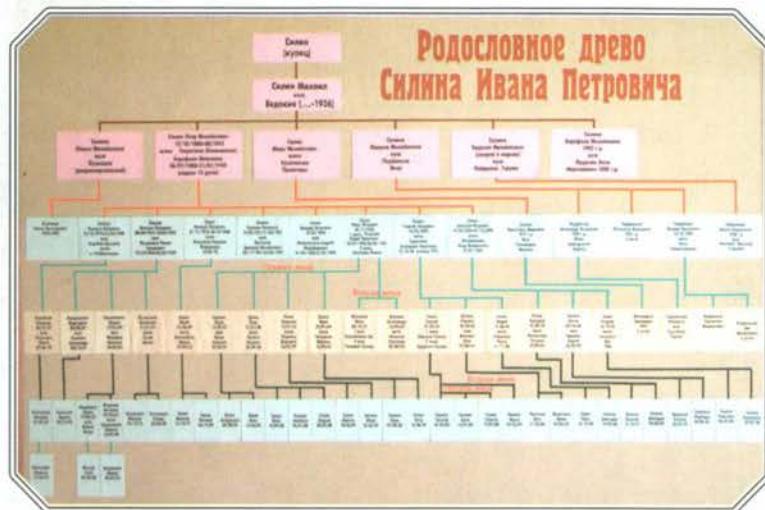
Силин (купец)

Силин Михаил
жена Евдокия (... - 1936)

62

Семейный альбом Сургута

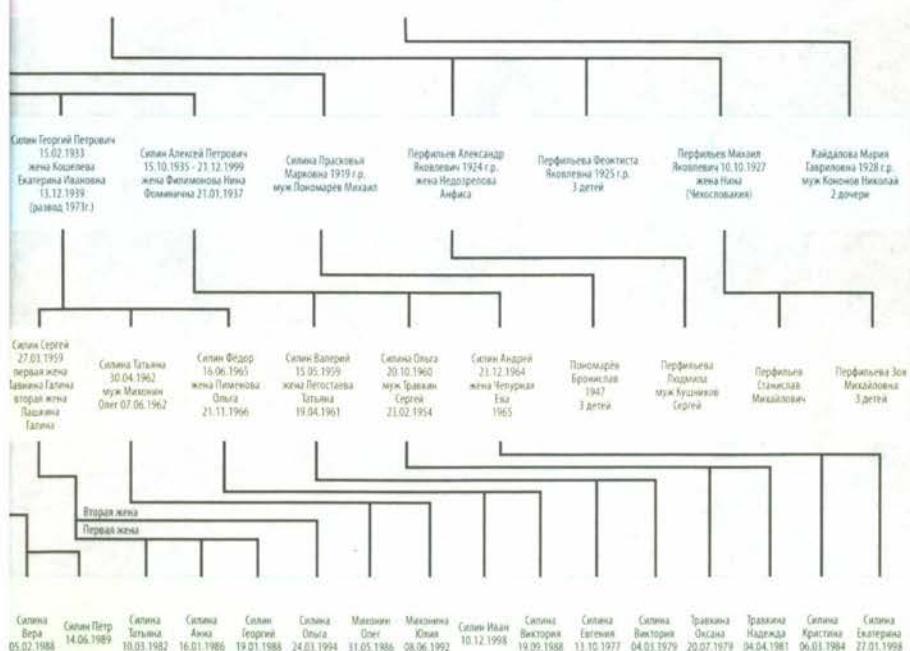

Селина Марина Михайловна
муж Перфильев Евгений

Селина Евдокия Михайловна
(умерла в первом)
муж Каидалов Гаврил

Селина Агафоновна Михайлова 1903 г.р.
муж Паршин Яков Максимович 1868 г.р.

163

Семейное древо

Кушниковых

Тихон Иванович 12.08.1804-29.08.1933 Евдокия Георгиевна 14.03.1806-18.09.1888

Нинель Тихоновна 10.05.1932

Нинель Тихоновна 1932 г.

Ольга

Наталья 06.02.1981 Евгений 30.09.1983

Кондаковых

Ольга Андреевна 3.10.1899-22.07.1964 Алексей Яковлевич 30.03.1899-1969

Виктор Алексеевич 16.02.1926

Виктор Алексеевич 1926 г.

1957 год

С семьей:
Ольгой (23.08.1956)
Еленой (23.09.1961)
Маргаритой (06.01.1967)
1971 год.

2003 год

Елена

Андрей 29.10.1988 Юлия 23.07.1982

Маргарита

Олеся 28.10.1985 Элеонора 10.03.1989

Родословное древо Кушниковых-Кондаковых.
Хранится в экспозиции «Семейный альбом Сургута».
ИКЦ «Старый Сургут». 2004 г.

Древо Кушниковых-Кондаковых

Семейные
реликвии Силиных
(хранятся
в семье):

медная ступка с пестиком;

кадушка,
изготовленная Петром
Михайловичем Силиным;

165

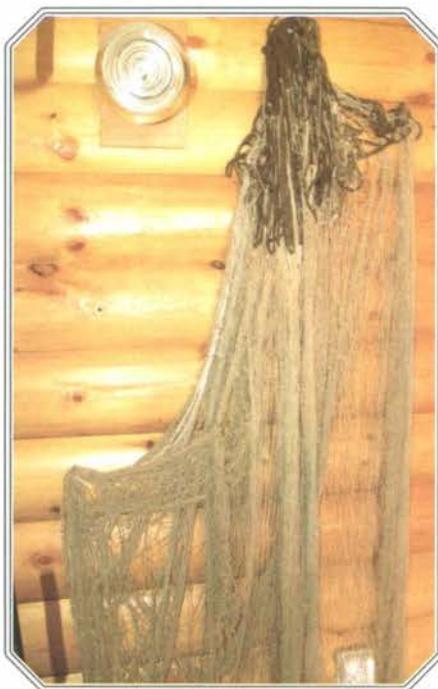
серебряная стопка,

корневатик.

Семейные реликвии

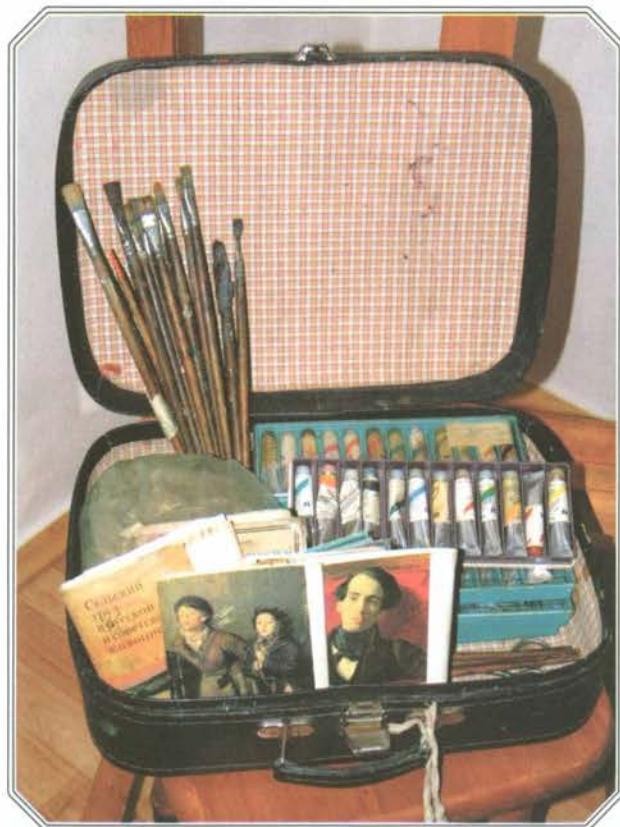
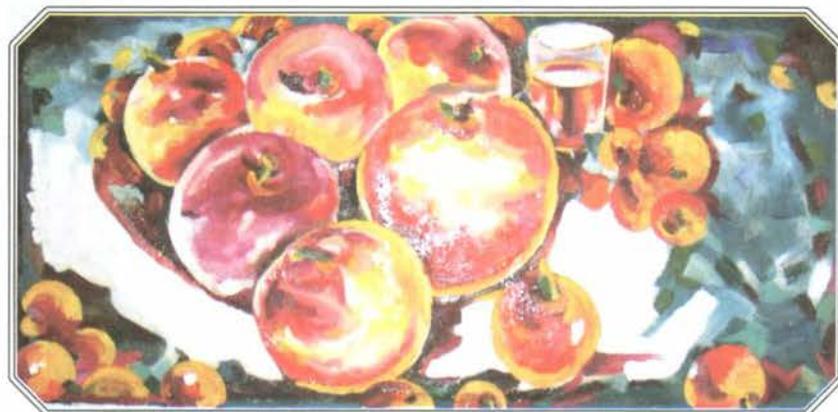
Семейный альбом Сургута

Кумыш и сети В.Г. Проводникова.
Хранятся в экспозиции «История сургутского казачества».
ИКЦ «Старый Сургут». 2004 г.

Патефон семьи
А. Куивашева.
Экспозиция
«Семейный альбом
Сургута».
ИКЦ «Старый
Сургут». 2004 г.

167 --

Картина «Красные яблоки»
и рабочий чемоданчик К.В. Панкина.
Экспозиция «Семейный альбом Сургута».
ИКЦ «Старый Сургут». 2004 г.

ПОСЛЕСЛОВИЯ

• • • А всё это произошло на древней земле Югры: великой и просторной, открытой и гостеприимной, щедрой и загадочной...

Давно это было. Материк Ангарида покоился на водах океана Тетиса. Северный полюс был где-то в низовьях реки Лены, а здесь светило жаркое солнце. Короткое лето переходило в арктическую зиму, но климат был уникальный — тёплый, почти тропический, в течение всего года. Короткий период светового дня сменялся длинной ночью. Климат тот исчез и больше не повторялся. Буйная зелень покрывала материк с редкими видами растений, которые затем тоже исчезли. Есть предположения, что наши сибирские кедры, впитавшие в себя всю мощь земли и солнца, есть потомки тех древних деревьев.²⁷

Дивный край, дивная природа. Трудно даже представить себе, как выглядела эта земля примерно 300 миллионов лет назад, когда существовал материк Ангарида.

Как пласти плодородной почвы, формировалась и житейская мудрость людей, живших здесь позже. Из

далёкой глубины веков дошла она к нам в заповедях угром, их всего пять — на каждый палец ладони.

Собрал и обобщил их ученик сургутского учителя А.С. Знаменского -учёный-микробиолог, доктор биологических наук, член-корреспондент Петровской Академии наук и искусств, выходец из старинного сибирского рода, Юрий Ефимович Конев. Заповеди были составлены на основе разговоров с представителями коренных народов, в частности со старейшиной юганских ханты Николаем Когончина. Как писал сам Юрий Ефимович: «...число пять может показаться небольшим и недостаточным для жизни современного человека, но они имеют соборный смысл. За каждой из них стоит целая народная философия. Они практичны и обеспечивают жизнь северных людей даже в экстремальных условиях».²⁸

Он обсуждал текст составленных заповедей с Юваном Шесталовым, известным мансийским писателем, который одобрил суть этих заповедей. Сам же считал составленные заповеди своей лептой, внесённой в дело спасения Югры.

Немногословные, они несут мудрость, заложенную в крепости ладони, сжатой в кулак, являясь основой жизни. Впервые заповеди были опубликованы в журнале «Югра».²⁹ Но сегодня хочется повторить их ещё раз во имя земли, на которой мы живём, в благодарность всем тем, кто здесь жил ранее, сохранял и развивал мудрость, стремясь передать её другим. Вот эти заповеди:

ПЕРВАЯ ЗАПОВЕДЬ

Береги природу. Она твоё тело, твой дом, твоё продолжение в будущем. Это главная заповедь. Ей соответствует самый сильный палец — большой.

*Панорама Сургута с протоки Бардаковка. 1970-е гг.
Фото Б.А. Проводникова.*

ВТОРАЯ ЗАПОВЕДЬ

Достигнув зрелости, не сдерживай своих ростков жизни. Божественная природа оставит те из них, которые соответствуют ей. Эта заповедь соотносится с указательным пальцем. Он указывает на важное дело жизни человека, у которого не ослабел еще инстинкт жизни. Сохраняй численность и улучшай духовность членов своего рода.

ТРЕТЬЯ ЗАПОВЕДЬ

Учись смолоду, а в зрелом возрасте делись своими знаниями с ближними. Осуществление этой заповеди трудное, как трудно выпрямить средний (третий) палец при сжатых в кулаке всех остальных.

ЧЕТВЁРТАЯ ЗАПОВЕДЬ

Будь добр ко всем людям, и даже к тем из них, которые тебе не нравятся. Эта заповедь соответствует безымянному пальцу, который также трудно расправить при сжатой в кулак руке.

ПЯТАЯ ЗАПОВЕДЬ

Чти отца своего и мать свою, заботясь о них, как о детях своих. Эта заповедь в крови человека и выполняется легко, как легко выпрямить мизинец руки, сжатой в кулак.

Заповеди просты и вечны, как истина, доступны и понятны каждому. Близки, как сама северная природа, пришедшаяся по сердцу человеку пришлому как сегодня, так и много веков назад.

Приложения

Приложение 1

Сургутские казачьи роды XVII в.

1. Алексеевы
(Олексеевы)	26. Клепиковы
(Кляпиковы)
2. Афонасьевы
(Офонасьевы)	27. Ключаревы
3. Барановы	28. Кобелевы
4. Башмаковы	29. Колпашники
5. Беляевы	30. Кондаковы
6. Бесперстовы	31. Косолаповы
7. Боташковы
(Батошковы)	32. Кузнецовы
8. Ботолины	33. Куйвышевы (Куйва-
шевы, Куйвашовы)
9. Ботурины (Батурины)	34. Кушниковы
10. Васильевы	35. Лукины
11. Варовинка
(Варавинка)	36. Ляпины
12. Вепревы	37. Майковы
13. Вергуновы	38. Манастырщины
(Монастыршиковы)
14. Выдра	39. Мартыновы
15. Гарасимовы	40. Мезенец (Мезенце-
вы, Мезенцовы)
16. Голово	41. Меншиковы
17. Голощаповы	42. Михайловы
18. Добрынины	43. Мокушины
19. Домошевы (Домашо-
вы, Дамашовы)	44. Мороз
20. Дорофеевы	45. Муромцовы
21. Завьяловы	46. Наквасины (Ноква-
сины, Неквасины)
22. Замятини	47. Новосильцевы
(Новосильцовы)
23. Зуевы	48. Оксеновы
24. Ивановы	49. Обросимовы
25. Кайдаловы	

Приложения

50. Панкины	66. Силины
51. Перфильевы
(Перфирьевы)	67. Тарасовы
52. Петровы	68. Тверитиновы
53. Плотник
(Плотниковы)	69. Тимофеевы
54. Позеваловы	70. Торопчаниновы
(Торопчанины,
Торопчановы)
55. Поповы	71. Третьяковы
56. Портновы
(Портново)	72. Туполевы
(Тупылевы,
Тупыловы)
57. Проводниковые	73. Усольцевы
(Усольцовы)
58. Пучкины	74. Федуловы
59. Рытовы
(Рытово)	75. Чабаевские
60. Рыбник (Рыбниковые)	76. Шпаковские
61. Самойловы	77. Щепеткины
(Щепоткины)
62. Самостреловы	78. Юдины
63. Селивановы
(Селифановы)	79. Якимовы
64. Семеновы	
65. Сидоровы	

175 --

Книга окладного жалованья сургутским служилым людям, ружникам и оброчникам 1625/26 г. // РГАДА. Ф. 214. Кн. 1. Л. 320-331. Копия XVII в. // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Екатеринбург, 2002. С. 197-204.

Разборная книга служилым людям города Сургута 18 марта 1689 г. // РГАДА. Ф. 214. Кн. 931. Л. 1-50 об. Подлинник // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Екатеринбург, 2002. С. 204-229.

Городовой список города Сургута 1697 г. // РГАДА. Ф. 214. Кн. 1164. Л. 27-53. Подлинник // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Екатеринбург, 2002. С. 229-240.

Текущ. архив ИКЦ «Старый Сургут».

Приложение 2

**Древо старинных сургутских
казачьих родов
(дошедших до нач. XXI в.)**

1. Бесперстовы
2. Вергуновы
3. Добрынины
4. Домашовы
5. Завьяловы
6. Замятины
7. Кайдаловы
8. Колпашниковые
9. Кондаковы
10. Кузнецовы
11. Куйвышевы
12. Кушниковы
13. Лукины
14. Меншиковы
15. Новосильцевы
16. Панкины
17. Позеваловы
18. Поповы
19. Проводниковые
20. Силины
21. Тарасовы
22. Тверетиновы
23. Тимофеевы
24. Третьяковы
25. Туполевы
26. Усольцевы
27. Федуловы
28. Щепёткины

Российская Федерация, Тюменская область,
Ханты-Мансийский автономный округ,
Администрация города Сургута, Управление ЗАГС
01.08.2003 г.
Текущ. архив ИКЦ «Старый Сургут».

Приложение №3

Сведения о регистрации рождения и регистрации заключении брака

Фамилия	Регистрация рождения			Регистрация заключения брака		
	муж	жен	муж	жен	муж	жен
период	период	период	период	период	период	период
Беспёрстовы	1947-2001 г.г.	14	1946-1987 г.г.	9	1968-1999 г.г.	6
Вергуновы	1974-2001 г.г.	2	1987 г.	1	1981-2000 г.г.	3
Кайдаловы	1945-2001 г.г.	91	1944-2003 г.г.	89	1960-2002 г.г.	50
Кондаковы	1947-2002 г.г.	67	1935-2002 г.г.	82	1948-2002 г.г.	58
Куйвышевы	1945-1973 г.г.	2	1961 г.	1	1998 г.	1
Кушниковы	1946-2002 г.г.	25	1939-2002 г.г.	28	1963-2002 г.г.	20
Меньшиковы	1971-2001 г.г.	11	1970-1998 г.г.	10	1966-2001 г.г.	14
Панкины	1948-1996 г.г.	10	1948-1998 г.г.	10	1971-2001 г.г.	10
Приводниковы	1946-2003 г.г.	22	1949-1999 г.г.	18	1961-2003 г.г.	15
Силины	1964-1987 г.г.	36	1951-1963 г.г.	34	1960-2003 г.г.	23
Тверетиновы	-	-	-	-	-	-
Федуловы	1945-1999 г.г.	34	1947-2003 г.г.	25	1968-2002 г.г.	30
Щепёткины	1946-1988 г.г.	23	1947-2001 г.г.	29	1960-1999 г.г.	16

Российская Федерация, Тюменская обл., ХМАО, Администрация города Сургута, Управление ЗАГС
01.08.2003 г.
Текущ. архив ИКЦ «Старый Сургут».

Библиография

- 1.** Древний город на Оби: История Сургута. — Екатеринбург, 1994. — С. 94.
- 2.** Швецов С.П. Очерки Сургутского края // Тобольский север глазами политических ссыльных XIX — начала XX вв. — Екатеринбург, 1998. — С. 34- 111.
- 3.** Неклапаев И.М. Поверья и обычаи Сургутского края // Обряды, обычаи, поверья. — Тюмень, 1997. — С. 7-214.
- 4.** Дунин-Горкевич А.А. Тобольский Север. В 3-х т. — М.: Либерея, 1995-1996 гг.
- 5.** Прищепа А.И. Первая попытка историографического анализа научной литературы о Сургуте // Очерки истории Сургута. — Сургут, 2002. — С. 9-23.
- 6.** Клячкин В.Е. Санитарный очерк г. Сургута Тобольской губернии (по статистическим данным) // Краевед. — 1997. — 26 июля. — С.14; 6 сентября. — С.14 — 15; 25 октября. — С.8 — 9; Подорожник: Краеведческий альманах. Вып. 4. — Тюмень, 2004. — С. 94 — 120.
- 7.** Пирожников Г.А. Записки уездного исправника. — 2-е изд., испр. — Сургут: Северо-Сибирское регион. Кн. Изд-во, 2002. — 104с.
- 8.** Показаньев Ф.Я. Сургутские традиции // Город древний, город славный. — Сургут, 1994. — С.40 — 48.
- 9.** Кузнецов А.В. Мой Сургут. — Шадринск: ПО «Исеть», 1996. — 72с.
- 10.** Силин А.И. Традиции и обычаи предков // Мы вместе. — 2001. — № 5. — С. 23; Силин А.И. Традиции и обычаи. Через призму времени // Мы вместе. — 2001. — № 10. — С. 22-23; Силин А.И. Старинный, деревянный // Мы вместе. — 2001. — № 2, — С. 14.
- 11.** Захаров И.П. Моя земля. — Сургут: РИИЦ «Нефть Приобья», 1999. — 216 с., 89 илл..
- 12.** Захаров И.П. Старожилы. — Сургут: РИИЦ «Нефть Приобья», 2001. — 172 с., 140 илл.

Приложения

- 13.** Белобородов В.К. Сургутяне // Югра. — 2004. — № 9.
— С. 76-81.
- 14.** Клабуков И.Ю. Клепиковы (Кляпиковы) — старожильческая фамилия города Сургута // Северная цивилизация: Ставление, перспективы, проблемы: Мат-лы I Конгресса. — Сургут, 2004. — С. 328 — 330.
- 15.** Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири: Сб. науч. тр. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. — С. 144-243.
- 16.** Силин А.И. Население города и его происхождение // Мы вместе. — 2001. — № 3. — С. 23.
- 17.** Захаров И.П. Моя земля. — Сургут, 1999. — С. 15.
- 18.** Нефть Сибири. — М.: Недра, 1973. — С. 229.
- 19.** Ездаков Н. Щепёткины // Сургут и сургутяне. — Тюмень, 1998. — С. 235- 242.
- 20.** Ярошко А.Ф. Панкины // Их встречал и провожал Сургут. — Тюмень, 2000. — С. 6-18.
- 21.** Сенькина З.С. Иван // Улицы Сургута. — Тюмень, 2004. — С. 74-91.
- 22.** Сургут и сургутяне: Рассказ о людях и времени / Сост. Г.В. Кондрякова. — Тюмень: Предприниматель Ю.Л. Мандрика, 1998. — 256 с.
- 23.** Их провожал и встречал Сургут: Рассказы о фронтовиках / Сост. Г.В. Кондрякова. — Тюмень: Изд-во Ю.Л. Мандрика, 2000. — 160 с., илл.
- 24.** Сазонтова Н. Улица Михаила Щепётина // Улицы Сургута. — Тюмень, 2004. — С. 214-227.
- 25.** Давыдова Н. Традиции и обычаи коренных сургутян // Мы вместе. — 2004. — № 5. — С. 4-6.
- 26.** Древо града сургутского: Проект/Сургутская городская организация журналистов. — Сургут. — 2000. — С. 1. Текущ. докум. СГОЖ
- 27.** Карский П. Ангарида — древнейший материк // Югра. — 3 12. — 1999. — С. 50-51.
- 28.** Конев Ю. Как мы искали панацею // СПб. — 1998. — С.1-20 — 121.
- 29.** Югра // №№ 3-7. — 1997 г.

179

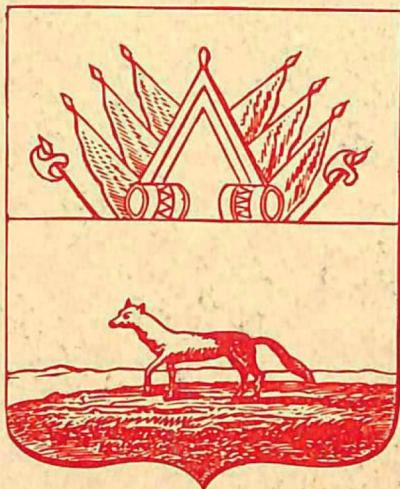
Содержание

Часть I. От корней идущие.....	3
Часть II. Судьбы.....	27
<i>Силины</i>	
«Силинские мужики»	28
<i>Федуловы</i>	
«Реки Федуловых»	36
<i>Кайдаловы</i>	
«Казак Кайдалов	44
<i>Менщиковы</i>	
«Жил-был казак на Дону...»	55
<i>Панкины</i>	
«Красные яблоки на струганном столе»	65
«Сургутская Лада»	71
<i>Кондаковы</i>	
«Поведали старые фото...»	83
«Осенние листья...»	94
<i>Кушниковы</i>	
«Нэля»	102
<i>Кондаковы</i>	
«Во деревне Широково»	107
«Человек от природы»	115
«Летние гостевания»	120
<i>Проводниковые</i>	
«Обстановочный старшина»	134
Часть III. Семейный альбом Сургута	143
Вместо послесловия	168
Приложения.....	173
Библиография.....	178

Центральная
городская
библиотека
г. Сургут

9000116784

Сургут стоит
на перекрёстке всех дорог,
ведущих и на север, и на юг.
Дорог, что пролегают
по Игре — древнейшей Земле
планеты.